

Полное Собрание  
СОЧИНЕНІЙ

Михайла Васильевича

ЛОМОНОСОВА,

Съ приобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ  
многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній.

Часть вторая.

---

Третьимъ тисненіемъ.

---

---

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,  
издѣвеніемъ Императорской Академіи Наукъ  
1803 года.



**ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,  
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.**



ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ  
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

---

Начало моего великаго шруда  
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда  
Сложенія мой любя Россійско слово,  
И шѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ миѣ ново.  
Тобою поощренъ въ сей пушь пустился я:  
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.  
И многи, и сѣя дана Тебѣ доброша,  
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.  
Природный видишь Твой и просвѣщенный умъ,  
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.  
Миѣ нуженъ швоего разсудокъ шонкой слуха,  
Чтобъ слабость своего возмогъ признашь я духа.  
Когда подъ бременемъ поникну упоменъ,  
Вниманіемъ Твоимъ возстану ободренъ.  
Хоша во слѣдъ иду *Виргилію, Гомеру,*  
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.  
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я ботовъ,  
Но истинны дѣла, великій шрудъ *Петровъ*.  
Достойную хвалу воздашь сему Герою  
Труднѣе, нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою:  
О ешьлибъ было по въ возможности моей!  
Бѣглець *Виргиліевъ* изъ опчества *Еней*  
Едвабъ съ *Мазепою* въ стихахъ моихъ сравнился,  
И басней бы своихъ *Виргилій* усшыллся.  
Уликсовыхъ *Сиренъ* и *Ахиллесовъ* гнѣвъ  
Во вѣкъ бы заглушилъ пошранный ревомъ *Левъ*.

## ПЕТРЪ В ЕЛИКІИ

За кѣмъ же я пойду? — Въ слѣдѣ подвигамъ *Петровымъ*,  
И возвышеніемъ стиховъ Геройскихъ новымъ  
Увѣрю цѣлыя вселенныя концы,  
Что тѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы:  
Что первый пѣлъ дѣла такого Человѣка,  
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.  
Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ шомъ шаланѣ;  
Однако скажушь всѣмъ я былъ судьбой избранъ.  
Желая въ умѣ вперись дѣла *Петровы* громки,  
Описаны въ моихъ стихахъ прочтушь пошомки.  
Обильные луга, прекрасны брега рѣкъ,  
И только гдѣ живетъ Россійскій человѣкъ,  
И почиаючи Россію всѣ языки,  
У коихъ по трудамъ прославленъ *Петръ* Великій,  
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,  
И спанутъ ихъ гласишь по рощамъ и лѣсамъ.  
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,  
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!  
Однакожъ я ошнюдъ надежды не лишенъ:  
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.  
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудъ словами,  
Спремлюся на Парнасъ какъ легкими крилами.  
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ Твоей  
Пренебрегаю злыхъ ропсаніе людей.  
И естли въ полѣ семъ прекрасномъ и широкѣмъ  
Прешоржешся мой вѣкъ недоброхошнымъ рокомъ;  
Цвѣшущимъ младостью ошанешся умамъ,  
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.  
Довольно таковыхъ родишь сыновъ Россія,  
Лишь былибъ завсегда защитники такіа,  
Каковъ Ты промыслѣмъ въ сей день произведенъ,  
Для щаснія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Благо-

*П О Е М А*

Благополучная сіяла къ нимъ планеша,  
Предвозвѣщающа плодъ въ Твои прекрасны лѣта.  
Въ благодѣяніяхъ Твои проходяшь дни,  
О коль красно цвѣшешь Парнассъ въ Твоей шѣни!  
Для Музы моея Твой вѣкъ всего дороже:  
Для многихъ щастія продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня, 1760 года.



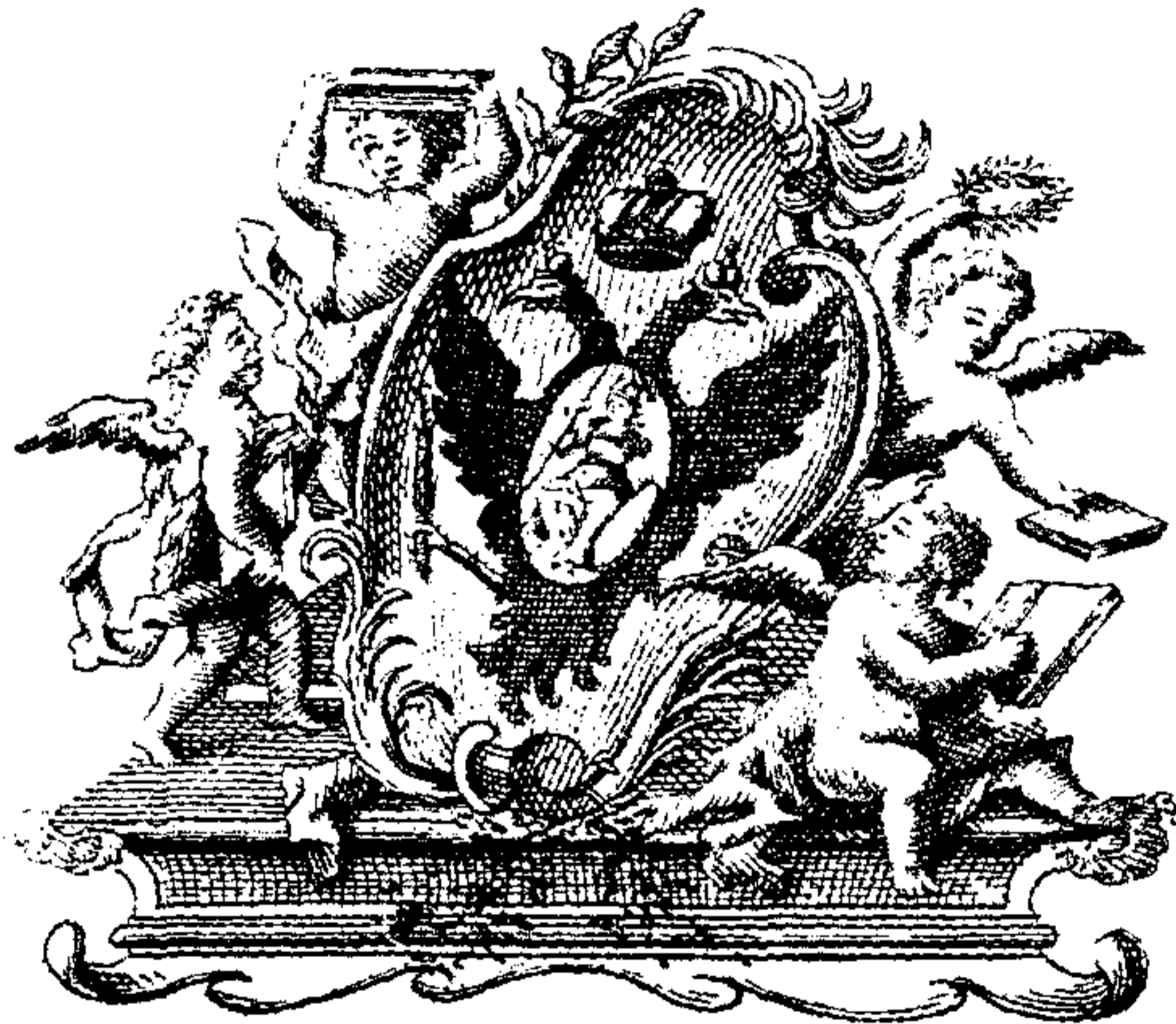
СОКРА-

---

## СОКРАЩЕНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

**ПЕТРЪ** Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идуть къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинить раззореніе и отвратить Государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь въ Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣство флотъ Шведской. Оттуда простирая походъ къ осадѣ помянутой крѣпости, по Бѣлому морю, терпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. По томъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при слугахъ разговора о расколѣ, сказываетъ Государь Настоятелю тамошнїя обители о стрѣleckихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей.





# ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

## ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Цюю премудраго Россійскаго Героя,  
Чшо грады новыя, полки и флоты строя,  
Ошъ самыхъ нѣжныхъ лѣшъ со злобой велъ войну,  
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;  
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ прошивныхъ,  
Рукой и разумомъ слертъ дерзосныхъ и льстивныхъ;  
Среди военныхъ буръ науки навъ ошкрылъ,  
И мѣръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

5

Къ шебѣ я вопію, Премудрость безконечна,  
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,  
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгъ духъ,  
*Петри* Великаго гласишь вселенной въ слухъ,  
И показать, какъ Онъ превыше челоуѣка  
Понесъ шруды для насъ неслыханны ошъ вѣка;

10

*Часть II.*

2

СЪ

15 СѢ какимъ усердіемъ опечество любя,  
 Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.  
 Да на Его примѣръ и на дѣла велики.  
 Смошря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,  
 Познають, что Монархъ, и что оещъ прямой,  
 20 Строишель, плавашель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой.  
 Дабы Россійскій родъ во вѣки поминалъ швердо,  
 Коль, небо! шы ему явилось милосердо.  
 Ты мысль мнѣ просвѣши; дѣлами *Петръ* снабдишь,  
 Велика Дщерь Его щедрой оживишь.

25 Богиня, коей власшь владычества всѣхъ прѣзыше,  
 Державство крошкое весны прекрасной тише,  
 И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній естъ законъ,  
 Ты внемлешь сѣ крошостью мой слабый лирный звонъ:  
 Склони, склони свой слухъ, когда я предъ Тобою  
 30 Дерзаю возгласишь военною трубою  
 Тебя родившее велико божество!  
 О море! о земля! о шварей естество!  
 Монархини моеи вы нраву подражайше,  
 И гласу моему со крошостью внимайте.

35 Ужѣ освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;  
 До Меошискихъ Донъ свободно шекъ валовъ,  
 Нося ужасной флотъ въ шпруяхъ къ пучинѣ черной,  
 Что созданъ въ скорости *Петромъ* несимовѣрной.  
 Ужѣ великая покоилась Москва,  
 40 Избывъ отъ люшаго злодѣевъ суровства:  
 Бушующихъ ширѣльцовъ достойной послѣ казни,  
 Просперла внѣ свой мечъ безъ внутренней боязни.  
 Отъ дерзкой наглости разгнѣваннымъ *Петромъ*,  
 Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ.

Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды , 45  
 Шашались мыслями и войскъ походомъ Шведы.  
 Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрой ходъ ,  
 Къ любезнымъ берегамъ полочныхъ бѣлыхъ водъ,  
 Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,  
 И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась. 50  
 О коль ты щастлива, великая Двина,  
 Чшо славнымъ шествіемъ его освящена !  
 Ты шѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, чшо устьями своими  
 Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,  
 Ошкрыла посредъ играющихъ валовъ 55  
 Другихъ всѣхъ прежде струй пучинъ зракъ *Петровъ*.  
 О холмы красные и ошровы зелены,  
 Какъ радовались вы симъ щастьемъ возхищены !  
 Чшо поздно я на васъ, чшо поздно я рожденъ,  
 И шѣмъ толикаго веселія лишенъ ; 60  
 Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величствомъ надъ вами ,  
 И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками ;  
 Какъ новы крѣпосши, и новы корабли,  
 Ужасные врагамъ въ волнахъ и на землѣ,  
 Смошрѣлъ и ушверждалъ, прошиву ихъ набѣгу, 65  
 Грозящему бѣдой Архангельскому берегу :  
 Дабы Россійскую шѣмъ силу раздѣлишь,  
 Онъ Ингерскихъ градовъ осады ошвратишь.  
 Но вдругъ пришествія *Петрова* въ сѣверъ слухомъ ,  
 Смущаясь пусшились вспяшь унылы, шомны духомъ. 70

Уже бѣлая Поншъ передъ *Петромъ* кипишь,  
 И влага успунишь, шумя, ему спѣшишь.  
 Тамъ вмѣсто чаянныхъ бореи флаговъ Шведскихъ,  
 Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.  
 Закрылись крайніе пучиною лѣса ; 75  
 Лишь съ моремъ видны вокругъ сліяны небеса.

Тутъ вѣтры сильныя имѣя флоты во власи,  
 Со всѣхъ сторонъ сложась къ погубельной напаси,  
 На Запа ъ и на Югѣ, на Сѣверѣ и Восшокѣ  
 80 Спрямятся, и вершатъ мглу, влагу и несокъ :  
 Перуны мракъ густой свѣтлая раздѣляють,  
 И громы съ шумомъ водъ свой прескъ соединяють :  
 Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ ;  
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ лешѣлъ ;  
 85 Въ сердцахъ великой страхъ сугубяшъ скрипомъ снасти.  
 Герой нашъ посреда великия напаси,  
 И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,  
 Сквозь грозный стонъ спихий къ блѣднѣющимъ гласитъ ;  
 „Мужайтесь; Промыслъ насъ небесный искушаетъ ;  
 90 „Къ трудамъ и къ крѣпости: на предки ободряетъ ;  
 „Всякъ дѣлу своему со щаніемъ внимай :  
 „Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.,,  
 Омъ гласа въ грудь пловцамъ, кровь пенная вліялась,  
 И буря въ ярости крошаче показалась..

95. Я мыслю, что тогда: сокрыша въ морѣ мочь,  
 Желая отвратитъ, набѣгъ прошивныхъ прочь,  
 Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла  
 Чшо въ плаваньи. *Петра*: нечаянно постигла

О вы рачители: и слушатели словъ,  
 100 Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть *Петровъ*,  
 Едина, истинна, возлюбленна и сродна,  
 Омъ вымысловъ краса Парнаскихъ негодна!  
 Позвольте между шѣмъ, чшобъ слаба мысль моя:  
 И голосъ опочилъ, труды Его поя;  
 105 Въ Кастальски роци я не съ шѣмъ себя склоняю ,,  
 Чшо онымъ шамъ: сыскашь, красу и силу, чаю :

Ключи, источники, долины и цвѣшны  
 Не могутъ дѣль Его умножить красоты;  
 Собой они красны, собой они велики.  
 Ошважась въ долгій путь гдѣ шрудности долины,  
 Ищу, чѣмъ иногда имѣшь себѣ покой,  
 Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной:  
 Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ  
*Петра* въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ  
 И славы истинной въ блистающихъ лучахъ. 110  
 Какое зрѣніе мечтается въ очахъ?  
 Я на землѣ стою, но страхомъ колебаюсь,  
 И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!  
 Мнѣ всякая волна бысть кажется гора,  
 Что съ ревомъ подаетъ обрушась на *Петра*. 115  
 120

Но промыслъ въ глубину десницу простираешь;  
 Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаешь.  
 Какъ въ разныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,  
 Ржешь, пышешь, ошъ копыть восходишь вихремъ прахъ;  
 Однако доскакавъ до вышины крушья, 125  
 Вздохнувъ кончаешь бѣгъ, льешь токи потовья:  
 Такъ Сѣверъ укрощаясь въ послѣдніи возсеналъ.  
 Но усталымъ валамъ Понтъ пѣну разстилалъ;  
 Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югъ чистый,  
 Открылись два холма и береги лѣсисшы. 130  
 Межъ ними кораблямъ въ заливъ ошверзся входъ,  
 Убѣжище пловцамъ ошъ безпокойныхъ водъ;  
 Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крушьясь печальна Уна,  
 Медлительно шечетъ въ обѣяшія Непшуна.  
 Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣсна и мала; 135  
 Но Предковъ рокомъ злымъ *Петровыхъ*, прослыла:  
 Когда коварнаго свирѣпшвомъ Годунова  
 Кипѣла пролиша невинныхъ кровь багрова;

Какъ

- Какъ Праощевъ Его онъ въ сѣверѣ заточилъ,  
 140 Во влажномъ мѣсѣ семъ, о злоба ! уморилъ.  
 Сошелъ на берегъ *Петръ*, и ободрилъ шопами.  
 Мѣста обмочены Романовыхъ слезами.  
 Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.  
 Межъ шѣмъ способной вѣтрѣ въ свой путь сзываетъ флотъ.  
 145 Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаетъ ;  
 И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.  
 Тогда плывущимъ *Петръ* на полночь указалъ,  
 Въ спокойномъ плаванѣ сѣи слова вѣщалъ :  
 „Какая похвала Россійскому народу  
 150 „Судьбой дана, пройди покрышу льдами воду.  
 „Хотя шамъ кажешся пославленъ плыть предѣлъ ;  
 „Но бодрость подають примѣры славныхъ дѣлъ.  
 „Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама,  
 „И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.  
 155 „Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ  
 „Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ ;  
 „Подвигнушы хвалою, исполнены надежды,  
 „Копорой лишены пугливые неѣжды ,  
 „Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,  
 160 „Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.  
 „Иное небо шамъ и новыя сѣшила,  
 „Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.  
 „Бездонный Океанъ правой какъ лугъ покрывъ ;  
 „Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозишь.  
 165 „Опасенъ вихрей бѣгъ, но шишина страшнѣе,  
 „Что портишь въ жилахъ кровь свирѣлыхъ ядовъ злѣе.  
 „Лишаетъ долгой зной здоровья и ума.  
 „А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.  
 „Самъ ледъ, что кажешся шоль грозенъ и ужасенъ,  
 170 „Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.

„Колумбы Россіе презрѣвъ угрюмый рокъ,  
 „Межь льдами новый путь шворають на возшокъ,  
 „И наша достигнетъ въ Америку держава;  
 „По нынѣ настоитъ въ войнахъ иная слава.,,  
 Нажды полный взглядъ слова его скончалъ,  
 И добрый духъ къ трудамъ на всемъ лицѣ сіялъ. 175

Достигло дневное до полночи свѣшило,  
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,  
 Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,  
 И просширало блескъ багровой изъ за льдовъ. 180  
 Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи  
 Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкають въ очи.  
 Отъ сѣвера спада морскихъ приходятъ чудъ  
 И воду вихрями крушатъ, и къ верьху бьютъ,  
 Предшесвуя царю пространныя пучины, 185  
 Что двинулся къ Петру, ошибкою повинный,  
 Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.  
 Въ недостигаемой отъ смерсныхъ сторонъ,  
 Между высокими камнистыми горами,  
 Что мы по зрѣнію обykle звашь мѣлями, 190  
 Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;  
 На шомъ сего царя палаты и престолъ.  
 Столпы округъ его огромныя кристаллы,  
 По коимъ обвились прекрасныя кораллы.  
 Главы ихъ сложены изъ раковинъ вишыхъ, 195  
 Превосходящихъ цвѣтъ души межъ шучь густыхъ,  
 Что кажеть укрошая намъ громовая буря;  
 Помостъ изъ асида и чистаго лазуря.  
 Палаты изъ одной изсѣчены горы;  
 Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры; 200  
 Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,  
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.

Тамъ

Тамъ тронъ жемчугами усыпанный яншарь;  
 На немъ сидишь волнамъ съдымъ подобенъ Царь.  
 205 Въ заливы, въ Океанъ десницу простираешь,  
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваешь.  
 Одежда царская порфира и виссонъ,  
 Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.  
 Ни мразы, ни Борей шуда не досягаютъ,  
 210 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникаютъ.  
 Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣшель водъ возникъ:  
 Вздвигая радостной морскія ищицы кликъ.  
 Онъ въ слѣдъ къ плывущему Герою обратился,  
 И новости судовъ *Петровыхъ* удивился:  
 215 „Твои, сказалъ, моря, надъ нами царшвуй вѣкъ;  
 „Тебѣ шеченіе пространныхъ шѣсно рѣкъ:  
 „Построй великой флотъ; поставь въ пучинѣ спѣны.„  
 Скончали пѣніемъ сей гласъ его, сирены.  
 То было, либо шакъ бышь надобнобъ сему,  
 220 Чшо долженъ Океанъ Монарху своему.

Уже на западѣ восточными лучами  
 Ошкрылся освѣщенъ съ высокими верьхами  
 Пречудныхъ спѣнѣ округъ, изъ дикихъ камней градъ;  
 Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.  
 225 Отъ міра ошдѣлясь и моремъ и святыней,  
 Примѣръ ошеческихъ ошъ древнихъ лѣшъ пустыней,  
 Лишь шолько лишены пріятнѣйшихъ плодовъ  
 Отъ дровъ, что подають и пищу и покровъ:  
 Не можеть произвестъ короткое ихъ лѣшо;  
 230 Снѣгами въ проши дни лице земли одѣшо.  
 Сквозь мракъ и сквозь шуманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ.  
 Восходишь къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.  
 Къ симъ спшогимъ берегамъ великій *Петръ* приходитъ,  
 Внимательный свой взоръ на зданія возводишь.

Изъ



Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,  
 Водами ошо всѣхъ сторонъ окружена,  
 Его и воиновъ съ веселіемъ приемлешъ;  
 Спрѣльбѣ и пѣнію пущыня купно внемлешъ.  
 На вспрѣчу съ ликомъ Фирсѣ усердствуя спѣшишъ;  
 И Гостя осѣнивъ, въ возшоргѣ говоришъ: 240  
 „Благословенъ Твой путь Всевышняго рукою:  
 „Могущество Его предходишъ предъ Тобою.  
 „Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смощя.  
 „О имени своемъ возвеселишъ Царя.  
 „Живящія Его въ семь мѣстѣ благодаши 245  
 „Причастны новыя Твои да будутъ рати.  
 Монархъ ошъ промысла избранный человекъ  
 Виѣнилъ, что передъ нимъ стоѣтъ Мельхиседекъ,  
 Побѣды прежнія Его благословляешъ,  
 И къ новымъ шоржесшвамъ духовно ободряешъ. 250

Монархъ почтивъ шруды и знаки чудныхъ дѣлъ,  
 Спроеніе вокругъ и мѣсто осмошрѣлъ:  
 Спросилъ Насшавника: „Кшо сии васъ горами  
 „Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?  
 „Великій Ісаниъ, Твой сродникъ и причѣръ, 255  
 „Что Россѣвъ превознесъ и злыхъ Агарянъ шерѣ.  
 „Онъ жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,  
 „Межъ прочими и здѣсь дадъ милосшыню многу:  
 „Пятьсотъ измѣнниковъ поиманныхъ Ташаръ,  
 „Имъ въ казнь, обителю прислалъ до смерши въ дарѣ. 260  
 „Рабожною ихъ рукъ сѣи воздвиглись стѣны,  
 „И Праощевъ Твоихъ усердіемъ снабѣины  
 „Въ холодной сей сивранѣ ошъ буръ покровъ даюшъ,  
 „Безмолвно бдѣніе и безнавѣшенъ шрудъ.  
 Сие въ ошвѣшъ далъ Фирсѣ; и указавъ на слѣды, 265  
 Гдѣ церковь надъ врагомъ семь лѣшъ ждала побѣды,

Сказалъ: , здѣсь каменны передѣ стѣной валы  
 „Насыпаны прошивѣ раскола и хулы.  
 „Желая ереси изшоргнуть Твой Родишель,  
 270 „Исправишь церкви чинѣ послалѣ въ сію обидель,  
 „Но грубыхъ шѣхъ невѣждѣ въ надежныхъ шоль стѣнахѣ ,  
 „Не преклонилѣ ни гладѣ, ни должной казни страхѣ.  
 „Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,  
 „Не двинулись своихъ кровавыми спруями;  
 275 „Пока упрямство ихѣ унижилѣ Божій судѣ,  
 „Ужѣ въ церковной всѣ послушности живущѣ.  
 Монархѣ вспомянулѣ, коль много отѣ раскола  
 Простерлось наглосней и къ высотѣ прешола,  
 Вздохнувѣ повѣсшвовалѣ ужасную напастѣ,  
 280 И властолюбную Софїи хитрой страстѣ.

Ахѣ, Музы, какѣ мнѣ пѣшь? Я шѣхѣ лишу покою,  
 Которыхѣ сродники развращены мечшою  
 Не щились за *Петромѣ* въ благословенной пущѣ,  
 Но щещено мыслили прошивѣ Его дерзнушь.  
 285 Прешавивѣ злобу ихѣ гнушаюсь и жалѣю,  
 Что родѣ ихѣ огорчу невинностью своею!  
 Какой бодритѣ меня и лучѣ и жарѣ и шумѣ,  
 И гонитѣ въ скорости смущенныхѣ шучу думѣ?  
 Сѣ прекрасной высотѣ, сѣ великаго Парнасса  
 290 Наполнился мой слухѣ пронзающаго гласа.  
 Минерва, Аполлонѣ и девять сестрѣ зовутѣ,  
 И нудяшѣ совершитѣ священный стѣшно шрудѣ.  
 „Ты хочешь въ землю скрышѣ врученно смысла злато?  
 „Мы пѣшь тебѣ велимѣ; и что велимѣ, то свято.  
 295 Уже сѣ горы гласу Богинѣ великихѣ властѣ:  
 Въ спокойствѣ чтите вы предписанную частѣ.  
 Когда похвальныхѣ дѣлѣ вы ходите по слѣду,  
 Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;

Когда

Когда прошивна вамъ неправда, злоба, лесть,  
 И въ сердцѣ царшвуешъ правдивость, совѣшь, честь; 300  
 Премѣна зла въ добро явишся дѣло чудно.  
 И за попрекъ хвалу вамъ заслужишь не шрудно.  
 А вы, что хвалишесь заслугами ошцевъ,  
 Ошнюдѣ ошеческихъ дошпоишшвъ не имѣвъ,  
 Не мнише о себѣ, когда ихъ похваляю: 305  
 Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,  
 Ни злости не спрашусь, ни шребую добра;  
 Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Цяшь кратѣ прошивъ меня, Онѣ сказывалѣ, возшала,  
 И царшвовашъ сештра чрезѣ кровь мою искала. 310  
 Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,  
 Въ завѣсу свяшосши пришворной обвилась,  
 Прошивниковъ добру крѣпила злы совѣшы,  
 На сродниковъ моихъ и на меня навѣшы.  
 Передѣ кончиною мой старшій братѣ признавъ, 315  
 Чшо средній въ силахъ слабѣ и внушренне не здравѣ,  
 Способность предпочелѣ ешесшвенному праву,  
 И мнѣ препоручилѣ Россійскую державу.  
 Сештра подѣ образѣ, чшобѣ братѣ былѣ защищенѣ,  
 И купно на престолѣ со мною посаженѣ, 320  
 Въ немѣ слабость, а во мнѣ дни дѣшски презирала.  
 И руку хищную къ державѣ просширала.  
 Но прежде пришворясь, сосшавила совѣшъ,  
 Къ кошорому боярѣ и всѣ чины зовешъ,  
 И церкви швердаго шполпа Іоакима; 325  
 Душа его была ошѣ ней непобѣдима.  
 Коварную начавъ съ пришворной скорбью рѣчь,  
 Свой принудила и прошчихъ слѣзы шечь.  
 „Когда лѣбезнаго Теодора лишились,  
 „Въ какой печали мы, о небо, потрузились! 330

- „Но сверхъ той вопіешъ естествонный законъ,  
 „Что меньшій старшему ошъемлешъ брану шронъ.  
 „Стрѣльцы и весь народъ себя вооружающъ,  
 „И общей паубой Россіи угрожающъ.  
 335 „Всѣ ропщутъ: для чего обойдеиъ Іоаниъ:  
 „Возложатъ на него убійствомъ Царской санъ!  
 „Познавъ шакую злосць, ошѣшествовалъ Священель:  
 „Отъ жизни отходя и бранъ пивой и Родишель,  
 „Избраніе ПЕТРА препоручили намъ:  
 340 „Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.  
 Несклоннаго сего отвѣша ради гнѣвна,  
 „Съ народомъ выбирашь, сказала имъ Царевна;  
 „Съ народомъ выбирашь, не запершишь въ чершойъ  
 „Поведѣваетъ вамъ и общество и Богъ.  
 345 Толстой къ Софіину и Милославской слову,  
 По особливому сошедшійся зову,  
 Согласно, дерзостно поборствоваали ей;  
 Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.  
 Іоакимъ со всѣмъ предешавилъ купно ликомъ:  
 350 „Мы избрали ПЕТРА и сердцемъ и языкомъ.  
 „Ему здѣсь вручена державы вышней часши  
 „Съ престола низвешпи уже не наша власшь.  
 Софія видя ихъ прошивъ себя упорство,  
 Склонила замысловъ къ иной спезѣ проворство.  
 355 Въ надеждѣ досягнушь своихъ желаний злыхъ,  
 Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.  
 Однако Патріархъ ошнюдъ не колебался:  
 И сими отъ того словами, отказался;  
 „Опасно въ обществѣ многоначальству бытъ.  
 360 „И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословишь.  
 И шакъ возставъ отъ Ней съ Священельми отходяшъ.  
 Софію спрасшь владѣшь въ безчувственностъ приводитъ.

Дѣлятъ на скопищахъ Москву буншовщики,  
 Готовясь шокъ пролить кровавыя рѣки,  
 Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство, 365  
 И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство:  
 Обсѣли улицы, порги и ворота;  
 На разхищеніе разписаны мѣста.  
 Безъ сна былъ злобной скопъ, не зашворяя ока,  
 Лишь спишь незлобіе; не зная близко рока. 370

Открылся тайный ковъ, когда исчезла пѣнь;  
 Багровая заря кровавый вводитъ день.  
 Наружъ выходитъ, что умыслила Софія,  
 И что Совѣтники ея велѣли злыя.  
 Уже измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй; 375  
 И Милославскаго орудіе Толстой,  
 Толстой въ буншующихъ шеренгахъ разбѣзжаетъ,  
 И дерзкихъ ложными словами поощряетъ.  
 Кричитъ: что Іоаннъ младый Царь удушенъ,  
 Нарышкиными, ахъ! шоль горько умерщвленъ. 380  
 Тогда свирѣпствуя жестокіе тираны,  
 Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.  
 Свѣшило вешнихъ дней ославя высоту,  
 Девятого часа скрывало красоту.  
 Внезапно въ ужасъ Москва зрится изумленна 385  
 Оружіе на кремль съѣтаще и знамена.  
 Колеса тяжкія подъ пушками скрипятъ,  
 Глаза ошчальныхъ кровавые горятъ.  
 Лишь дому Царскаго, что должны чинить, достигли.  
 Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли: 390  
 На мечь спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдашь,  
 Или мы станемъ всѣхъ бишь, грабимъ и шерзашъ.  
 Бояре спаршіе Машвѣевъ, Долгорукой,  
 Представъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой.

Что

- 395 Что всѣ волнуяся напрасно обуяѣ ;  
 Что Іоаннъ съ ПЕТРОМЪ безъ поврежденья здравѣ ,  
 И только лишь о семъ смущеніи печаленѣ.  
 Симъ словомъ дерзскій бунтѣ былѣ нѣсколько умаленѣ:  
 Всѣ ждали, чтобы ияѣ молодыхъ Царей узрѣшь ,
- 400 И въ дома возвращаясь, спокойствіе имѣшь.  
 Увидѣвъ изъ своихъ чершоговъ шо Софія,  
 Что пресѣкаются ея коварства злыя ,  
 Подгниѣшу буйности вельла дашь вина ,  
 Чтобы снова возпылавѣ горѣла внутрь война.
- 405 Тутѣ вскорѣ развѣрясь стрѣльцы, какѣ звѣри дики,  
 Возобновили шумѣ убійственной музыки:  
 Подобно какѣ бы всю Москву сѣдалѣ пожарѣ.  
 Царица, Машъ моя, прошеніемъ боярѣ  
 Для уполенія всеобщія напаси
- 410 Презрѣвъ шоль близкой рокѣ, презрѣѣ горящи спраси,  
 Выводишѣ насѣ съ собой на красное крыльцо.  
 Опасность, слезы, гнѣвъ покрывѣ ея лицо ;  
 И брата и меня злодѣямъ показала,  
 И чтобы успокоились, со власшью увѣщала.
- 415 Толпами нагле на верхѣ взбѣгали къ намѣ,  
 И мыль шо<sup>2</sup> кликами обѣхѣ по именамѣ.  
 Обличены въ конецѣ и правдой и присудствомѣ,  
 Хотятѣ оставишѣ злость неправедну съ безсудствомѣ ,  
 И часть бунтующихѣ въ обратной бьютѣ походѣ.
- 420 Царевна усмотрѣвъ, что тихнетѣ злобный родѣ,  
 Коварство новое въ погибель составляетѣ,  
 И искры яркія въ сердца стрѣльцамѣ высыпаетѣ ,  
 Сказавѣ имѣ собственну опасность и боязнь;  
 Что завтрѣ люшая самихѣ поситнетѣ казнь,
- 425 И шѣ имѣ отомстятѣ, что нынѣ въ оныхѣ волѣ:  
 Пропущенны часы не возвращаясь болѣ.

Какъ на поляхъ пожаръ въ началъ утуненъ,  
 Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ  
 Сухой ивросникъ праву въ дни лѣтніи поядаетъ,  
 И пламень слабыя препяшсхва превышаетъ; 430  
 Подобно такъ стрѣльцы страхъ съ лютошью смѣшавъ,  
 И поощреніемъ злодѣйскимъ возпылавъ,  
 Въ чертоги Царскіе насильно устремились,  
 Убійствомъ, наглосью неистово вломились.  
 Царица мать моя среди такого зла, 435  
 Среди опчаянья едва спасшися могла,  
 Гдѣ праотцевъ прешолъ въ палату грановишу,  
 Ко святоспи его и къ Вышнему въ защису.  
 Въ чертогахъ жалкой сшонъ, шерзанье и грабежъ  
 И раздаешя крикъ: коли, руби и рѣжь. 440  
 Одни Софіины покои лишь свободны  
 И двери варварамъ буншующимъ невходны:  
 Для убіеня не нуженъ былъ въ нихъ искъ:  
 На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ,  
 Внезапно большей шумъ сердца въ насъ утѣсняетъ: 445  
 Въ злодѣйшвенныхъ рукахъ Нарышкинъ возрыдаешъ,  
 Не могъ его закрыть и жертвенникъ свяшый.  
 Лешилъ на копя поверженъ съ висошы.  
 Текущу видя кровь рыкаюшъ: любо, любо!  
 Пронзеннаго поднявъ се глясятъ сугубо. 450  
 Сего невинный духъ предшеча къ небесамъ  
 Ошавилъ шлѣнну часть неистовымъ врагамъ.  
 Немедленно мечи сверкаюшъ обнаженны,  
 И раздробляюшя шрепещущіе члены!  
 Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевашъ, 455  
 Чшобъ кровь сію проливъ престали буншоваиъ,  
 Подобной лютошью злодѣи похищаютъ,  
 На копя съ крыльца низвергнувъ прободаюшъ.

Старѣйшихъ стольниковъ и знашнѣйшихъ бояръ  
 460 Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.  
 Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!  
 Въ послѣдней разѣ взглянулъ на стражущаго сына.  
 Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ  
 Межъ членами другихъ окровавленъ лежишь.  
 465 И краснорѣчьемъ несчастливой Машѣевъ,  
 Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,  
 Убишь; но въ смерти живъ: что блѣдная глава  
 Движеньемъ кажешь устѣ нескончаны слова.  
 Коль много послѣ нихъ невинно пострадало:  
 470 Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,  
 На беззаконную влекли безчестно казнь!  
 Скончался люшый день, ошалася боязнь.

О скорбный люшый день и варварствомъ ужасный.  
 День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!  
 475 Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,  
 Сей смертоносной змѣй Димитрія угрызъ,  
 Когда убивецъ злой вертелъ въ горшани жало,  
 И сердце матерне опчаясь обмирало.  
 Мнѣ чувства изострилъ мой собственней примѣръ,  
 480 Лишь вспомню, вижу я, какъ злился изувѣръ.  
 Въ младенческомъ умѣ зорѣ люшый вкоренился.  
 И нынѣ вспомянувъ я духомъ возмутился:  
 Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,  
 Какъ рождающая меня держа въ своихъ рукахъ  
 485 Мой верьхъ и грудь свою слезами обмывала,  
 Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;  
 Когда безчувственной въ продержосши злодѣй  
 Горшани копьемъ касаясь моею  
 Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ, или себя и сына  
 490 Постигнешъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.



О промыслѣ въ оной часѣ ты чудо сотворилѣ;  
Злодѣйску руку прочь злодѣйской ошвратилѣ,  
Изъ жаждущихъ Моей погибели сыскался,  
Кшобѣ о Моемъ тогдажѣ спасеніи старался.

Вѣ то время съ Федоромъ и Маршемьяномъ Левѣ 495  
По селамъ страншвуя скрывались межѣ деревѣ,  
Вообразивъ своихъ невинну спрасѣ рыдали,  
И собственную смерть всечасно предсшавляли.  
Тогда почтенный мужѣ при шарости Кирилѣ,  
Последній Дѣдѣ Мой дни въ зашворахъ шѣсныхъ крылѣ; 500  
Другихъ, не своего шерзанія боялся,  
Чшобѣ крови шокѣ сыновѣ предѣ нимѣ не проливался.

Вѣ отчаяннѣ, вѣ шокѣ, вѣ шенаніи, безѣ сна,  
Подобна смерти ночь тогда провождена.  
Стрегущихъ звѣрской взорѣ и осажденныхъ блѣдношѣ 505  
Изображали вдругѣ насилѣ и бѣдношѣ.  
Злодѣйской вольношѣю плѣненная Москва  
Казалась вѣ пропасти погребена жива.  
Какѣ неусыпной червѣ шоска всемѣ грызла груди,  
Но съ свѣломѣ больше скорбѣ почувшвовали люди. 510  
Вездѣ шревогу бьютѣ. Мяшежнической крикѣ,  
Наполнивѣ слезный градѣ, до облаковѣ досшигѣ.  
Рыканья звѣрска нешшова возношѣ,  
Нарышкина на смерть ярясь Ивана просяшѣ.  
Грозяшѣ, что скоро всехѣ посшигнешѣ шрогій рокѣ, 515  
Прольешся по Москвѣ и слезѣ и крови шокѣ.  
Но не дошла еще нещасшнаго година,  
Еще на день шоску оставила судьбина.  
По граду изѣ Кремля разсыпался мяшежѣ:  
Вѣ рядахѣ, вѣ домахѣ, вѣ церквахѣ насильство и грабежѣ. 520

Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,  
 И къ расхищенію богатства устремилась.  
 Презрѣнне святынь, позоръ почтенныхъ лицъ,  
 Укоры знашныхъ женъ, ругательство дѣвицъ,  
 525 Лишеніе всего богатства превышали:  
 Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превосходитъ всѣ печали.

Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,  
 Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!  
 Уже опягошась весь день пишемъ излишнимъ  
 530 И изъ несчастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ,  
 Шашающа, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.  
 Градски враша блюдетъ ихъ сража и запоръ.

Царевна усмотрѣвъ, что время прѣшекаетъ,  
 А умыселъ ея конца не достигаетъ,  
 535 Сирѣльцамъ назавтрѣ велѣла присшупашъ,  
 И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,  
 Къ Царицѣ шлетъ большихъ Боярѣ для уговору,  
 Чшобъ браша и ошца сирѣльцамъ дала безъ спору:

„Уже чиняшъ присшупъ ко красному крыльцу:  
 540 „Безъ выдачи не бышь смяшенія концу.  
 Для уваженія въ совѣшъ словъ Боярскихъ  
 Предсшавила особъ опасносшь Государскихъ.  
 Нарочно яко бы для ушоленья зла  
 Сама въ родившія Меня чершогъ пришла.  
 545 „Для собственной Твоей и для Дѣшей избавы  
 Свирѣпы укроши сирѣльцовъ сказала, нравы,  
 „Спаси Себя и ихъ спасносшь опложи,  
 „И браша и ошца для миру покажи.  
 „Здѣсь домъ Спасителевъ, защита есть велика.  
 550 „Кто смѣешъ ихъ опияшъ отъ Божескаго лика?

Послѣ-

Послѣдуя судьбѣ и льстивымъ шоль словамъ,  
 Изъ пошанныхъ мѣстъ Нарышкинъ входитъ въ храмъ.  
 Въ слезахъ свяшый олшаръ цѣлуешъ и объемлешъ,  
 И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлешъ,  
 Готовишя приняшъ спрадалъческой концѣ. 555  
 „Невинность, говоритъ, разсудишъ самъ Творецъ.  
 Тушъ руки Мать Моя Царевнины лобзая,  
 Для брашней пагубы всечасно обмирая,  
 Рыданіемъ Свою прерывала рѣчь:  
 Изсякнувъ не могли ужъ слезы больше шечь. 560  
 „Для ошческой къ тебѣ, супружной Миѣ любви  
 „Не проливай еще Моей невинной крови.  
 „Предсшавъ, что сей по миѣ и Алексѣю брашъ,  
 „И дядя и ошецъ его оставшихъ чадъ.  
 Софія слѣдовашь велѣла за собою. 565  
 Нарышкину къ стрѣльцамъ, поднявъ его рукою.  
 Съ пришегорной жалосшью. Царица ошъ шоски  
 Держалася другой Ивановой руки.  
 Какъ волки хищные на Агвца наскочили,  
 Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили; 570  
 Презрѣвъ Царицыныхъ и власшь и свяшость рукъ,  
 Безчесшно за власы влекушъ на горесшь мукъ.  
 Межъ шѣмъ сестра себя преѣ черню извиняла,  
 Что брашьевъ кровью сей ошъ смерти избавляла.  
 Царица внѣ Себя не зная, что ошецъ 575  
 Въ ошсущество ея неволей спалъ чернецъ,  
 Полуумершимъ въ слѣдъ на браша смотришъ взоромъ,  
 Терпящаго шоль зло мученге съ позоромъ.  
 Нещасшнаго на шоргъ злодѣи привлекли:  
 И лояны клеветы, оставя стыдъ, взвели, 580  
 Что будшо по своей онъ безразсудной спрашти  
 Монаршеской искалъ продержосшню власти.

Безъ доказашелся по шомъ его шерзавъ,  
 На копья подняли, и кинули сперемглавъ;  
 585 Ошѣкли варварски и рѹки и главу.  
 По злосши слышатъ все въ народъ ужъ молву,  
 Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили :  
 „Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.  
 „Васъ мстительный пожретъ неукосненно мечъ,  
 590 „И крови какъ водѣ достойно вашей печь.  
 „Начала только ждемъ: велика вся Россія,  
 „Исторгнешъ корень вашъ за возмущенья злыя.  
 Стрѣльцы жоя рабамъ сулили дань свободу,  
 И крѣпости подравъ, сказали шо народу,  
 595 Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.  
 Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,  
 Свирѣпость празникомъ всеобщимъ окончали :  
 На царство брата вдругъ со Мною увѣнчали.  
 Софія воздала преступнымъ мзду и честьъ,  
 600 И граматы Москвой на злыхъ главахъ пронесъ.  
 Велѣла въ шоржесствѣ, чтобъ скривъ свой зашѣмъ:  
 Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи-  
 Побитыхъ имена чинались на столпахъ  
 И вѣрнымъ Ошчеству въ сердца вливали страхъ.  
 605 Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укрошился  
 И Я въ спокойствіи къ наукамъ обратился.  
 Искалъ, гдѣ знанія сияетъ ясно лучъ,  
 Другая мнѣ гроза и мракъ стуженныхъ шувъ.  
 Ошъ суевѣрія и грубости возводишь,  
 610 И видомъ свящоссти сугубой страхъ наводишь.  
 Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ  
 И пущосвящъ злодѣй, его сообщникъ думъ.  
 Невѣжесно почетъ за свящоссть шарой вѣры,  
 Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры :

Хованской

Хованской съ сыновии и Мей и церкви врагъ, 615  
 Не устыдился бысть въ совѣшѣ побродягъ.  
 Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капищовъ,  
 Тамъ камни бросаны прошивъ святыхъ законовъ.  
 О церковь! о святынь исполненный олтарь!  
 О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злоба шварь! 620  
 Не можно иль почешъ въ сообществѣ словесныхъ,  
 Чшо смыслъ и совѣсть ихъ и чешъ въ предѣлахъ шѣсныхъ.

Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Иоакимъ,  
 Мятешники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ  
 Къ лицу Священнаго для вреднаго раздора, 625  
 Скрывая крамолу подъ именемъ собора.  
 Когда отъ дерзости ихъ крошко ошвращалъ  
 И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщаль,  
 Ты волкъ, ты хищникъ злой, безстыдно съ шумомъ лающъ,  
 И камнемъ въ него и въ клиръ его бросающъ. 630  
 Онъ наглыхъ Пашріархъ тогда ерешиковъ  
 Къ Монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.



---

## СОКРАЩЕНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ къ Шлиссельбургу черезъ Олоонецъ, осматриваетъ горы, и прилѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣряется основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужныя къ предпріимлемому строенію новаго великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невогою впрядь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осаду окружена новыми его войсками, и огнестрѣльными орудіями приведена въ крайнее утѣсненіе. Жечской полкъ присылаютъ изъ города просить о вылукѣ; на это отказано: Россійское же войско не за тѣмъ городъ обступило, чтобы женъ разлукить съ мужьями. Между тѣмъ по цинченному приготовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и сильному наладенію непріятель противится весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣстницы коротки, и Шведы обороняясь храбро, пригнѣютъ немалой вредъ Россіянамъ, повелѣлъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣстницами наступленіе цинчить благополучнѣе. Посланному главной предводитель на приступѣ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ: это уже большая трудность преодолѣна; а если снова приступъ начинать, то больше людей потерять должно. Послѣ того вскорѣ цинченымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ, съ приступной лѣстницы упалъ за мертво на землю. Между тѣмъ почти безъ предводительства Россіане на городъ стали всходить, и Шведы спасенія отчаясь, подаютъ знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ, вылучены изъ города по договору тремя цинченными во время приступа проломами.

---

ПЕТРЪ

# ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

## ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О войско славное, пошомки шѣхъ Героевѣ,  
 Чшо слѣдуя *Петру* по жашвѣ многихъ боевѣ,  
 Торжественные вѣ вѣкѣ приобрѣли вѣнцы,  
 Отечество вѣ земли прославили концы!  
 Я вашимъ мужествомъ вѣ шрудѣ семѣ ободряюсь, 5  
 И сердцемъ и умомъ межѣ вами обращаюсь.  
 Воюйте щастливо, сравните честь свою  
 Со предковѣ похвалой, кошорую пою.  
 Военны подвиги *Петровы* начинаю,  
 Вѣ опцахъ и вѣ дѣдахъ вамѣ примѣры предспавляю. 10  
 Неустрашимость ихъ изобразитѣ мой гласѣ,  
 Чшо чувствуєте вы наслѣдственную вѣ васѣ.  
 Спупая мужески вѣ похвальныя ихъ слѣды,  
 Монархинѣ своей приносите побѣды,  
 Гдѣ вашѣ оружный звукъ восходитѣ до небесѣ 15  
 И по пушамъ вездѣ расшетѣ лавровой лѣсѣ.  
 Тамѣ Нѣмень съ Преилою, шамѣ Висла, Одра, Шпрея,  
 Живое вашихъ дѣлѣ мечшаніе имѣя,  
 Текутѣ съ почтеніемъ, какѣ при *Петрѣ* шекли, 20  
 Гдѣ съ шрепешомѣ Его всшрѣчали Короли.  
 И рѣки и поля вамѣ кѣ вѣчной славѣ двери  
 Ошверзли, чувствуя Его вѣ Великой Дщери.  
 Противныя спраны геройствомъ и шрудомъ  
 Вы вѣ собшивенной себѣ преобрашили домѣ.  
 И солнце кѣ намѣ спѣша вѣ обратшой колесницѣ 25  
 Гошовитѣ новой блескѣ Россійской багрѣницѣ!  
 Чшобѣ

- Чшобѣ нашей радостью украсишь новый годѣ,  
 Вшорично угѣбзишь успѣхами походѣ.  
 Дыханья нѣжныя рожденныя весною  
 30 Повьюшь, бодрому споспѣшешауя строю;  
 Прохладная роса ошѣ благовонныхъ шравѣ  
 Кѣ отрадѣ вамѣ прольешѣ обиліе забавѣ.  
 Богатыя плоды вѣ дни лишніе пожнише,  
 Монархинѣ своей шпоричны принесише.  
 35 Зависпникамѣ своимѣ не осшавляйше зернѣ;  
 Ошавъше плены имѣ, сухой шросшникѣ и шернѣ;  
 Чшобѣ чувствуя вѣ груди явленіе ихѣ злоба  
 Несноснѣе почла зашворовѣ мрачныхъ гроба;  
 Чшобѣ гордостью своей наказанный Берлинѣ  
 40 Для безпокойшва царствѣ не умышляяѣ причинѣ,  
 И помнилѣ бы, что *Петрѣ* ему былѣ оборона:  
 Его десницею удержана корона,  
 Чѣмѣ нынѣ красишся среди земныхъ Владыкѣ:  
 Великимѣ онѣ *Петромѣ* на сѣшѣ шшалѣ великѣ.  
 45 Всѣхѣ нынѣ дѣлѣ Его имѣешѣ Дщерь наслѣдшво.  
 Пусть Карловыхѣ онѣ дней себѣ представитѣ бѣдшво.  
 О коль бы вѣ жизни я благополученѣ былѣ,  
 Когда бы дѣйствіе усердныхѣ вашихѣ силѣ  
 Изобразивѣ вѣ водахѣ прохладной Ипокренны,  
 50 Воспѣлѣ сѣ подвижники *Петровыли* сравненны,  
*Елисаветиньли* пѣвцемѣ бы шшалѣ побѣдѣ:  
 Но нынѣ трудѣ *Петровѣ* кѣ себѣ мой духѣ влечетѣ.

- Гдѣ Ладога вѣ Неву вливаетѣ бышры вѣды,  
 Стѣною огражденѣ шумѣ островѣ вѣ древни годы.  
 55 Россійска сей оплошѣ поставила рука.  
 Сѣ негодованіемѣ шумѣла вокругѣ рѣка:  
 Чшо проливалася вѣ чужую властѣ насильно;  
 Спасенна нынѣ кѣ намѣ несетѣ дары обильно.



Во влагѣ начершалъ Петрова града видѣ,  
 Чшо краситъ Дщерь Его, покоитъ и живитъ. 60  
 Блаженныя струи брегѣ шукомѣ напаяющѣ,  
 Прохладной влагой всю окрешноснѣ ободряющѣ,  
 Защищникамѣ своимѣ похвальной внемлющѣ стихѣ,  
 Всю шягоснѣ позабывѣ ошверженныхѣ веригѣ.

Вѣ нещаснѣ нѣкогда Россія упомленна 65  
 Вечернихѣ сихѣ бреговѣ крушилася лишенна,  
 Какѣ Готескіе полки для помощи пришедѣ,  
 Вѣ противноснѣ нанесли странамѣ Россійскимѣ вредѣ;  
 Какѣ шягоснѣ силѣ своихѣ Москву повергла кѣ низу;  
 Дряхлѣя, съшуя, одѣлась вѣ врачну ризу. 70  
 Лишенна красоты Монаршаго вѣнца,  
 Злощаснѣю своему не видѣла конца.  
 Измѣна, завистъ, злоснѣ, раздорѣ, братоубивство,  
 Преобрашили все вѣ погибель, вѣ кровопивство,  
 Изчезло истинныхѣ раченіе похвалѣ, 75  
 Вездѣ свирѣпный рокѣ опечеснѣо и ерзалѣ;  
 Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревноснѣ,  
 Смошря на праощевѣ на славну Россовѣ древноснѣ,  
 Пресѣкла наконецѣ побѣдою напаснѣ,  
 И обществомѣ дана *Петрову* Дѣлу властнѣ. 80  
 Младый Монархѣ во градѣ поверженный приходитѣ  
 И на развалины плачевный взорѣ возводишѣ.  
 Отрада Россовѣ всѣхѣ по скорби *Михилѣ*,  
 О какѣ крушился Ты рыдалѣ, и слезы лилѣ!  
 Чшо мѣслилѣ Ты стунивѣ на висошу престола 85  
 Стоящаго среди плачевнаго всѣмѣ дола?  
 Тамѣ храмовѣ Божіихѣ шаринный шрудѣ верхи  
 По шогнамѣ и по рвамѣ повергнули враги.  
 Еще возходитѣ дымѣ отѣ хишнаго пожара,  
 И воздухѣ огустѣлѣ отѣ побіенныхѣ пара. 90

- На торжищахъ пустыхъ поросъ колючей шернѣ,  
 Печальной Кремль стоить окровавленъ и чернѣ.  
 Черного Царскіе, церковныя священи  
 Подобно съшуютъ, какъ скучныя пустыни.
- 95 О горестъ! но Твоя великая душа  
 Въ герцогской младости ушѣшишь насъ спѣша,  
 Присудствомъ и шрудомъ печальнымъ ободряешъ,  
 Ошечество изъ безнѣ глубокихъ воздвигаетъ.  
 Къ пріумноженію благословенныхъ дней
- 100 Наслѣдовалъ Тебѣ подобный *Алексѣй*.  
 Онъ Россамъ возвратилъ старинное наслѣдство,  
 Злодѣевъ изшребилъ и усмирилъ соседство.  
 Обратно пріобрѣсшъ вечернія шраны,  
*Петру Великому* судьбой поручены.
- 105 Уже Орѣховецъ стѣняешся въ осадѣ,  
 И въ каменной крѣпясѣ проливншся громадѣ,  
 Россійскимъ воинствомъ ошвсюду окруженъ:  
 Но Голшеской гордостью въ надеждѣ вознесенъ,  
 На бреги, на валы на множество взираешъ
- 110 И видя н вые полки пренебрегаетъ.  
 Къ пособству призывать старается съ границъ  
 Поставивъ знамена на высотѣ стрѣльницъ.  
 Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла  
 Къ осаднымъ на судахъ пришши не укоснѣла.
- 115 Прибывшимъ воинствомъ прошивникъ подкрѣленъ,  
 И пищей и ружьемъ избыточно снабденъ  
 Всѣ мысли ушрешилъ къ жестокому оппору,  
 Надѣясь получить ошъ Карла помочъ скору.  
 Монархъ нашъ прехождая Онежскихъ крушость горѣ,
- 120 Свой пронцашельной кругомъ возводитъ взорѣ,  
 И видя, что изъ нихъ изшедшіе пошюки  
 Несушъ изъ крушныи мешаллически соки.

Богатства, здравія, являющся ключи :  
 Блещящъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи:  
 Сказалъ „ты можешь мнѣ произвести, Россія ,  
 „Цѣлебны влажнощи и жилы золошныя.  
 „Но нынѣ для твоей безсмертной похвалы  
 „Спѣшу прошивъ враговъ чрезъ горы и валы:  
 „Жельзо мнѣ пролей, разженной шоки мѣди:  
 „Пусть мочь твою и жаръ почувствующъ сосѣди,  
 „И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ.,,  
 Надежной ревностью блисталъ Геройской видъ.

Принесли паодъ земля, ашилась дѣшней нѣги ;  
 Разносящъ блѣдный лисъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги  
 Лешивъ съ круныхъ верховъ на Ладогу Борей ,  
 Дожди и снѣгъ и градъ шрясетъ съ сѣдыхъ кудрей.  
 Наводишь на воду глубокия мощины :  
 С возъ мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.  
 Смушившись шягосью его замерзлыхъ крыль ,  
 Крушится и кипишь съ водой на берегъ иль.  
 Волнами свержены встрѣчающъ гору вѣлны  
 И скачущъ кругъ нея печальныхъ знаковъ полны :  
 Между запасами колеблется шамъ дубъ ,  
 Между снарядами пловцевъ Россійскихъ трупъ.  
 Тамъ кормы, дна судовъ, рассыпаны, разбины.  
 Монархъ узрѣвъ въ пуши, коль злобенъ рокъ несышый  
 Вздохнулъ изъ глубины и буръ запрещалъ,  
 И въ сердцѣ положилъ великій трудъ Каналъ;  
 Дабы Россійскою могущею рукою  
 Пошоки Волхова соединишь съ Невоею.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны,  
 Ликуйте щаніемъ *Петровымъ* сопряженны!

Спруями по помужь играючи песку,  
 Забудьше древиюу другь о другь шоску ;  
 155 Вливайше вы себь взаимную ошраду ,  
 Благодаря, плоды кь Его носите граду.

На свой, шы Волховь, рокь негодовалъ вь пуши,  
 Чшо не вь Неву шебь, но вь Ладогу ишши  
 Судьбой посшав ено, и бурями шерзашься ,  
 160 И силы пошерявь едва вь нее вливашься.  
 Коль часшо шы вздыхалъ, чшобь вкупь завивашь  
 Сшруи и вь морь вдругь шеченіе шк нчашь.  
 Ты выше береговь смущаясь поднимался,  
 То подь землей сыскашь ходь шайной покушался,  
 165 Везалъ прошивь любви посшавлень былъ оплошъ :  
 Не могь шы одолбшь ни хлябей, ни высоть ,  
 Шока Великій *Петрб* презрѣвь упругость рока,  
 Тебь далъ пушь, и намь довольштво ошъ восшока.

Онъ окомь и умомь вь округь мѣста обшедь,  
 170 Избранные полкї кь Орѣховцу ведешь.  
 Живошворящему Его прихода слуху  
 Ошъ Ладоги вь Неву флоть слѣдуеть по суху.  
 Могущихь Росскихь рукь не воспящашь лѣсь :  
 Примѣрь изображенъ шущь Ольговыхь чудесь.  
 175 Предь Цареградскими высокими шѣнами  
 Онъ по полю вь ладьяхь шремился парусами.  
 Здѣсь вмѣсто вѣшра былъ усердый нашихь духь ,  
 И вмѣсто парусовь шряженны силы вдругь.  
 Уже суда ходя по собшвенной стихїи,  
 180 На Шведской брегь везупь защитниковь Россїи :  
 Тамь штысяща мужей шреправясь чрезь Неву,  
 Надежду подаюшь кь побѣдамь, кь шоржештву.

На ровѣ, на валѣ бѣгушѣ врагами укрѣпленны:  
 Даюшя Шведы вѣ бѣгѣ отѣ Россовѣ устрашенны.  
 И Шеремешевѣ спавѣ на ономѣ берегу, 185  
 Ошвсюду заперѣ пушѣ къ спасенію врагу  
 Уже къ начальнику подѣ крѣпосшѣ посылаешѣ,  
 Свободной выходѣ всѣмѣ безѣ бою обещаешѣ:  
 Чшо имѣ прошивѣ Петра не можно бу ешѣ спашѣ,  
 Напрасно кровь хотяшѣ ошвсюду проливашѣ, 190  
 И злача города не будешѣ имѣ зазорна.  
 Но Гомѣы, помощи надѣяся отѣ Горна,  
 Сказали: отѣ него приказу къ злачѣ ждущѣ.  
 На лживой ихѣ ошвѣшѣ гомѣады вдругѣ ревущѣ,  
 Пылающѣ всѣхѣ сердца присущшвиемѣ разженны, 195  
 Ошѣ силѣ ихѣ пошряслися упорштва полны сшѣны,  
 Обширность воздуха куренію шѣсна,  
 И влажная огнемѣ покрыша бысшрина.  
 Горшани мѣдныя рыгающѣ жарѣ свирѣпый,  
 Пылая земле желѣзны рвешѣ заклепы 200  
 Представѣ себѣ вѣ примѣрѣ сшихій ужасный спорѣ,  
 Какѣ внушренность кипишѣ возпламененныхѣ горѣ,  
 Дымѣ, пенелѣ и смола полдневну ясность кроющѣ,  
 И выше облаковѣ разженны холмы воющѣ,  
 Трѣщашѣ разсѣтавшисѣ во облачной водѣ, 205  
 Сугубяшѣ громѣ и сшрахѣ сражаясь вѣ высотѣ,  
 Грознѣе какѣ вѣ земномѣ ярилися прежде чревѣ.  
 Вѣ шакомѣ шрясеніи, во пламени и ревѣ  
 Сшощишѣ опчаявшисѣ прошиву Росса Шведѣ,  
 Вѣ ничшо вмѣняешѣ кровь и презираешѣ вредѣ! 210  
 Однако вѣ пагубѣ, вѣ смяшеніи великомѣ,  
 Подвыгнушѣ женскимѣ былѣ рыданіемѣ и крикомѣ:  
 Разшрепанны власы и мертвосшѣ блѣдныхѣ лицѣ,  
 И со младенцами повергшисѣ ницѣ

- 215 Мужей къ смягченію Россіянъ преклоняють.  
 Уже изъ крѣдости съ мольбою присылають:  
 „Избавьте отъ спрасцей, отъ бѣдства слабыхъ женъ,  
 „И духъ вашъ на мужицъ пусть будетъ изощренъ.  
 „Изъ нужной цѣснощы дозвольте имъ свободу;
- 220 „Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.  
 Отъ предводишеля осады данъ ошвѣтъ,  
 Чшо шоль свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ;  
 Между сугругами не учинятъ разлуки;  
 Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ избавшесь мужи.
- 225 Съ отказомъ зашумѣлъ изъ жаркихъ тучей градъ,  
 Перуны Росскіе и блещуть и разятъ.  
 Напрасно изъ дали прошивны подвѣжжаютъ  
 Осадныхъ выручатъ: ни въ чемъ не успѣваютъ.  
 Готовишся вездѣ кровопролитной бой
- 230 И островъ близъ враговъ подъ нашей спалъ пятой.  
 Пріемлетъ лѣствицы охотная дружина;  
 Передъ очами ихъ побѣда и кончина.  
 Инымъ лешучей мостъ къ шеченію готовъ;  
 Иные знака ждуть межъ Ладожскихъ валовъ.
- 235 Дивяшся изъ дали въ стѣнахъ градскихъ пожару,  
 Призывнаго на брань не слышавши удару.
- Какъ туча грозная вися надъ головою,  
 Надуша пламенемъ сокрывшимся водою,  
 Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
- 240 Отбѣилетъ почернѣвъ путь дневному свѣсилу,  
 Внезапно разродясь списняетъ громомъ слухъ,  
 И воздухъ двигаясь въ груди списняетъ духъ;  
 Сугубятъ доли звукъ и пропасти глубоки,  
 И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревуть пошки:
- 245 Земля, вода, лѣса поколебались такъ,  
 Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,

И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.  
 Сстоящая на ней самоизвольна сила  
 Удара и часа урочнаго дождавъ,  
 Спѣшишь на подвигъ свой, на положенье главъ; 250  
 Имъ къ разнымъ пушъ смершамъ печение прекрасно.  
 Представъ себѣ, мой духъ, позорище ужасно!  
 Омъ весель шумъ и скрынъ, свисшь ядръ, и махинъ ревъ  
 Гласящъ прошивникамъ *Петровъ* и Божій гнѣвъ.  
 Они упрямышвомъ злымъ еще ожесточенны 255  
 Покрывъ смертельными орудіями спѣны,  
 Судьбину сляпся на время отвращишь  
 И смертью Росскою съ ю смершь облегчишь.  
 Какъ вихри сильныя спѣсненные грозю,  
 Полки Россійскіе сперлитя предъ спѣною! 260  
 Къ присшуну Карповъ вождь Преображенскихъ силъ  
 Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смершь вкусилъ.  
 Свинцомъ лежишь пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,  
 Вьючись дальъ знашь съ душой и съ храбростью разлуку.

Сквозъ дымъ, сквозъ кровавыхъ сверканіе мечей! 265  
 Вперяетъ бодрыхъ *Петръ* вниманіе очей,  
 И лѣшвицъ крашк снъ зришь посшавленныхъ къ возходу,  
 Въ присшунъ Своему губительну народу:  
 Не могушь храбрыя спѣнъ верху досягнушь,  
 И щещно вѣрную прошивнымъ ставяшь грудь 270  
 Спремяся отвращишь раженіе ихъ встрѣчно.  
 О коль велико въ Немъ движеніе сердечно!  
 Героическо рвеніе; досада, гнѣвъ и жаль  
 И для погьбели удалыхъ главъ печаль!  
 Смоща на воинства упадокъ бесполезный, 275  
 Къ стоящимъ близъ Себя возвелъ зѣницы слезны:  
 „Что всеу добрыхъ Мнѣ, сказалъ, сыновъ губишь?  
 „Голицыну спѣша, велише отступишь.

Прв-

Примѣромъ показалъ Монархѣ намъ, что Герои  
 280 Не радостию чшуть кровопролисны бои;  
 И славныхъ надъ врагомъ прибышочныхъ побѣдъ  
 Покрытый шрапами всегда прискорбенъ слѣдъ.  
 Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряють,  
 И лѣствицъ мужескомъ коренкостъ дополняютъ.  
 285 Голицынъ пламенемъ отъсюду круженъ,  
 Сказалъ: „мы скоро шрудъ увидимъ совершенъ;  
 „Черезъ ошступленіе оиъ крѣпости обратно  
 „Въ другой еще приступиъ погибнетъ войскъ двукратно.  
 „И есмьли Государь желаетъ городъ вѣять;  
 290 „Позволилъ бы намъ бой начашый окончанъ.  
 Съ ошвѣтомъ на стѣну предъ всѣми посиѣшаетъ,  
 Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:  
 „Безчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;  
 „Преславно шоржество, конецъ вашъ будетъ свяшъ:  
 295 „Де, зайше мужествомъ отечество прославить,  
 „Монарха своего побѣдою поздравить.  
 На конья, на мечи, на яростъ сопосшатъ,  
 На очевидну смертъ Россіане лешатъ.  
 Противники стнемъ разятъ и влажнымъ варомъ,  
 300 Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.  
 На пре водилеля поверженно бревно  
 Свирѣпымъ зелѣемъ уцало разжено.  
 Онъ сринувъ поблѣднѣлъ межъ шрапами бездушныхъ,  
 И шомнымъ окомъ зришъ оружниковъ послушныхъ;  
 305 Еще стараешся дашь къ шверлости приказъ,  
 Еще пресѣченной болѣзнью нудишъ гласъ.  
 Ревнишли еіо и слову и примѣру,  
 Держа въ умѣ Царя, отечество и вѣру,  
 Какъ волны на крушѣ шѣснѣтся дружно брѣтъ;  
 310 Вспащенный крушиной возобновляють бѣтъ,



До прежней вышины ошъ низу вшавъ яряся,  
И скачущихъ верьхи кудрявые крушатся,  
Старинныхъ корни дрѣвъ и шяжки камни рвуть.  
Съ обѣихъ споронъ спалъ, сомнѣнный рока судъ.

Межъ тѣмъ ревнишельны сердца къ звѣздамъ возходяшъ, 315  
Святаго съ горнихъ мѣстъ Героя въ мысль приводяшъ.

Поборникъ Александръ издревле сихъ береговъ  
Зришъ грозно ополченъ надъ ними на враговъ.  
Ужé высокій всходъ съ землей бытъ мнишся равенъ,  
И Ярославовъ сынъ среди зарей преславенъ, 320

Являя сродный зракъ Великаго Петра,  
Оружіемъ звучащъ чистѣйшимъ серебра,  
Свяшою силою прошивныхъ устрашаетъ,  
Россіянъ важносшью десницы укрѣпляетъ.

Защипу древнюю ошъ сильнаго плеча, 325  
Броней, копья, щита и шлема и меча  
Возпомянувъ мѣстѣ весѣлый плескъ воздвигли,  
Чшо избавленія желаннаго досшигли,  
Досшигли наконецъ желанныхъ тѣхъ временъ,  
Чшо паки Александръ для нихъ вооруженъ. 330

Въ священной дерзости по представляешъ воинъ,  
По мыслямъ, по дѣламъ безсмертія достоинъ,  
Высокъ усердіемъ, надеждою легокъ,  
Чрезъ мертвыя шѣла на свой спускаетъ рокъ.

По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ 335  
И по волненіяхъ прошивныхъ и способныхъ  
Взливается на стѣнъ кровавыхъ высошу,  
Наводишъ на враговъ боязнь и шѣсношу.  
Наполнился весь градъ рыданія и плача.

Ужé не Нарвская, о Гошы, вамъ удача: 340  
Не мѣстничество здѣсь и не оплошной Крой,  
Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;

Великій правитѣ *Петръ* рожденное имѣ войско,  
 И Шереметева раченіе Геройско  
 345 Отмищеньемъ дышущихъ болришѣ напорѣ сердецѣ.  
 Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецѣ,  
 Вы неизбѣжну смерть покоршвомѣ предварили,  
 И бѣлсѣ къ сдачѣ знакѣ по вѣтру распустили.

Умолкнулъ грозный звукѣ со обоихъ сторонѣ;  
 350 Лишь слышенѣ раненыхъ плачевный вой и стонѣ.  
 Вандамы выпуску съ военной честью просяшѣ,  
 И городскихъ ворошѣ ключи *Петру* приносяшѣ,  
 На Побѣдителя въ возшоргѣ взводяшѣ взорѣ,  
 И укрѣпляютѣ свой о сдачѣ договорѣ.  
 355 Коль радостная шамѣ, коль красная премѣна!  
 Ужь вѣюшѣ на стѣнахъ Россійскія знамена,  
 Изображающа, Нева, въ швоихъ струяхѣ,  
 Тимпановѣ мирный шумѣ при радостныхъ трубахѣ  
 Забышѣ велишѣ сердцамѣ минувшихъ тучей громы;  
 360 И Шведы шцащатся въ пушѣ въ свои достигнушѣ дома.

Обычай войны изѣ древнихъ лѣтѣ храняшѣ,  
 Чшобѣ храбрыхъ почитанѣ по сдачѣ сопосшашѣ:  
 Признаки мужества въ рукахѣ ихѣ осшавляющѣ,  
 И славу шѣмѣ своей побѣды уважающѣ.  
 365 Побѣдоносещѣ нашѣ жарѣ сердца опложилѣ,  
 И первый крошощью успѣхѣ свой посвяшилѣ:  
 Снабдилѣ прошивнѣковѣ къ отшествію судами.  
 Ошавивѣ шѣну зряшѣ прискорбными очами.  
 Распущены на вѣтрѣ знамена, шрубный шумѣ  
 370 Печальной радощью шѣсняшѣ ихѣ вольной умѣ.  
 На волю имѣ пуши прискорбны, шѣмѣ проломы,  
 Чшо ошворили имѣ изѣ рукѣ Россійскихъ громы.

По грознымъ толь спраснямъ и по такомъ шрудѣ  
Начало чувствуяшъ предбудущей бѣдѣ.

Вѣ опечесствѣ сказать сей случай поспѣшайте, 375

И побѣждены бышь ошъ Россовѣ привыкайте.

Скажете вашъ домой почтительный возвратѣ,

Чшо выпущены вы пространствомъ новыхъ врашѣ.

И Карлу вашему побѣду возвѣстите ,

Чшо *Петръ* Опечесству и къ славѣ и къ зацшѣ 380

Назѣ вами получивѣ, наслѣдство возвратилѣ,

И ближе къ Швеціи простерѣ шумѣ орлихъ крилѣ.

Пускай вѣ Германіи Герой вашъ успѣваешѣ,

Ошверсты города свободно прошекаешѣ ,

Вѣ рожденной щасшѣемъ кичливости своей 385

Низводитѣ съ высоты и взводитѣ Королей;

Пусть дерзосно спѣшитѣ какѣ буйный вѣшрѣ къ возшоку,

И приближаешѣ къ предписанному року.

Не найдешѣ Дарія, чшобѣ Александромѣ спашѣ :

Не споритѣ межѣ собой, развратна прежде рашѣ; 390

*Петрову* новому ученію послушны,

Россіяне стояшѣ вѣ полкахѣ единодушны.

Движеніемъ Своихъ величественныхъ силѣ

Народу новый духѣ и мужество вложилѣ.

Возшокѣ и Океанѣ его послушенѣ слову: 395

Карлѣ пышносшью своей возвыситѣ честь *Петрову*.

Разливы Невскіе на устїяхѣ шумяшѣ

И шечь Россіянамѣ во ерѣшенье хошяшѣ,

Тамѣ Нимфы по брегамѣ вѣ веселїи ликуютѣ,

И вѣ осень Зефиры между древами дуютѣ; 400

Вмѣняя, чшо лице земное разцвѣло.

Тогда возвелѣ Монархѣ веселое чело ,

Кѣ начальникамѣ Своимѣ побѣдоносныхъ ратныхѣ,

Чшо видишѣ вѣ цѣлосши друзей своихъ обратныхѣ

- 405 Ошрада всѣхъ живишѣ, спокрашно выше бѣдшвѣ.  
 Ошвсюду слышенѣ гласѣ желаній и привѣшшвѣ:  
 „Уже намѣ, Государь, Твоими въ западѣ персшы  
 „Враша для подвиговѣ шоржешшвенныхъ ошверсшы;  
 „И промыслѣ далѣ Тебѣ землѣ и моря ключѣ:  
 410 „По ихѣ обширности разпросширай Свой лучѣ.  
 „Намѣ сносны всѣ шруды и не ужасны смерши,  
 „Лишь шолько бы Твоихѣ враговѣ гордыню смерши,  
 „Ошечешшву подашѣ довольштво, чешшѣ, покой.  
 „И просвѣшишѣ народѣ, какѣ духѣ желаетѣ Твой.  
 415 Усерднымѣ шоль рѣчамѣ *Петрѣ* радостно внимаешѣ;  
 Но кѣ городскимѣ стѣнамѣ приближашѣ воздыхаетѣ:  
 Смошря на разныя пошверженія шѣлѣ,  
 Кому какѣ умерешѣ предписанѣ былѣ предѣлѣ;  
 Прощаетѣ у нихѣ печальными устами:  
 420 „О други вѣрныя, я вашими кровями  
 „И общихѣ и Своихѣ преодолѣвѣ враговѣ:  
 „Небесныхѣ радуйшешѣ сподобившисѣ вѣнцовѣ.  
 „Примѣромѣ сѣ высоты другимѣ по васѣ сѣяшше,  
 „И мужешштво вѣ сердца полкамѣ Моимѣ вливашше.  
 425 Рыданіе конецѣ былѣ жалкой рѣчи сей,  
 И маниемѣ далѣ знакѣ кѣ сокрышшю кочшей.

- Чрезѣ стѣны проходя ошѣ древношши наслѣдны,  
 Чшо были долго намѣ ошѣ межѣусобштва вредны,  
 Онѣ окомѣ облешѣлѣ преодолѣнный градѣ;  
 430 Разсмашриваетѣ Самѣ все множешштво громадѣ.  
 Между различными едина изваянна  
 Великимѣ именовѣ являетѣ Іоанна,  
 Сей бодрый Государь вѣ Россію первый ввелѣ  
 На браняхѣ новый страхѣ земныхѣ громовыхѣ стрѣлѣ.  
 435 Неслыханны предѣ шѣмѣ и сильныя удары  
 Почувшшвовавѣ ошѣ насѣ шрошишѣ себя Ташары,

Во вѣкѣ опчаялись надъ Россами побѣдъ :  
 Скончался съ гордостью Ордынскою Ахмешъ.  
 Сте старинное орудіе военно  
 Въ смущенны времена оспалося плѣненно. 440  
 На выгоды свой, на знаки нашихъ бѣдъ  
 Смотри съ веселіемъ тогда гордился Шведъ.  
 Теперь прошивъ него обратно пусть пылающъ,  
 И вмѣсто радости во брани успрашающъ.  
 Коль многи шягосни оружій роковыхъ, 345  
 Чшо въ приступленіи вредили насъ и ихъ,  
 Лежатъ по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,  
 Намешанные шамъ изъ грозной Россовъ шучи.  
 Межъ цѣлыми число разсѣдшихся громадъ,  
 Чшо выше силъ своихъ на насъ пускали градъ. 450  
 Тамъ потрясенный домъ на домъ другой склонился,  
 Иной на улицу поверженъ разрушился.  
 По всходамъ, по снѣгамъ, по кровлямъ угли, прахъ.  
 Показываютъ видъ, каковъ былъ самой страхъ.

О смершныя, на чшо вы смершю спѣшите ? 455  
 Чшо прежде времени вы другъ друга губите ?  
 Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны пушей ?  
 Вездѣ насъ шянешъ рокъ насильствомъ злыхъ когшей !  
 Коль многи вышедши изъ матерней шемницы,  
 Ошходящъ въ шощъ же часъ въ мракъ черныя гробницы ! 460  
 Иной усмѣшкою отца повеселилъ,  
 И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки зашворилъ.  
 Гошовому вступишь во брачныя чершогы  
 Пронзаетъ сердце смершь и подсѣкаетъ ноги.  
 Въ срединѣ лучшихъ лѣтъ иной устройвъ домъ, 465  
 Спокойнымъ говоритъ, лѣшяся здравъ пребышь, умомъ:  
 Ошнынъ поживу, и наслаждусь шрудами ;  
 Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.

- Коль многи обстоятъ болѣзни и бѣды,  
 470 Кошорыи, челоуѣкъ, всегда подверженъ шы!  
 Кромѣ чшо немощи, печали внушрь шерзаютъ,  
 Извиѣ коль многія напасши окружаютъ.  
 Пошопы, бури, морѣ, отравы, вредный гадѣ,  
 Трясеніе землі, свирѣпы звѣри, гладѣ,  
 475 Падение домовѣ, и жрущіе пожары,  
 И градѣ и молніи гремящие удары.  
 Болоша, ледѣ, пески, земля, вода и лѣсѣ  
 Войну сѣ шобой ведутъ, и висоша небесѣ.  
 Еще ли шы войной, ещель не ушомился,  
 480 И самѣ прошивѣ себя во вѣкѣ вооружился?  
 Но оправдалѣ шебя военнымѣ дѣломѣ *Петрѣ*.  
 Усердѣ къ наукамѣ былѣ, миролюбивѣ и щедрѣ,  
 При шомѣ и мечѣ просшерѣ и на морѣ и вѣ полѣ.  
 Сомнительно, чѣмѣ Онѣ, войной иль миромѣ болѣ.  
 485 Другіе вѣ чести храмѣ рвалисѣ чрезѣ шу всшупишѣ.  
 Но ею онѣ желалѣ Россію просвѣщишѣ.  
 Когда безѣ онья не ввелѣ къ намѣ просвѣщеній;  
 Не можешѣ свѣтѣ спояшѣ безѣ сильныхѣ воруженій.  
 На усшіяхѣ Невы его военный звукѣ.  
 490 Сооружилѣ сей градѣ, воздвигнулѣ храмѣ наукѣ;  
 И зданій красоша, чшо нынѣ возрасшаешѣ,  
 Вѣ оружїи свое начало признаваешѣ.

- Посмотримѣ мысленно на прежни времена;  
 Народамѣ первенство даешѣ вездѣ война.  
 495 Науки сѣ вольностью отѣ звѣрства защищаешѣ  
 И храбрыхѣ мышцею росшишѣ и украшаешѣ.  
 Оружіе дано природою звѣрямѣ;  
 Готовишѣ хищросшью судьба велѣла намѣ.  
 Народы дикіе не знаючи науки  
 500 Воютѣ пращами и напрягаютѣ луки.

Открой мнѣ бышя, о древность, времена;  
 Ты разношью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.  
 Тебѣ ихъ быше извѣстно все единой.  
 Что приращенію оружія причиной?  
 Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура машь: 505  
 Въ тебѣ я знанія и въ оной щусь искашь. . .

Ужѣ далече зрю въ куреніи и мракѣ  
 Нагова шѣла видѣ неясственный въ приракѣ.  
 Просперлась въ облака великая глава  
 И ударяющъ въ слухъ прерывныя слова: 510  
 Такъ должно древности простой бышь и неясной  
 Съ народомъ нагошой, съ нещаніемъ согласной!

Велишь , ты зрѣніе по свѣшу обведи,  
 „По мѣстѣ различности и вѣки разсуди,  
 „И мыслями обратишь на новые народы: 515  
 „(Просперла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ воды)  
 „Тамъ вмѣсто знанія военныхъ всѣхъ наукъ,  
 „Довольна мнишь бышь едина швердость рукъ;  
 „Тамъ знающъ напрячись колѣномъ и бедрою,  
 „Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою, 520  
 „Иные камни взявъ съ земли другъ друга бьющъ;  
 „Сломивъ уразину наге члены рвушъ.  
 „Дреколія концы огнемъ шамъ прижигаютъ,  
 „И заостривши ихъ прошивниковъ пронзаютъ.  
 „Тамъ шучи спрашныя на воздуха предѣлъ 525  
 „Терновыхъ, копяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.  
 „При накрахъ движущъ духъ свирѣли, барабаны,  
 „И новость стѣно шрясущъ пороки и шараны,  
 „Но видѣ съ ужасомъ трудолюбивой умъ  
 „Услышалъ для войны огня приличной шумъ; 530

Европа тѣмъ гремишъ сама въ себѣ пылая,  
 Коль часшо фурія свирѣпсшвуетъ въ ней злая!  
 Кровавая война отъ вѣка такъ шечешъ,  
 Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растешъ.  
 535 Рокъ кровью присудилъ лице земли багровишъ;  
 Монархамъ надлежитъ оружіе готовишъ.  
 Вашъ *Петръ* за широту предѣловъ мечъ простеръ;  
 Блаженшву Росскому завистшвующихъ шеръ.  
 И нынѣ Дщерь шоржешвъ безсмертнось ушверждаешъ,  
 540 Огней раженіе искусствомъ умножаешъ.  
*Елисаветины* военныя дѣла  
 Какъ мирныя во вѣкѣ вѣнчаешъ похвала.

Ужѣ Россіане мѣстъ дряхлость очищаюшъ,  
 И рухлость стѣнъ, штрѣльницъ, прилѣжно укрѣпляюшъ,  
 545 Дабы лежащій градъ возшпалъ и былъ гошовъ,  
 Оружіе подняшъ и опшврашишъ враговъ.  
 Преславный въ пушъ вшупилъ Вандаловъ Побѣдишель  
 Во градъ, гдѣ Праощцы, и храбрый гдѣ Родишель  
 Ошавили своихъ заслугъ великихъ знакъ.  
 550 Коль радосшенъ шамъ былъ Москвы священный зракъ.

Но муза помолчи, помедли дѣ профеевъ,  
 Чшо взяшы отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:  
 Безмѣрно больше шрудъ на предки настоишъ;  
 Тогда предшавъ сея Богини свѣшлый видъ.



ТАМИРА И СЕЛИМЪ  
ТРАГЕДІЯ

*Въ пяти дѣйствіяхъ.*

*Часть II.*

7



## КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческими вымысломъ позорная гибель гордаго Мамаю Царя Ташарскаго, о которомъ изъ Россійской Исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьями своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаю на Россію, Муметь Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичъ Багдапскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Наполію посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдапское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметь будучи осаженъ, и не имѣя достаточныя силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дожидаясь обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходишь въ Кафѣ, главнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

---

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МУМЕТЪ *Царь Крымскій.*

МАМАЙ *Царь Татарскій.*

ТАМИРА *Царевна Крымская дочь Муметова.*

СЕЛИМЪ *Царевичъ Багдадскій.*

НАРСИМЪ *Царевичъ Крымскій, братъ Тамиринъ.*

НАДИРЪ *Братъ Муметовъ.*

ЗАИСАНЪ *Визиръ Муметовъ.*

КЛЕОНА *Малка Тамирина.*

ДВА ВѢСТНИКА.

ВОИНЫ.

# ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

## ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Наспалъ ужасной день, и солнце не восходѣ  
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,  
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ;  
Любезна пишина минула въ сей ночи.  
Опецъ мой воинству господишя къ оппору,  
И на стѣнахъ стояшь уже вчера велѣлъ.  
Селимъ полкъ съ и возвѣлъ на ближнею гору,  
Чтобъ прямо успрямишь на городъ шучу сирѣлъ.  
На гору, какъ орелъ, входя онъ возносился,  
Которой съ высоты на агнца хочетъ пасишь;  
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крушился;  
Селимово казалъ проворство шѣмъ и власть.  
Онъ ѣдилъ по полкамъ, пока шѣнь мрачной ночи  
Закрыла отъ меня поля, его и спрой.  
Пошомъ и шомныя хоша сомкнулись очи,  
Однако видѣла его передъ собой;  
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:  
Смушался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ;  
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,  
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,

Какъ

Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,  
Искусшвомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,  
И стрѣлы пущены ужé подъ облаками,  
Направленными въ слѣдъ стрѣлами разсѣкалъ.

## КЛЕОНА.

Багдашско воинство умножилось безъ счота!  
При восходѣ свѣтлыя я видѣла луны,  
Что мосты и пуши и городски ворóша  
Противныхъ силою вездѣ осажены.  
Ночно молчаніе боязнь усубляло,  
И слезы по лицу блѣднѣющихъ лились.

## ТАМИРА.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало;  
Клеона! посмотри и скоро возвратись.

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА *одна.*

О какъ смущенъ мой духъ! я знаю и заочно,  
Селимъ противу стѣнъ стоить напереди.  
Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,  
И не возилъ стрѣлы ошъ насъ въ его груди!  
Я ей не чаю бышь шакого кровопивца,  
Ктобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!  
О небо, отврати свирѣнаго убивца,  
И сокрушишь не дай шѣмъ сердца моего!  
Ахъ! Что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?  
Я шѣмъ родителя и Бога прогнѣваю,  
Что общаго врага опечесшву жалѣю!  
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?

Однакъ

Однакъ и безъ любви емуть желань мнѣ року?  
Тошъ злою львицею въ пущихъ горахъ рожденъ,  
Кшо видя съ младоснью природу въ немъ високу,  
Къ жалбнїю по немъ не будешъ побужденъ.  
Что онъ проширу насъ вооружилъ въ полъ,  
Сыновняя любовь и должносни веляшъ.  
И какъ родительской не согласишься волъ?  
Ощецъ его! ощецъ, не онъ намъ сопосшатъ.  
Онъ щасливъ, что ему ешь въ старосни замѣна.  
Благополучна машъ, что въ свѣшъ произвела!  
И ежели ешь сестра, то коль она блаженна,  
Что съ лѣшъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!  
Но коль родилась ша на свѣшъ благополучно,  
Которой щезрая устроила судьба,  
Чшобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!  
О какъ волнуясь я! какая внутрь борьба!  
Теперь я признаю, что нѣкопъ рая сила  
Неосторожной духъ уже взяла во власть,  
И сердце нѣкое гѣ Селиму преклонила:  
Къ нему я чувствую въ себя любовну страсшь!  
Любовь меня влечешъ его смотрѣть на сѣны.  
Куда? и какъ? Или на стрѣлы усремляюсь,  
Что нынѣ прошивъ насъ шумяшъ какъ градъ сгущенный?  
Но я уязвлена; и стрѣлъ ужъ не б юсь.  
Ахъ что терзаюсь я безчаспная, не зная!  
Селиму можетъ бышь въ опечествѣ своемъ  
Любима и любви залогъ взяла иная;  
О чемъ крушуся я не разсудя, о чемъ?  
Суровая война, шобою учинилось,  
Что тошъ прошивникъ нашъ, кошорато люблю.  
Однако гдѣ бы мнѣ видашъ его случилось?  
Я время суешнымъ мечшанїемъ гублю.

Не лучше ли просишь отъ вѣрныхъ совѣту,  
 И способовъ скоряя къ отрадѣ мнѣ искашь?  
 Однако ждешь ли могуль утѣшнаго отвѣту?  
 И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Преспань себя смущаешь, дражайшая Царевна!  
 Какія вижу я премѣны на лицѣ!  
 Ославъ боязнь: въ сей часѣ минешъ судьбина гнѣвна;  
 Весь страхъ мнѣ кажешся при самомъ бышъ концѣ.

ТАМИРА.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопосташы,  
 И превратили страхъ въ опчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь всходила я въ высокія палашы,  
 И на Багдашскіе полки сморгѣла въ даль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полки: ты видѣла Селима?

КЛЕОНА.

Я видѣла, что онъ отшолъ уже отъ стѣнъ,  
 И кажешся, что прочь совсѣмъ идетъ отъ Крыма,  
 Невѣдомо какой причиной побужденъ;  
 Я чаю, ушомясь, не хочешъ больше бою.

ТАМИРА.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;  
 Или отецъ объявѣлъ нечаянно войною,  
 И требуешъ себѣ его на помочь силъ.



Я чаяла конца и по паденьѣ мнимомѣ,  
 Оплакавѣ кровь гражданѣ и сѣниѣ оставшій прахѣ,  
 Мнѣ будеть саѣдовашь во узахѣ за Селимомѣ,  
 И при Евфрашскихѣ жишь невольницей брегахѣ.

## К Л Е О Н А.

Тотѣ ужасѣ миновалѣ: военные снаряды  
 Прошивники входя на корабли несущѣ,  
 Кафа избавилась отѣ грозныя осады.  
 Что слѣзы по лицу, дражайшая, текущѣ?  
 Никакѣ отѣ радости? Однако воздыханья  
 И швой прискорбной взорѣ иное кажущѣ мнѣ.  
 Или ужасныя и грозныя мечшанья  
 Обеспокоили младую мысль во снѣ?  
 Или враги въ ночномѣ призракѣ побѣдили?  
 Никакѣ представилось паденіе сихѣ сѣниѣ?  
 Что Крымски города и сѣла пусты были,  
 Что Царь и Домѣ его былѣ взятѣ въ поносной плѣнѣ?

## Т А М И Р А.

Ахѣ естѣлибѣ шо былѣ сонѣ, шобѣ сѣ мракомѣ разрушился!  
 Однако бы и сонѣ такой меня плѣнилѣ!

## К Л Е О Н А.

Или швой нѣжной духѣ любовью уязвился?  
 Но ктоже бы тебя въ любви нынѣ уловилѣ?  
 Скажи, Царевна! мнѣ; или шому бышь можно,  
 Чшобѣ тайны мнѣ швоей не должно быдо знашь?

## Т А М И Р А.

Чшо хочешь слышашь ты, шо странно и безбожно,  
 Нигдѣ не слыхано, и ужасно сказашь!

## КЛЕОНА.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила  
Тебя въ младенчествѣ, смущенье опложи,  
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,  
Не обинуясь мнѣ поску свою скажи.  
Чѣмъ далѣе она въ закрышии таишся,  
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;  
Но есѣли объявишь, то можешъ утолишся,  
Иль бышь умѣренна пошомъ печаль швоя.

## ТАМИРА.

Любезная моя и вѣрная Клеона!  
Коль шажко мучусь я?

## КЛЕОНА.

О небо!

## ТАМИРА.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!  
Врагомъ опечесшва, и можешъ бышь, своимъ . . . .

## КЛЕОНА.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась  
И хочешъ для любви опечесшво предашь.

## ТАМИРА.

То небо отврати! довольно что прельстилась;  
Преступно и любви противничей желашъ.  
Я бодрость и лице, Клеона предсшавляя,  
Горю, и пламень мой гашенїемъ расшешъ.  
Не знаю что начашъ! скажи мнѣ, дорогая,  
Что дѣлашъ мнѣ шеперь; когда онъ прочъ идешъ?

Ужé

Ужé всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились ;  
 Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,  
 И горы Крымскія отъ насъ изъ виду скрылись !  
 Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу !  
 Увѣдешъ о моей любви не извѣстень,  
 И слезъ моихъ себѣ не будешъ предсавляшь !  
 За шѣмъ ли ты, Селимъ ! казался мнѣ прелестень ,  
 Чтôбъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхашъ ?

## К Л Е О Н А.

Царевна ты шокку напрасно ! умножаешь.  
 Послѣдуй моему совѣшу и забудь  
 Пусты мечтанія, чѣмъ мысль ошягощаешь,  
 И кровь кипящую къ се койсшвю принудь.  
 Селимъ, я слышала о нѣжности не знаешъ,  
 Онъ вѣ полѣ шолько жишь и на спану привыкъ,  
 За полное свое блаженство почиташъ,  
 Когда оружной шрескъ и вѣ войскѣ слышишъ крикъ,  
 Какъ стѣны падаюшъ и города дымятся,  
 Когда мечи блещашъ, шечешъ по копьямъ кровь,  
 Ты сердцу дай покой и полно сокрушашъся :  
 Не можешъ вмѣстѣ бышь свирѣпство и любовь.

## Т А М И Р А.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,  
 Ни конскимъ шопотомъ смущенный вѣ полѣ прахъ,  
 Ни копья, ни мечи, ниже кровавы шокки,  
 Ниже какой иной не возбранилъ бы шстрахъ.  
 Любовью горяшъ нерѣдко и Герои ;  
 Отъ ней избавишъся не можно никому,  
 Кому любезнѣе сраженія и бои  
 И жишь всегда вѣ шаштрахъ, какъ брату моему ?

Однако нынѣ онѣ послѣдуя Мамаю,  
 Хотя въ Россійской край пошолъ вооруженъ,  
 Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,  
 Всѣ мысли клонитъ къ той, которой уязвленъ.  
 Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,  
 То ябъ въ опчаяннѣ шолкомъ не была;  
 Ты сдѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,  
 Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.  
 Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ,  
 Или бы къ симъ его не допустилъ стѣнамъ;  
 И я бы не была въ мученьи нестерпимомъ,  
 Не показавъ такой прятности очамъ.  
 Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,  
 Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнусна,  
 Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,  
 Ему вселенная къ владѣнью шѣсна.  
 Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,  
 Боюсь, чшобъ не постигъ такой его конецъ,  
 Чшо плачь бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

КЛЕОНА.

Царевна! вотъ идетъ дражайшій твой отецъ..

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, ТАМИРА и КЛЕОНА.

МУМЕТЪ.

Прошла военная гроза и неустройство,  
 Желанной миръ насталъ, возлюбленная дочь,  
 И ушверждается надежное спокойство:  
 Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходитъ прочь..

Поспашъ

Поставленный сей миръ мнѣ больше шѣмъ пріятенъ,  
Что выгоды онѣ мнѣ нечаянны принесть  
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,  
Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.  
Однако нынѣ я причину вижу ясно,  
За чѣмъ спѣшитъ въ союзъ со мной вступишь Селимъ ;  
Ему прибыше Нарсимово ужасно,  
Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.  
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,  
Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,  
Что, Росская страна подверглась вся Мамаю,  
И сынъ мой поспѣшитъ полки сюда привестъ,  
Сего дня лишь заря намъ свѣтъ предвозвѣстила,  
Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,  
И вѣсть принесть, что вся Ордынска къ бою сила  
Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней ;  
Но Ольгъ Рязанскій Князь, и Князь Олгердъ Лишовскій  
Свой къ Мамаевымъ поставили полки,  
И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій,  
Противу спашь дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.  
Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,  
Съ свирѣной яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,  
Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхишитъ за собою,  
И въ вихрь крушой завивъ возноситъ до небесъ,  
И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,  
И села и кругъ ихъ расшущие плоды ;  
Надежды селянинъ лишившись оставляетъ  
Ревущему огню вселѣшныя труды.  
Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ  
Противъ Димитрія Ордамъ летѣть велѣлъ,  
И въ мужество стремясь на полкъ противный яромъ,  
Скакалъ съ нечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи шѣлъ.

Россійскія въ крови повержены знамена,  
И Князь Московскій былъ ошвсюду окруженъ,  
И сила войскъ его слабѣла ушѣсненна:  
Сомнѣнья нѣшъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

## ТАМИРА.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой! пріятно,  
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;  
Однако будешь мнѣ ушѣшнѣе шократно,  
Когда прѣдешь здравъ возлюбленный мой бранъ!  
Ахъ небо помощи желаннаго достигнуть,  
И поспѣши къ концу намѣреній моихъ!

## МУМЕТЪ.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть.  
Возлюбленная дочь! Мамай тебѣ женихъ,

## ТАМИРА.

Мамай! о Боже мой!

## МУМЕТЪ.

Воспока обладашель  
И побѣдшель всѣхъ полночныхъ нынѣ странъ,  
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель  
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.  
Имя многіе подъ областью народы.  
Тамира! будешь онъ шобою жишь плѣненъ,  
И станешь оной плѣнъ дороже чшить свободы,  
Хошя ему воспокъ и сѣверъ покоренъ.  
Возлюбленная дочь, что очи пошупляешь?  
Я шыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:  
И что вздыхаючи шы брата ожидаешь,  
Природную къ нему любовь швою люблю;

Однако

Однако нынѣ ты похвальную спыдливостъ  
И мысли смущныя о брѣшѣ ошложи,  
И на опеческу смотря нешерпѣливостъ,  
Согласна ли ты мнѣ, немедленно скажи.

## Т А М И Р А.

Что я съ младенчества родителъскую волю  
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;  
Своею почишашъ не отрицаюсь долю,  
Которую мнѣ дашъ угодно небесамъ.  
Однако разсуди мой младя лѣша;  
И въ возрастъ мнѣ приши въ дому швоемъ позволъ.  
Я буду почишашъ, что я живу въ свѣша  
Какъ ешьли безъ тебя я буду жить средъ поль!  
И какъ подумаешъ мнѣ, что я мила Мамаю?  
И какъ могу сказашь, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,  
Когда лица его и нравовъ я не знаю?  
И какъ его мой взоръ заочно бы плѣнилъ?

## М У М Е Т Ъ.

Оставъ о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,  
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,  
Что лишъ швое со мной минуешъ разлученье,  
То будетъ къ одному кипѣшь Мамаю кровь.  
Ты долженшвуешъ мой въ востокъ родъ воспавишь  
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ ушвердишь,  
Умножишь нашу м чь, и съ нимъ себя прославишь;  
Мнѣ польза, честь тебѣ велишь его любишь.

ЯВЛЕНИЕ

## ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Война и миръ прошивъ моей любви воюешь?  
 Прошвилась моимъ желаніямъ война;  
 Но нынѣ, Клеона! мѣрѣ свирѣнѣе враждуетъ;  
 Меня сильнае бурь колеблетъ шишина!  
 Сугубымъ бременемъ за что ошягощаюсь?  
 Въ супружесство даюшъ шому, кто мнѣ посшылъ!  
 Довольноль что того, кого люблю, лишаюсь?  
 О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!  
 Когдабъ еще войнащонынѣ продолжалась,  
 То мучилъ бы меня одинъ лишь шолько спрахъ.  
 Мнѣ лучше, ешълибъ я Селиму въ плѣнѣ досшалась,  
 Какъ славно царшвовашъ въ Мамаевыхъ спранахъ.  
 Ахъ! ешълибъ было шю, и я бы вѣрно знала,  
 Чшо равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;  
 То слезъ пошокъ проливъ, ошцу бы все сказала,  
 Чшо духъ мой и языкъ съ шобою говоритъ.  
 Онъ видя искренность, на плачь бы преклонился,  
 И нашу можешъ бышъ любовь бы ушвердилъ.  
 Илибъ и мой живощъ съ надеждой прекрашился,  
 Въ спокойствѣ, что уже Селимъ меня любилъ.  
 Но нынѣ ненависть въ одну спрану склоняетъ,  
 Въ другу ошчаянѣ нещасшную влечетъ.  
 Какъ на морѣ корабль, шо буря похищаетъ,  
 То водъ стремленіе прошивъ нея несетъ;  
 Такъ я прошивными спрасшями вдругъ борима,  
 Не чая одолѣть, должна прошивъ спояшъ.  
 Ошчаявшисъ имѣть въ супружесствѣ Селима,  
 Ошчаявшисъ любить Мамаю, что начашъ?

КЛЕОНА.



## К Л Е О Н А.

Ахъ! лучше то избрать, что подлинно извѣстно,  
Какъ онаго желашь, чему не можно бышь.  
Хотя Селимово лице тебѣ прелестно!  
Но праву слѣдуя, спарайся позабышь.

## Т А М И Р А.

Довольно бы того, что права и законы  
Во обузданнн любовну спрасшь крѣпнать,  
Довольно ошѣ стыда любовникамъ препоны,  
Когда взаимной жарѣ другѣ въ другѣ знашь хошнть.  
Но развращенной вѣкѣ насильства умножаетъ;  
Ошеческа гроза, богатство, родѣ и честь  
Коль многихъ въ вѣчное нещасье погружаетъ,  
Любви желнющихъ доспашки предпочестъ.  
Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный,  
И камнемъ драгимъ въ глазахъ блестящъ чершогъ,  
Когда мой будетъ духъ ошѣ оныхъ ошвращенный  
Къ тому всегда впередъ, чего имѣшь не могъ.  
Дабы на мало лѣшѣ возстановнть союзы,  
Роднтели дающъ свою залогомъ кровь,  
На дѣшскнхъ сердцахъ кладутъ несносны узы:  
Въ какой неволѣ ны, дражайшая любовь!  
Я вамъ завидую, которы ошдаленно  
Ошѣ гордыхъ снхъ паламъ живеше въ шншинѣ:  
У васъ веселѣ равно и непремѣнно,  
И прямо щаспнлнвы лншь шолько вы однѣ,  
У васъ вольна ошѣ узѣ живешъ любовь свяшая;  
У васъ не для ошцовѣ, но любншь для себя,  
Союзовѣ никакнхъ ни выгодѣ не счншая,  
Но склонностъ лншь своихъ сердецъ употребл.

Коль щаслива былабъ, коль щаслива Тамира!  
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пасухъ:  
Не злато, не вѣнцы, не Царская порфира,  
Но вѣрная любовь соединила духъ.

## КЛЕОНА.

Оно тебѣ еще прибѣжище осталось.  
Ты дядь мысль сию, Царевна! объяви;  
Спѣши, пойдёмъ пока совсѣмъ не основалось  
Супружесство швоей прошивное любви.

*Концеъ перваго дѣйствія.*

=====

ДВИ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на себя взирая,  
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.  
Такоѣ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,  
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ  
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель  
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,  
Тому прекраснѣйшій брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

СЕЛИМЪ.

Сѣдины вижу тебѣ, и тебѣ черты чела!  
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!  
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,  
Котораго понынѣ мѣста воспоминаюшь,  
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала швоя,  
Хотя и никому швой Царской родъ не знаемъ,  
Которой и друзьямъ швоимъ былъ пощаенъ?  
Но гдѣ швой сынъ, мой другъ?

НАДИРЪ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.

Однако онъ Царемъ не мной на свѣтѣ рожденъ.  
Родившись отъ одной съ Мумешомъ я утробы,  
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;  
И не хотя, какъ ты открылъ своей особы,  
Высочество шайлъ въ названіи просномъ.

СЕЛИМЪ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ брань Тамиръ!  
 Пріятель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,  
 То можешь бышь при семъ возобновленномъ мирѣ  
 Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ спосѣшилъ.

НАДИРЪ.

Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

СЕЛИМЪ.

Однако и швоя поможешь мнѣ пріязнь.  
 Позволь мнѣ объявишь, чего мой духъ желаетъ;  
 Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.  
 Тебѣ все склонности и жизнь моя извѣстна,  
 Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимоу и съ тобой,  
 Бывала красота очамъ моимъ прелестна?  
 Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?  
 Всегда исполненъ шѣмъ, что мудрые (\*) Брамины  
 Съ младенчества въ моей оснавили крови,  
 Напасши презирашь, безъ страху ждашь кончины,  
 Имѣшь недвижимъ духъ и бѣгашъ отъ любви;  
 Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,  
 Мой нравъ былъ всегда уму порабоженъ,  
 Преодоленны я имѣлъ подъ игомъ страсти,  
 И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.  
 Другихъ волненія смоврѣлъ всегда со бреу.  
 Но нынѣ подъ общей я подверженъ сталъ закоу  
 И мыслей быспраго сдержашъ не силенъ бѣгу,  
 Я имъ поддаваю и отдаюсь въ полонъ.  
 Не ради слабыхъ силъ оснавилъ я осаду  
 Любовь испорнула изъ рукъ военныхъ мечъ;  
 Тамира не полку была защита граду,  
 Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ.

НАДИРЪ.

(\*) Индѣйскіе Философы.

## НАДИРЪ.

Что слышу я? и какъ?

## СЕЛИМЪ.

Сквозь самы шверды стѣны,

Межъ копей, межъ щиповъ любви свободенъ пушь.  
 Я въ перемирны дни на градъ сей ушѣсенный,  
 Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,  
 Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.  
 Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:  
 Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрятъ тушь дѣвицы,  
 И что Муметова въ среднѣ оныхъ дочь.  
 Съ того часа война въ крови моей воспала;  
 Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ:  
 Любовь поставишь миръ, честь къ бою побуждала.  
 Вчера любовну страсть мой разумъ одолѣлъ.  
 Я въ руки принялъ мечъ; но сердце вопяло:  
 Селимъ, на то ли ты дерзаешь усшремленъ,  
 Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,  
 Которое меня въ прѣшной взяло плѣнъ,  
 И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно  
 Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ стущенный прахъ.  
 Я симъ движениямъ прошивился напрасно,  
 И удержатъ не могъ оружя въ рукахъ.  
 Дражайшій мой НаDIRъ, познавъ причину мира,  
 И дружбу вспомянувъ пощисъ мнѣ пособишь.  
 Царю напомнимъ, что можешь лишь Тамира  
 Триумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлоснъ заплашишь.

## НАДИРЪ.

Твои заслуги изды подикія достойны,  
 Достойны качесшва, и славный Царскій родъ:  
 Ты мысли между стѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны;  
 Когда швой объявлю Царю сюда приходъ.

Война

ЯВЛЕ-

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Оспраду можетъ быть въ моей печали крайней  
Второй мнѣ дастъ отецъ . . . . кого я вижу здѣсь ?  
Клеона ахъ ! куда ?

КЛЕОНА.

О случай невзначайной !

СЕЛИМЪ.

О радостной восторгъ ! я цепенью весь !  
Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,  
Но слуху своего гласъ слезный удосшой,  
И красотъ швоей возрѣніемъ приличнымъ  
Трепещущую кровь и сердце успокой.  
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ  
Продерзоспную мысль нечаянно ошкрыть;  
Но время крапкое ошнюдь не позволяетъ  
И сердце не даетъ движенія шапшь.

*Становится на колѣна.*

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна,  
Тобой плѣннаго презршела любви;  
Тобой мнѣ будешъ жизнь блаженна, иль плачевна.  
Коль хочешь, оживи, коль хочешь, умершви.

ТАМИРА.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ !  
Тебя, Селимъ, себя могу я умершвишь ?  
Коль странна рѣчь !

*Поднимаетъ его.*

СЕЛИМЪ.

Твоимъ произенно сердце взоромъ  
Буншующей душъ велишь швоею бышь.

Вошше

Вотще прошивъ тебя, прошивъ себя воюю:  
 У стѣнъ, въ полкахъ, въ поляхъ твою срѣшаю стѣнь,  
 И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,  
 Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажется въ день.  
 Пріятносшей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;  
 Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.  
 Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляешь,  
 Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.  
 На горькое смотря, дражайшая, мученье,  
 Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ!

## Т А М И Р А.

Какое дашь могу тебѣ я облегченье,  
 Въ лютейшей будучи погружена шокѣ?

## С Е Л И М Ъ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно  
 Тебѣ малѣйшую противность учинишь?  
 Какое сердце есть на свѣшѣ шоль безбожно,  
 Которое тебя дерзаетъ оскорбить?  
 Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ  
 И падающъ изъ рукъ и копыя и щипы,  
 Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный упираешь.  
 Удержанъ силою шolikoй красоты!  
 Но ешьли ты меня, драгая удостоишь,  
 Причину твоего смущенія узнашь;  
 То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:  
 Во всею любовь моя возможетъ помощь дашь.  
 На все любовь моя готова устремиться,  
 Готова все бѣды и смерть въ ничто вмѣнишь;  
 Лишь шолько бы твоей оспрадой веселишься,  
 И чшобъ любовь твою взаимно заслужишь.

ТАМИРА

## ТАМИРА.

Ахъ тщешны всѣ слова! напрасны обѣщанья!  
 Гониной отъ своихъ поможетъ ли чужой?  
 Одиъ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:  
 Не можь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.  
 Меня судьба зовешъ и должность понуждаетъ  
 Оспавишь здѣшній градъ и въ дальный край спѣшишь,  
 Прешанъ того желанъ, что небо запрещаетъ,  
 Такъ промышль подожилъ, и не лъзя премѣнишь.

## СЕЛИМЪ.

Поспѣшно швоему отшесствію иль косо,  
 Чрезъ море должно бышь, или пространствомъ поля:  
 То ежели тебѣ мое присутство сносмо,  
 Дракайшая, себѣ послѣдовашъ позволъ,  
 И удостой меня взирашь слезящимъ окомъ  
 На знаки нѣжныя возлюбленныхъ слѣдовъ.  
 Но ежели не дано тебѣ предѣла рокомъ,  
 Гдѣ должно странствовашъ, оспавя домъ отцовъ;  
 Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,  
 Гдѣ въ срѣщенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,  
 Гдѣ вешние всегда господствуютъ дни ясны,  
 Пріятность воздуха достойная тебѣ,  
 Царицу восприяшь великую стекааясь,  
 Богинею почишь чудящійся народъ,  
 И красотѣ швоей родишель удивляясь,  
 Превыше всѣхъ торжествъ поставишь швой приходъ.

## ТАМИРА.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;  
 Но выше въ нихъ швоимъ достоянствомъ цѣна.  
 Ахъ! что прельщаюсь шѣмъ, чья быль не уповаю?  
 Какъ сердце я ошдамъ, въ коморомъ не вольна?

Белика



Велика держишь внушрь мой робкой голосъ сила;  
 Но большая шоя опъ сердца тонишь вонь!  
 Когда противъ твоей я воли возлюбила,  
 О небо! по скончай ударомъ громнымъ спонь!  
 Ужь долѣе шайшь мой духъ не позволяешь,  
 И шоль великихъ бурь не можешъ грудь вмѣститъ,  
 Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаешъ,  
 Которую судьба стремишся погасишь.  
 Отеческая власть желаніямъ противна  
 Иному отдаешъ шобою полную грудь,  
 И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,  
 Едва я на шого дерзаю и взглянуть.

## СЕЛИМЪ.

О радостныя вдругъ минушы и плачевны!  
 Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!  
 На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!  
 Когда союзъ ихъ въ вѣкъ шобой не шшверженъ?  
 Но нынѣ о твоей любви я увѣренъ,  
 Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.  
 Мой духъ шкъ напряженъ, коль пламень мой безвѣренъ;  
 Умру, или съ шобой въ шрумфъ возвращусь.

## ТАМИРА.

Я сердце ужъ въ тебѣ, лубезный, поручаю,  
 И вѣрносшь данную шребуду вѣкъ шраня.  
 Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.  
 Пустьъ весь свѣтъ побѣдишь, не побѣдишь меня.

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СЕЛИМЪ *одинъ.*

Мамай! Тирайъ во плѣнъ шолику добродѣшель,  
 Чудовище влечешъ шолику красону?  
 О солнце, шы сего можешъ бышь свидѣшель,  
 И свѣша не лишитъ шакую срамошу!

Я коль великимъ шо и славнымъ почишаю ,  
 Чшобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣшь;  
 Толь напрошивъ того позорно бышь вмѣняю,  
 Такого вѣрвара соперникомъ имѣшь.

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

---

### СЕЛИМЪ.

Спокойствемъ пользуюсь я нынѣ безопаснымъ,  
 Тебя пришлоъ почишь и видѣшь, Государь!  
 И договоромъ миръ возобновишь согласнымъ,  
 Къ чему мнѣ далъ всю власшь меня родившій Царь.  
 По волѣ я его Таврійскую вершину  
 Прешель и воинствомъ наполнилъ корабли,  
 Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,  
 Чшо ваши подданны разбоемъ навели.  
 Ошмешивъ купечества грабежъ, я миръ далъ граду,  
 Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:  
 За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,  
 Кошорой я свою побѣду предпочелъ.

### МУМЕТЪ.

Причину швой отецъ имѣлъ вооружиться,  
 Какую завсегда къ войнѣ легко сыскашь.  
 Кошора можешъ власшь на свѣшѣ похвалишься,  
 Чшобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держашъ,  
 Какъ мирныи шребуюшъ отъ оныхъ договоры,  
 И многибъ штысящи имѣли мысль одну?  
 И кто угодитъ шѣмъ, что будшобъ рушишь ссоры,  
 Наносяшъ для хвалы неправедну войну?

Хотѣ

Хоть наша жизнь крашка, и оныя прибавишь  
Через храбрыя дѣла Героямъ долгъ велишь;  
Но мѣру праведну желаніямъ поставишь,  
Въ шомъ больше похвала черезъ цѣлой свѣшъ гремишь.  
Тебѣ довольно бышь, Селимъ, я уповаю,  
Когда повиннымъ казнь достойну наложу.

## СЕЛИМЪ.

Спокойство утвердивъ я больше не желаю,  
Но токмо дружество взаимно предложу.  
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,  
Что въ оныя начертанъ любезный мой Нарсимъ,  
И ша, кошорою пылаю и шерзаюсь,  
Плѣняетъ красота возрѣніемъ швоимъ.  
Союза нашего залогъ и совершенство  
И вѣчная печать бышь можетъ дочь швоя.  
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,  
Кощораго во вѣкъ лишуся безъ нея.  
Какъ ешлы даниый миръ земли швоей полезенъ,  
За шое надлежитъ воздашь моей любви.  
И буде, Государь, швой сынъ шебѣ любезенъ,  
То друга шы его себѣ усынови.

## МУМЕТЪ.

Что сынъ мой другъ шебѣ, то мнѣ весьма пріятно.  
Онъ также какъ и я за щасшіе почтешъ,  
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,  
Тебя союзникомъ а не врагомъ найдетъ.  
При немъ намъ небеса помогутъ все устроишь,  
Его къ опрадѣ я по вся минушы жду.

## СЕЛИМЪ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоишь,  
На Понтски берега съ веселіемъ пойду,

И прежде дружняго пощусь сюда приходу  
Все воинство свое на корабли выѣсшишь.

## ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

### МУМЕТЪ.

Взирая на любовь, особу и породу,  
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.  
Примѣшивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,  
Союзъ къ супружеству съ Тамирою шайлъ.  
Но нынѣ большія препятствія срѣщаю:  
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай послылъ.  
Не должно царское Царю быть слово ложно;  
Но какъ я кровь свою тиранствовашь могу?

### ЗАИСАНЪ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:  
Кипо другомъ былъ, тому открыто все врагу.  
Когда кипо сильному, что долженъ, отрицаешъ,  
Томъ будешъ принужденъ; что и не долженъ, дашъ.  
И долгъ къ опечесиву Царямъ повелѣваешъ  
Блаженство онаго родству предпочиташъ.  
Помысли, Государь, коль будешъ дерзновенно  
Вооруженнаго Мамайа раздражишь;  
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно  
Владѣніе шакии союзомъ укрѣпишь.

### НАДИРЪ.

Что мѣру превзошло, сшюишь надъ стремниною,  
Чтобъ гордосши примѣръ паденьемъ звучнымъ дашъ:  
Безумна власть падешъ своею шягошою;  
Что срамно пріобрѣсшь, срамише потеряшь.

Видалъ

Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,  
 Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.  
 Такъ царства, что цвѣли во славу многи вѣки,  
 Упали шагоспью поверженныхъ враговъ.  
 Нарочно Богъ во шмь грядущее скрываетъ,  
 Чшобъ смертныхъ гордые совѣшы разоритъ.  
 Мамай поля свои людьми опустошаетъ,  
 Дабы ихъ шрунами Россійскій край покрытъ.  
 Насильна власть стояшь не можетъ долговѣчно.  
 Кто гонитъ одного, шомъ всякому грозитъ.  
 Россю варварство его безчеловѣчно  
 Изъ многихъ обласшей въ одну совокупитъ.  
 На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ споронъ штекушя;  
 Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣднй страхъ.  
 Какую силою въ единствѣ облекушя,  
 Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.  
 Сей вредные своей землй опмшнвѣ набѣги,  
 Лавровымъ верхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,  
 А оный здѣшнйе покрывъ полками бреги,  
 Супругу въ сихъ шѣнахъ и вѣру воспріалъ.

## ЗАИСАНЪ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;  
 Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.  
 Великостію силъ военны мѣряшъ права  
 Великіе Цари и обласшію гнѣвъ.

## НАДИРЪ.

Великодушный левъ жаръ шомчасъ ушояетъ,  
 Коль скоро видишь онъ, что врагъ его лежитъ;  
 Но хищной волкъ пота прошивника шерзаетъ,  
 Шока послѣдняя въ немъ кровь еще кинитъ.

Я В Л Е.

## ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВѢСТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

## ВѢСТНИКЪ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я онъ Нарсима  
 Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,  
 Что къ радости швоей и къ ушѣшенью Крыма  
 Велику заслужилъ онъ храбросшію честь.  
 Побитыхъ кровію Непрядвы шокъ сгустился,  
 И грабашъ Росской шанъ Херсонскіе полки,  
 И ранами покрышъ онъ бою уклонился  
 Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.  
 Одно нещасіе Мамаю сокрушаешъ,  
 Что сильный Чегубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,  
 Лежитъ и поля часъ велику покрываешъ!  
 Но намъ послѣдую побѣда ужъ гремитъ.  
 Оставшимъ Россамъ пушъ пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,  
 Или въ бою падушъ или дадутся въ плѣнъ.  
 Мамаю малыя шоль людей своихъ урономъ  
 Проспранный сѣверъ весь подъ область покоренъ  
 М У М Е Т Ъ.

Мамаю небеса Тамиру поручаюшъ,  
 И слово данное сама судьба крѣпитъ.  
 Хотя нравы разные съ Нарсимомъ раздѣляютъ;  
 Но обще щастье ихъ въ любовь соединишъ.  
 Ты вѣрный Заисаѣ, и ты мой брашъ любезный,  
 Подумаѣ межъ собой, придите въ мой чертогъ,  
 Союзы ушвердишъ и дашъ совѣтъ полезный,  
 Дабы доволенъ бытъ Селимъ отказомъ могъ.

*Конецъ второму дѣйствию.*

---

# ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.



## ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

МАМАЙ *одиѣ.*

**Е**ще великій страхъ меня не оставляетъ!  
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!  
И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ!  
Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзъ разсѣченныхъ шечетъ,  
Здѣсь шѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,  
Ужé въ глазахъ моихъ ошмщеніемъ грозитъ!  
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду срываю бѣдою,  
И горести кажи на мнѣ Геройской видѣ.  
Отъ Россовъ побѣжденъ, хотя я ужасаюсь  
Въ опечесивѣ свой сныдъ и слабость показашъ;  
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима ушѣшаюсь,  
Что не остался, кибобъ здѣсь могъ о томъ сказашъ.  
Мамай, ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,  
Мумеша ложною побѣдою увѣрь.  
На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,  
И ковъ составленной напасшью нынѣ мѣрь.  
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Мумешъ и войско.  
Я орды по шепямъ разсыпанны сберу;  
Искусство покажу коварешвомъ сивъ геройско,  
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.  
На плачъ шамъ пременя я шоржешво спокойно,  
И покажу врагамъ, каковъ мой гнѣвъ и власшъ.  
Въ конецъ опчаяшся Мамайя недостойно;  
Безумно всѣхъ нушей не иснышавъ пропаешъ.

ЯВЛЕНІЕ

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

## МУМЕТЪ.

Какое щастіе мнѣ небо посылаетъ,  
 Великій Государь, пришествіемъ своимъ!  
 Нечаянной твоей взоръ шѣмъ больше восхищаетъ,  
 Чѣмъ больше нуженъ онъ смятеніямъ моимъ.  
 Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣшѣ звучной,  
 И скорому дивлюсь приѣзду твоему.

## МАМАЙ.

Не можешь торжества Мамай благополунной  
 Себѣ къ веселію оставишь одному;  
 Но хочешь онаго имѣшь и шу причастну,  
 Которую къ всему блаженству ты родилъ.  
 Имѣя всю сприну Россійскую подвластну,  
 Я радостно сообщишь изъ устъ своихъ свѣшилъ.  
 Сугубымъ торжествомъ украсишь ускоряю,  
 И славою мой въѣзъ въ великую Орду.  
 Но славнѣе я бышь Тамирою желаю,  
 Какъ шѣмъ что Дмитрія въ оковахъ приведу.  
 Уже все воинство со плескомъ оживаетъ  
 Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

## МУМЕТЪ.

Побѣда мужество Теройское вѣнчаетъ;  
 Любовь и дружество Тамиру дастъ тебѣ.  
 Нарсимъ помощникъ твой, въ семь градъ вожделѣнный  
 Украсишь брачный день, со славой возвращаясь,  
 И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный . . . . .

МАМАЙ.



## М А М А Й.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,  
Сокровища себѣ съ побитыхъ собираешъ,  
Съ кошерыми тогда обрашно придетъ въ домъ,  
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладеешъ,  
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

## З А И С А Н Ъ.

О щасливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!

*Къ Мадирѣ.*

Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша прѣ?

## Н А Д И Р Ъ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

## М У М Е Т Ъ.

Достоинъ даръ шаковъ Великаго Царя!

## М А М А Й.

Любезный государь! Нарсима оставляя,  
Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,  
Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,  
И общимъ щастіемъ вражды развѣянъ прахъ.  
Проси, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,  
Что злобой я тебя не разсудя гнѣвилъ.  
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,  
Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.  
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,  
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

## З А И С А Н Ъ.

Превыше зависти восходитъ добродѣшель,  
И презираешъ ту спокойна съ высоты!

## МАМАЙ.

Услышавъ шаково Нарсимова пріятство,  
 Не медля брачною я союзъ ему открылъ.  
 Онъ въ радости сказалъ: о к л ѣ любезно брашство,  
 Во коширомъ промыслъ мнѣ съ Героемъ бышь судилъ.  
 \* Благополученъ Крымъ, и щасплива Тамира,  
 Тобой возышенны, прославлены шобой!  
 Но ты подобяся дыханю зефира,  
 Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумеша успокой.  
 Скажи ему, коль мнѣ съ тобою бышь полезно;  
 И будущей швоей Царицѣ объяви,  
 Чшо мнѣ шоликое супружество любезно;  
 И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.  
 Величество св. е и неисчешны орды  
 Тамирѣ покажи, со славой возвращаясь;  
 И шоржествуй, шшупивъ врагамъ на выи горды,  
 Чшо будущъ ницѣ лежать, предъ нею преклонясь.

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, КЛЕОНА и прежніе.

ТАМИРА.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился;  
 Дражайшій мой ошець!

МУМЕТЪ.

Ты видишь здѣсь его.

Предъ коимъ сѣверъ весь пространный преклонился;  
 Мамаю почиай за сына моего.

ТАМИРА.

О шпроги небеса!

МАМАЙ.

МАМАЙ.

Ты видишь брата друга,  
Которой хочешь вѣкъ къ тебѣ одной горѣшь.

МУМЕТЪ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга  
Въ немъ будешь оптическимъ раченіемъ имѣшь.

*Къ Мамайю.*

Любовь и я даю тебѣ рождену мною,  
Съ шобою царшвовашь и искренне любишь.

МАМАЙ.

Вторымъ я нынѣ опцемъ рожденъ на свѣшъ шобою,  
Когда ты предирялъ меня усыновить.

МУМЕТЪ.

*къ Тамиръ.*

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ.  
И царшвуй щастливо въ обширной шоль странѣ.  
Блестая на землѣ пресвѣшлымъ Царскимъ чиномъ,  
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

ТАМИРА.

Ты воленъ, Государь! законы и природа  
Велятъ тебѣ имѣшь въ Тамгрѣ полну власть.  
Какъ спорить я могу? Коль не дана свобода  
По волѣ избирать присшойну въ жизни часъ.  
Но естли смѣю я . . .

МУМЕТЪ.

Младые не радѣютъ  
О томъ, чрезъ что бы имъ къ щастію дойти:  
За тѣмъ родителю рожеными владѣютъ,  
Дабы посшавишь ихъ на истинномъ пушѣ.

Любовью будешь звать, что нынѣ зовешь грозой,  
 И спанешь сиротоси моей благодарить.  
 Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ! за мною,  
 Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобою разположишь.

## ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

---

### МАМАЙ.

Несносной горестью смященный примѣчаю,  
 Что все таковымъ я пламенемъ горю,  
 Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?  
 И смѣешь согробишь Великому Царю?  
 Однако привужу свои къ покою мысли,  
 И младости твою прошивность припишу.  
 Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,  
 Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу,  
 Цари съ концевъ земныхъ сродства со мной желаютъ;  
 И каждая красота приносишь мнѣ спрана.  
 Коль многія по мнѣ Царевны воздыхаютъ!  
 Ты можешь получишь желанья всѣхъ одна.  
 Ты можешь получишь великаго Героя,  
 Кошорой мужествомъ вселенну удивилъ,  
 Превысилъ славою Чингиса и Хозроя, . . .  
 И прадеда въ себѣ Башня воскресилъ.  
 Предсавъ мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,  
 Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.  
 Россія не моя, но ужъ свои побѣды,  
 Когда я красой швоей самъ побѣжденъ.

Толикмѣ

Толкимъ Государь народамъ покореннымъ,  
 Не обвинюсь бышь просителемъ твоимъ.  
 Я щаспие свое почелъ бы несравненнымъ,  
 Когда бы оное счисляла ты своимъ.

ТАМИРА.

Когда ты многие привелъ подъ власшь народы,  
 То славы, Государь, толикой не теряй,  
 И слабый женский полъ лишивъ драгой свободы,  
 Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

МАМАЙ.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?  
 Кошору взвесити съ собой на шронъ сиѣшу,  
 Поставишь госеожой мнѣ подданнаго мира,  
 И будучи Царемъ, бышь плѣнникомъ ищу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,  
 Сидя на Царскаго престола высотѣ,  
 Чшо пользы, еспли въ насъ различны будутъ нравы?  
 Я все равно почшу послѣдней нищестѣ!  
 Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,  
 Не бракомъ бу'у бракъ, но плѣномъ называть;  
 И на оковы шоль несносные взирая,  
 Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

## ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

*Клеонъ.*

Чшо слышу я еще! любовница иному  
 Тамира можешъ быть, и мнѣ при томъ жена?  
 И кто Мамаева не успрашайся грому,  
 Дерзнулъ взглянуть на шу, чшо мнѣ обручена?

Тебѣ

Тебѣ всё склонисши и нравъ ея извѣстенъ,  
 Ты можешь нынѣ честь и милость заслужишь.  
 Скажи, скажи, кто есть Тамиръ шоль прелестенъ,  
 Кого бы мнѣ она хотѣла предпочишь?  
 Когда открышемъ смущеніе прогонишь,  
 Дабы соперника узнать и отврапишь;  
 Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,  
 Какую мзду за шо ты можешь получишь!  
 Ты знаешь власть мою и отческую волю:  
 Старайся обязать великихъ двухъ Царей.  
 Я Царску честь тебѣ давая своимъ позволю,  
 И машери равно шебя почту своей.

К Л Е О Н А.

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика,  
 И коль должна Царю послушна бышь раба!  
 Но помощи подашь не можешь мзда шолика,  
 Когда имѣешь брань съ любовію судьба.  
 Не можешь воинство съ князевъ всея вселенны  
 Противу твоего спастъ гнѣвнаго лица;  
 Но силой покоряшь приспойно крѣпки стѣны;  
 А нѣжны ласкою дѣвически сердца.  
 Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,  
 Тѣмъ больше будешь ей противенъ и посшылъ.

З А И С А Н Ъ.

Великому Царю шоль дерзко отвѣчаешь?

М А М А Й.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!  
 Оковы, муки, гладъ и вѣчная темница,  
 И смерть сама легка шаку змѣю карашъ.

К Л Е О Н А.

Тамиръ былъ шоль уже живой гробница,  
 Селиму сердце давъ, Мамаю присягашъ.

ЯВЛЕНІЕ

## ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Селимъ! и кто?

ЗАИСАНЪ.

Селимъ, о щасливъ недосшойно!

Ообщая печаль! о страсти слѣпоша!

Селимъ, что не хоша въ Багдашѣ жить спокойно,

Разбоекъ ушѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.

Но страхомъ силъ своихъ смятенъ склонился къ миру,

И въ городъ сей вошедъ Мумешу предлагалъ,

Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;

Однако Царь на то ошвѣщъ несклонной далъ.

Къ Селимовой любви Царевна согласишься . . .

МАМАЙ.

И предпочесть меня разбойнику могла?

О горестъ! о ударъ! о какъ мой духъ стремишься!

Не можешь больше быть на свѣстѣ мнѣ хула,

Какъ чшобъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Багдашской!

Хоша дерзнулъ сего онъ суешно искашь,

Но можешь возвращаясь сказашъ въ сиранѣ Евфрашской,

Чшо онъ шого же могъ, чего и я, желашъ.

Теряешь цѣну всю, чшо ни было велико,

Какъ естли шое онъ надѣется имѣшь;

Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,

Чшо шѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣшь!

Но ахъ! чшо мышлаю я, и чшо я здѣсь коснѣю?

Ужѣ похитилъ онъ, чшо должно быть мое!

Любезный Заисанъ, спѣши отместишь злодѣю;

Пойдемъ . . .

ЗАИСАНЪ.

Смягчи шеперь волненіе свое.

Ты будешь, Государь, имѣшь свою невѣсту.  
 И примешь за сіе досшойну казнь Селимъ,  
 Какъ войны твои къ сему приспѣюшъ мѣшу;  
 Онъ погубишъ себя желаніемъ своимъ,  
 Мужешова себѣ опвѣща ожидая,  
 Умедлишъ здѣсь, пока ты вѣ силѣ будешь самъ  
 Его плѣнишь, онъ насъ способства не желая,  
 Чшо ради мира нынѣ чинишь не должно намъ.

МАМАЙ.

Поѣхавшіе вѣ слѣдѣ со мною разлучились  
 И скорости моей сравниться не могли.  
 Надѣюсь вѣ разныя дороги успремелись,  
 И ѣздяшъ по степямъ разсыпанны вѣ дали.  
 И естѣли ускоряшъ, не могутъ ушомленны  
 Покоя не имѣвѣ Селиму отомспитъ.  
 Но я продержосшью шакою огорченный  
 Могуль минушу дашь Селиму живу бышь?  
 Ся рука моя умывшись кровью мерской,  
 Воздастѣ весь додѣ мой озлобленной любви.  
 Погибнешъ пусть злодѣй и совосшатѣ продерской:  
 А ты любовь свою и ревносшь мнѣ яви,  
 Скажи, гдѣ онъ?

ЗАИСАНЪ.

Храни особу ты високу.

И рукъ не простирай . . . . .

МАМАЙ.

Доколѣ мнѣ страдашь.

Спѣши со мной отомспитъ обиду шоль жестоку,  
 Чшобѣ мерску кровь его Тамирѣ показашъ!

ЯВЛЕНІЕ



## Я В Л Е Н И Е С Е Д Ъ М О Е.

Т А М И Р А и К Л Е О Н А.

К Л Е О Н А.

Какою лютошью къ Селиму онъ пылаешъ!  
 Какой приходишь къ намъ отъ словъ ширанскихъ слухъ!  
 Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!  
 О какъ колеблется озлобленный твой духъ!  
 Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,  
 Что скоро люшая постигнетъ насъ напасть!

Т А М И Р А.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,  
 Ни варварска гроза, ни шическая власть!

К Л Е О Н А.

Царевна, на кого ты можешь положишься?  
 Кто можетъ свободить тебя отъ сильныхъ рукъ?

Т А М И Р А.

Любовь!

Поди и посмотри, куда Мамай стремится?

*въ слѣдъ Клеонъ*

На всѣ напасти жизнь несчастную гошовъ.

## Я В Л Е Н И Е О С Ъ М О Е.

Т А М И Р А *одна.*

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся,  
 Пока ширанскихъ ты не чувствуешь оковъ,  
 Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся;  
 Селимъ принялъ тебя на корабли гошовъ.

*Часть II.*

Онъ съ берегу очей минушы не спускаешъ,  
И плавали всѣ направилися въ пушь;  
И небо искренней любви поспѣшаетъ:  
Ужѣ намъ и борей способной началъ душъ.  
Въ одномъ Селимъ я надежду всю имью,  
Когда слезами я отца не умягчу  
Но въ страхъ шрепещу, смущаюсь, цепенью!  
Ахъ! что продерская, ахъ! что начашъ хочу?  
Уйду, опечесшво, родителея оставивъ,  
И брата и сей домъ и спыдъ свой позабывъ,  
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,  
И кровнаго родства законы пресшупивъ?  
Но каждо мѣсто мнѣ опечесшво съ Селимомъ;  
Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родшво.  
Оставишь всѣхъ и бышь въ жишьи нераздѣлимомъ  
Съ супругами велишь законъ и ешшество.  
Супружествомъ назвашъ неистовство дерзаешъ,  
И налагашъ спрастямъ закона имена?  
Нещасная, кому себя шы поручаешъ?  
Или тебѣ въ любви невѣрность не спрашна?  
Предсшавъ себя, предсшавъ прельщенную Медею,  
Оставльшую отца и честь на семъ брегу!  
Я мѣсто шожъ и'спрастъ подобную имью:  
Или я лучшія ждашь вѣрности могу?  
Несносиѣ бѣды мнѣ можетъ бышь защита,  
Какъ ешшли мнѣ Селимъ другую предпочтишь.  
И на чужой странѣ кѣмъ буду я покрыша?  
Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранишь.  
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.  
Мнѣ пагубой земля, вода грозить бѣдой.  
Неносшоянное я море предсшавляю,  
И бури хищныя ревуть передо мной.

Тамира въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,  
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдишь.  
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,  
На слово данное Селимомъ положишь.  
Не шовъ въ немъ блещешь духъ, не ша его порода;  
Съ любовію кипишь Геройская въ немъ кровь.  
И коя устрашишь при немъ меня погода?  
Не движется въ волнахъ нелѣстная любовь.  
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаевыхъ зараженныхъ,  
Спѣши за Понизъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.  
И какъ ужъ будешь ты въ спранахъ шоль удаленныхъ,  
И шамъ покажется, что близко сей ширанъ!  
О промыслъ! о судьба! слезами умягчишь!  
О небо! о земля! о вѣтры! о моря!  
На жалость на шоску, на вопль мой преклонишь,  
Покройте отъ руки свѣрѣпаго Царя.  
А вы мѣста гдѣ мы любовію плѣнились,  
Зашмишь, чшобъ отцу на память привести,  
Что строгостью его Тамиры вы лишились!  
Проси, дражайшее отечество, проси!

*Конецъ третьему дѣйствию.*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

ЗАИСАНЪ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!  
О шаякая бѣда! о вѣчна срамоша;  
Тамира спыдѣ забывѣ, своей не помня чести,  
Бѣжать намѣрилася ошсель въ чужи мѣста!  
И безразсудную любовью палича,  
Къ Багдашскимъ шла одна, закрывѣ себя, судамѣ.  
Надежду положивѣ на льстиваго Селима,  
Что былѣ недавно врагѣ отеческимъ стѣнамѣ!

НАДИРЪ.

О жалость горестна! о лютое мученье!  
О строгость ошческа! къ чему ты привела?

ЗАИСАНЪ.

По щасстью я ошкрылѣ шакое дерзновенье:  
Тамира во врапахѣ ужѣ градскихѣ была!  
Я общей за стѣны пошолѣ смотрѣшь ошрады,  
Ужель Селимѣ полкѣ поставилѣ на суда;  
И видя, что на нихѣ все войско и снаряды,  
Я пушь свой обратилѣ съ веселіемѣ сюда.  
Увидѣлѣ, что спышишѣ тамѣ женскій полѣ ко берегу,  
Смошря во всѣ страны сквозь шонкой свой покровѣ.  
Я робкому дивясь и скорому шолѣ бѣгу,  
На встрѣчу прямо шолѣ, провѣдашь, кшо шакое.

Какѣ

Какъ странникъ на пуши ошъ зѣря убѣгая ,  
Снѣшитъ чрезъ терніе, чрезъ камни и бугры;  
Но вдругъ увидѣвъ, что шуть спремнина крушая ,  
И должно въ мрачну хлябъ спремглавъ упасшь съ горы,  
Оцепенѣвъ спойшъ, прошивищя размаху,  
Трепещутъ члены всѣ, мушитя свѣшъ очей :  
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира шакъ ошъ спрашу  
Смушилась, обмерла въ продерзосши своей.  
Укрышя ошъ меня во всѣ страны мешалась ;  
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и сшудомъ.  
Когда шоликими волнами колебалась ,  
Я изумленную въ ошеческой ввелъ домъ.  
Что нынѣ мнѣ начашъ ? какъ я Царю ошкрою ?  
Дай въ помощь, Государь, премудрой швой совѣшъ.

## НАДИРЪ.

Внезапно не срази печалію шакую.  
Представъ себѣ, какъ симъ подвигнешя Мучешъ !  
Я лучше думаю сію скрышъ вѣвсе шайну ,  
Дабы въ спокойшвіи ошцовъ ошавишъ духъ.

## ЗАИСАНЪ.

Но я могу поцасшь въ бѣду чрезъ шое крайну,  
Когда крошъ меня къ Царю достигнешъ слухъ.  
То видѣли раби и войны со мною ,  
И могушъ все ему подробно донести.

## НАДИРЪ.

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою ;  
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсши.

ЯВЛЕНІЕ

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

НАДИРЪ *одиъ.*

Несышая алчба имѣнія и власпи,  
 Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?  
 Которой ты въ сердцахъ не возбудила страши?  
 И коего на насъ не успремила зла?  
 Съ шобою возрасли и залишь и коварство,  
 Твое нечадіе кровавая война!  
 Которое отъ ней не спонетъ государство?  
 Которая отъ ней не попряслась страна?  
 Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,  
 И свѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячь потъ:  
 Тамъ видны лишь однѣ ра-валины и ямы,  
 При коихъ тучную имѣешь пашву скопъ.  
 О коль мучишельна родителемъ разлука,  
 Когда даюшь дѣтей, чшобы пролишь ихъ кровь!  
 О коль разишельна и несшерпима мука,  
 Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!  
 Лишь только зазвучишь ужасна брань трубою,  
 Мясущся города и села и лѣса,  
 Любовническаго исполненныя вою  
 И жалобъ на ударъ жестокаго часа.  
 Чшо можетъ бышь сего несноснѣе во свѣшѣ,  
 Когда двоихъ любовь и младость сопрягла?  
 Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ цвѣшѣ  
 Густая жадности мрачишь ихъ пламень мгла,  
 Когда родители обманчивой корысти  
 На жертву отдаюшь и совѣсть и дѣтей.  
 О небо! преклонись, вселенную очисти  
 Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!

Коль

Коль дало красоту и молодость человеку,  
 И нѣжны искры въ немъ любовныя загло,  
 Чтобъ въ радости прожить дражайшую часть вѣку,  
 То долголь на земли се попустишь зло?  
 На шоль Тамиръ ты пріятноешь влило въ очи,  
 На шо ли нѣжную въ нее вложило страсть,  
 Что бы подверженна Тиранской сильно мочи,  
 Оплакивала жизнь и горестную чаешь.

## Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е.

НА Д И Р Ъ и К Л Е О Н А.

К Л Е О Н А.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая  
 Поиманна, въ слезахъ отчаявшись сидишь!  
 Селима въ жизнь свою увидѣшь ужъ не чая,  
 Лишь мыслями на него въ опсуснешви глядишь,  
 И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ  
 Дерзаетъ въ горести послѣдней помянуть.  
 Озлобленна судьбы жестокимъ шоль закономъ  
 Руками томными шерзаетъ нѣжную грудь.  
 Блѣднѣешь цвѣтъ лица, и все шрепещуешь члены,  
 Холодной сшрахъ, шоска, отчаянье и сшядъ,  
 Являющся въ ея очахъ изображенны.

НА Д И Р Ъ.

Что сдѣлалъ бы Селимъ, таковъ представивъ видъ!

К Л Е О Н А.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками  
 Кровавыми Мамай любезную влечешь,  
 Которая стремясь на небеса очами,  
 Пошожки слезные, рыдая горько, льешь?

Ахъ!

Ахъ! сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,  
Всю мысль свою къ ея спасенію вперѣ.

НАДИРЪ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободишься:  
Воюютъ противъ ней великіе Цари.

КЛЕОНА.

Такъ пойдешь агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира,  
На кровь, на смерть людей, на шрупы ихъ смошрѣшь;  
И радости лишаешь въ супружествѣ и міра,  
Мученье внутрь себя тяжчайшее имѣшь?

НАДИРЪ.

Не знаю, что мое внутрь сердце предвѣщаетъ,  
И смущному уму всечасно говоритъ:  
Мамай Царя и всѣхъ злой хитростью прельщаетъ;  
И около насъ сѣтъ коварствъ его стойтъ.  
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшишь онъ бракомъ?  
И что за нимъ не шлетъ извѣстія Нарсимъ?  
Сѣи окрестности считаю я признакомъ  
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

КЛЕОНА.

Для шоль поспѣшнаго Мамаева прихода  
Слухъ въ городъ прошолъ, что онъ совсѣмъ побишь!

НАДИРЪ.

Всегда есть Божій гласъ, гласъ цѣлаго народа;  
Ушами онаго Всевышній говоритъ.  
Но пусть Мамай надъ всей вселенной шоржествуетъ;  
Однако щасливъ бытъ не можешь бракъ такой,  
Когда сама любовь противъ него враждуетъ.  
Совмѣшноль варварству съ шоль нѣжной красошой?



Возможноль въ сей шокѣ Тамиръ укрѣпиться  
И сердца своего движенья ушлишь?

К Л Е О Н А .

На страхъ ея смотря и небо возгорится,  
И не умедлишь зла шолкаго отпмешить.

Н А Д И Р Ъ .

Горами потрясетъ, и воспалишь пожары,  
Или опустошишь повѣпрѣмъ луга,  
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,  
Пошопомъ скверные очистишь берега.

К Л Е О Н А .

Народную молву прѣумножаютъ знаки,  
Вездѣ ужъ говоряшь, что близъ дверей бѣда!  
Миѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,  
И врановъ, какъ на шрупъ, слѣшающа спада.

Н А Д И Р Ъ .

Хоть радостенъ Муметь, но войска не имѣеть;  
Что будетъ, какъ Селимъ къ снѣнамъ присупишь вновъ?  
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣеть  
Озлобишь мечъ въ рукъ держащую любовь.  
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,  
Тѣмъ можешь рокъ его скорѣ поразить.  
На пышны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.  
Бѣги высомъ, когда безбѣдно хочешь жить.  
Цвѣнушь спокойныя не зная бурь долины,  
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.  
Никто на свѣшъ такъ не обязалъ судьбины,  
Кшобъ завтрѣшне себѣ могъ щастье обѣщать.  
На лживосшь онаго никто не полагайся:  
Что ушромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.  
Никто въ нещастіи спасенья не опчайся:  
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.

Неушолимый рокъ все коломъ обращаетъ.  
 Съ Мамаемъ рушишься внезапно можешь Крымъ.  
 Когда кто съ вышины великой упадаетъ,  
 И шѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.  
 Но симъ смущающся лишь только подлы дѣши,  
 Которы на морской волнаи шумный пушь  
 Смошря, колеблющся съ недвижimyя сѣши,  
 И чающъ на брегу высокомъ пошнущъ.  
 Едина видишь то съ презоршвомъ добродѣшель;  
 Среди громовъ и бурь недвижимо стойшь;  
 Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣшель,  
 Хошь мѣръ обрушищся, безстрашну поразить.

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

Любовникамъ долга единая минуша!  
 Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знашь,  
 Ещель Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

НАДИРЪ.

О горесъ люша!

Ахъ! что дерзнули вы нещастные начашь!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духъ, и стой прошивъ удара,  
 Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

НАДИРЪ.

Ахъ! ешьлибъ гнѣвнаго отцова силу жара  
 Тамира ушолить могла пошомомъ слезъ!

Пои-

Поймана въ пуши для бѣгства предпріятомъ  
Терзаешся . . . .

## СЕЛИМЪ.

Какой вступаешъ въ жилы хладъ!  
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начашомъ,  
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!  
Мамай любовію моею поругашься,  
И пламень мой презръшь намѣрился Мумешъ?  
Тамира не моя? Мнѣ съ нею не видашься?  
И больше никакой ужé надежды нѣтъ?  
Я вижу что Мумешъ меня еще не знаетъ,  
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.  
Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнушь чаешъ?  
Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ!  
Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный  
Смоишь сей градъ? И въ немъ того лишишь меня,  
Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный  
Съ нимъ въ дружествѣ прожишь свой родъ соедини?  
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимою?  
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?  
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,  
И что вражда его возможеть въ сихъ стѣнахъ!  
Я снова на берегу противномъ мнѣ поставлю  
И обращу на градъ Ефрашскіе полки;  
Ошъ люшосши такой любезную избавлю  
И ошъ Мамаевой мучительской руки.  
Ударить женскій шонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,  
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.  
Мумешъ увидишь смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ,  
И кровію чертогъ Мамаевъ обогренъ.

## НАДИРЪ.

Я самъ бы уклонясь опеческаго града,  
 Въ пустой сѣпѣи и жизнь и скорбь свою закрылъ;  
 Не видя срачюшы и мерзостнаго взгляда,  
 Я щасшливъ бы весьма въ нещасшїи томъ былъ.  
 Однакожъ, Государь, вспомянувъ Нарсима,  
 И зная что сїе опечество его,  
 Меча не возноси къ опроверженью Крыма,  
 И даннаго держись шы слова своего.

## СЕЛИМЪ.

Не я, но самъ Мумешъ стѣнъ будетъ разорительъ;  
 Презрѣнїемъ своимъ на шо мнѣ право далъ  
 Нарсима въ оныхъ нѣшъ, но люшый въ нихъ мучительъ;  
 Онъ купно бы со мной противъ него восшалъ.  
 Сугуба страшь меня на шо вооружаешъ,  
 То жалость горестна, шо искрення любовь;  
 Одна во мнѣ спремшъ, другая духъ перзаешъ,  
 Одна снѣдаешъ грудь, друга волнуешъ кровь;  
 Одна велишь опъ зла невинную избавишь,  
 Другая въ вѣкъ себѣ любезну получишь,  
 Одна всеобщїй долгъ естествонный исправишь,  
 Другая данную присягу сохранишь.  
 Или безчувственъ я такъвъ кажусь Мумешу,  
 Чшобы недвижно могъ стояшь, когда Мамай,  
 Похишивъ силою, что мнѣ дороже свѣшу,  
 Ликуя поведешъ изъ глазъ въ далекій край?  
 Возможно ли стерпѣшь его совѣшы мерзски!  
 О сердце, не мягчись; но разруши въ концѣ;  
 Мумеша низложи. Куда Селимъ продерзскїй?  
 Подумай, что Мумешъ любезныя ошецъ!

И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;  
 Пущь въ цѣлости спойшѣ, и пущь погибнешѣ шощѣ,  
 Отѣ коего моя надежда разрушилась.  
 Мамаю ошнему Тамиру и живощѣ.

## НАДИРЪ.

Прѣшель, укроши въ себѣ волненья гнѣвны,  
 И жизни не давай въ опасность шакову.

## КЛЕОНА.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,  
 Отѣ палубы храни любезную главу.

## НАДИРЪ.

Когда на сей ты градъ возстанѣ войскомѣ,  
 То долженѣ ли одинѣ? Чшо хочешѣ?

## СЕЛИМЪ.

Умерешѣ

Или шоржешшвовашѣ, и въ мужествѣ Геройскомѣ  
 Награду вѣрности прекрасную имѣшѣ.  
 И правды и любви непобѣдима сила  
 Противѣ насилля со мной на брань поидешѣ.  
 Или моя рука, что Крымску кровь щадила,  
 Свою, но прежде той Мамаеву прольешѣ.  
 И ешшли мужество побѣдой не прославитѣ:  
 Любовь и чешш велишѣ: довольно; я умру?  
 Пускай хошѣ шѣмѣ меня ошѣ мѣки рокѣ избавитѣ,  
 Въ любовномѣ жизнь моя погибнетѣ пущѣ жару.  
 Я лучше съ похвалой оставитѣ шу желаю,  
 Какѣ шяжекѣ бышѣ себѣ и небу и землѣ,  
 И смерти ждашѣ, въ посмѣхѣ ошдавѣ себя Мамаю,  
 До шарости не знашѣ ошрады николи.

Владѣ-

Владѣетъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;  
 Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власшь.  
 Коль близко ходишь рокъ при робкомъ и при смѣломъ;  
 То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часшь.  
 Какая польза шѣмъ, что въ старости глубокой  
 И въ шѣмъ безславія кончаютъ долгой вѣкъ?  
 Доброшами всходишь на верьхъ хвалы высокой  
 И славно умереть родился человекъ.  
 Превыше смертнаю я жребія псшавлю  
 Учасше свое и славой вознесусь,  
 Когда Тамиру я отъ люшности избавлю,  
 Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!  
 Пускай ошецъ Ея свидѣной посшыдится,  
 Мою за дочь свою текущу видя кровь,  
 Узнаешъ злосшь свою, но поздно научишься,  
 Что можешъ предпріяшь озлобленна любовь!

### НАДИРЪ.

Какую принесешъ ты въ старости ушѣху  
 Родителямъ своимъ, когда услышишь вѣсть,  
 Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху  
 Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привесшь?  
 Они во срѣшенъе давно къ тебѣ взираютъ,  
 И просшираютъ мысль чрезъ горы и валы,  
 И въ нешерпѣни минуты всѣ счищаютъ,  
 Твоей насыпишься желая похвалы.  
 Возбнови свои премудрые усшавы,  
 Которымъ прежь сего себя ты покорялъ;  
 И вспомни прежние свои на сей часъ нравы,  
 Которыхъ мѣрносшью ты старыхъ удивлялъ.

СЕЛИМЪ.

С Е Л И М Ъ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,  
И мной господствуешь. Ужъ я не шотъ Селимъ . . .

К Л Е О Н А.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаешь!

## Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е.

М А М А Й , З А И С А Н Ъ и П Р Е Ж Н И Е.

М А М А Й.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

С Е Л И М Ъ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ спалъ Мамаю?  
Или онъ мнѣ имѣшь совѣшы запретить?

М А М А Й.

Теперь препяшшвѣя любви моей скончаю!

С Е Л И М Ъ.

Теперь любовь моя насильшвѣю опмсшитъ!

М А М А Й.

Весь сѣверъ покоривъ, сего не одолбю?

Забывъ, продерзосшный пропивишся Селимъ,

Кшо правдѣ мой, и что я въ области имбю?

С Е Л И М Ъ.

Кшо родомъ хвалишся, шотъ хвастаетъ чужимъ.

Но гдѣ швои полки? И гдѣ желаетъ? въ моръ

Иль въ полъ окончатъ шолику, боемъ прю?

М А М А Й.

Увидишь, дерзосшный ббглецъ, увидишь вскоръ,

Какому ты дерзнулъ прошиву сшатъ Царю.

Поди

Поди и возвѣспи, гдѣ обихаютъ мершвы  
 Прапрадѣды мой, каковъ ихъ въ свѣшѣ внукъ.

*вынимаетъ саблю.*

СЕЛИМЪ.

*вынимая саблю.*

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,  
 Кошорой ошъ моихъ она желаетъ рукъ.

*Сражаются.*

ЗАИСАНЪ.

*Разнимая.*

Великій Государь!

КЛЕОНА.

Ахъ!

НАДИРЪ, *разнимая.*

Ахъ, Селимъ любезный!

Въ какую пагубу несешь злой рокъ тебя!

ЗАИСАНЪ.

*къ Мамго.*

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

КЛЕОНА.

*къ Селиму.*

Склонились на шокъ слезны,

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

*Конѣцъ четвертому дѣйствию.*



---

# ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

---

## ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, КЛЕОНА, ТАМИРА, ВОИНЫ.

---

МУМЕТЪ.

**В**ъ какой я крайней снѣдъ шобою погрузился!  
До коего достиѣ при сшарости я зла!  
На шоль шебя родилъ, на шо ли я крушился,  
Тамира, что бы ты преслушна мнѣ была?  
За пришлецемъ бѣжашъ изъ ошческаго дому,  
И кровности его дернула препочестъ!  
Какая казнь равна шакому дѣлу злomu?  
Какая бышь сему довольна можешъ мещъ?

ТАМИРА.

Когда родилась я въ безщасшную минушу,  
Чшобъ скорбъ шебъ принесъ; то сжался Государь!  
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люшу,  
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!  
Мнѣ гробъ пріяшнѣ Мамаева чершого;  
Упошреби свою родишельскую власть!

МУМЕТЪ.

Не я шебъ, не я, сама себъ ты сшрога;  
Сама дернула ты въ шакую мерзость впасть.  
Ты въ серацѣ люшую сама змѣю питаешь,  
Кшора въ кровь швою пускаешъ смершный ядъ!  
Мамая дерзосшью безсшдно озлобляешъ,  
Кшорато одинъ шебя достоинъ взглядъ,

*Часть II.*

14

Кшорой

Которой къ высотѣ шолікія державы  
 Тебя и весь мой домъ склонился возвести,  
 И въ обществѣ принять своей гремящей славы,  
 И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.  
 Къ послѣднему склонись отеческому слову,  
 Старайся склонностью продержосшь наградишь.  
 Но еслили я тебя увижу неготову  
 Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступишь;  
 То сдѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,  
 Чшо я хоша отецъ, однако же и Царь,  
 Блючись руки моей упрямствомъ раздраженной,  
 И будь гошова сшашь съ Мамаемъ предъ олшарь.

*Къ Мадирѣ.*

Любзвый братъ! пощись прельщенную наставишь  
 На истинну спезю, пока все учрежду.

*Къ Клеонѣ.*

Тебя, преступница, кто можетъ нынѣ избавишь  
 Отъ казни, чшо тебѣ за злобу наведу?

*Къ воинамъ.*

Возмите скверную, и ввергните въ темницу.

КЛЕОНА.

Помилуй государь!

ТАМИРА.

Невинной не казни!

НАДИРЪ.

Ты щедрѣ обрати, о небо! къ намъ збницу!

ТАМИРА.

Ошеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

## Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е .

ТАМИРА и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,  
 И строгой перешань прошивишься судьбѣ,  
 Забудь, что лучшаго ты щастія достойна;  
 Будь шѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.  
 Когда родишель швой любовенъ и разсуденъ:  
 Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;  
 Когда же онъ свирѣпъ и къ умягченью шруденъ:  
 То помя крови долгъ, сноси и не скорби!  
 Повѣрь мнѣ, что Мамай хошя шеперь возвышенъ,  
 И гордосши своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;  
 Но скоро упадешъ, и звукъ лишь будешъ слышенъ,  
 Съ какой оцъ высоты поверженъ въ низъ лешѣлъ.  
 Чудовищу сему хошъ небо попускаешъ  
 Еще до времени родъ смершныхъ разоряшъ;  
 Но нынѣ чрезъ твою невинность восплаешъ,  
 И ускоришъ швою и всѣхъ бѣду скончашъ.

## Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т И Е .

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

ТАМИРА.

Не дай, о Боже, мнѣ опчаяться въ конецъ!

НАДИРЪ.

И не на шли на насъ превыше силы месши,

Но будь оставленнымъ и въ яросши ошецъ!

## ВѢСТНИКЪ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неушоломомъ  
 Лишь шолько вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ :  
 Съ озлобленнымъ шопчасъ увидѣлся Селимомъ,  
 И шумъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.  
 Взлешѣли на коней, и оныхъ поощряя,  
 Скакали на полѣ однѣ изъ нашихъ спѣнѣ.  
 Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,  
 Среди которой лугъ широкой заключенъ,  
 Тумъ первой ихъ ударъ : . . . . .

## ТАМИРА.

О какъ мой духъ стѣснился !

## ВѢСТНИКЪ.

Сверкнули острые и дали звукъ мечи ;  
 Какъ шуча мрачная Мамай ярься смушился,  
 Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горцѣ въ ночи,  
 Надежда на лицѣ Селивовомъ блистала,  
 И въ мужескѣ была приятна красота ;  
 Вездѣ рука его Мамайа ушѣсняла ;  
 Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.  
 Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,  
 И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ,  
 Уже и ошступалъ и къ бѣгу порывался ;  
 Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ ;  
 Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами ;  
 Распался разомъ щитъ, и конска голова.  
 Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,  
 И ближни пошряслись паденіемъ древа.

Селимъ

Селимъ шутъ могъ попрашь копытами Мамаю :  
Однако сшедъ съ коня, къ возставшему спѣшилъ.

НАДИРЪ.

Ахъ дерзость !

ТАМИРА.

Ахъ бѣда !

ВѢСТНИКЪ.

На храбрость уповая ,  
Къ гибели своей великодушенъ былъ.  
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власи :  
Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.  
Онъ имъ вскричалъ : шеперь спасите отъ напаси !  
Ударились къ нему . . . . .

ТАМИРА.

О горькіе часы !

О щедры небеса, и мой животъ скончайте !

ВѢСТНИКЪ.

Мнѣ свѣтъ изъ гласъ опнявъ, погнала прочь боязнь !  
Я слышалъ только шамъ : рубите и шерзайте.  
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ : прими достойну казнь.

НАДИРЪ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушенъ,  
И храбрость множествомъ твоя побѣждена !  
На толь ты столько былъ родишело послушенъ,  
Чтобъ косни приняла твои чужа страна ?

ТАМИРА.

Въ отчаяннн своемъ ужъ я леденю,  
Терзаньемъ ушомаясь любовнаго огня !  
Ошмсти ты, Государь, ошмсти сему злодѣю,  
За друга своего ошмсти и за меня.

НАДИРЪ

## НАДИРЪ.

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.  
 Опмщу или умру! Довольно и того,  
 Чшо вашей принесли сподоблюся любви  
 На жертву живоша остатки моего.

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА *одна.*

Какую можешъ дать Наѣиръ ужъ мнѣ ошраду?  
 Селима больше нѣшъ! Мамай вкругъ ополченъ!  
 Иль сквернаго себѣ его ждашь буду взгляду?  
 И дамъ себя жива чудовищу во плѣнъ?  
 Одно спасенье мнѣ не ожидашь спасенья.  
 Въ покровѣ природа смерть нещасливымъ дала.  
 Имѣя вольный пушь, не избѣгу мученья?  
 Еще хочу я жить и не страшуся зла?  
 Ужъ сердце за спѣной Селимово шерзакъшъ,  
 Ахъ люшой мой отецъ! убійцы по пушамъ.  
 О какъ и руки имъ швои не помогаютъ!  
 Поди и насладись невинной кровью самъ.  
 Насышь слезами грудь дочерними родишель!  
 И пагубой моей и рокомъ веселись.  
 Но знай, чшо будешь слышь на свѣшѣ ты мучишель:  
 Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.  
 А ты мой брашъ, когда спалъ нынѣ друѣ Мамаю,  
 То въ жизни на себя гнушаюсь я взлянушь;  
 Когдажъ ты ошъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,  
 То въ шомъ же за тобой спѣшишь мнѣ должно пушь,  
 И шакъ нещасная Тамира умирая,  
 Родишельскихъ ужѣ не будешь видѣшь слезъ.  
 Одна сомкнешъ глаза, со свѣта убѣгая,  
 Ошавлена ошъ всѣхъ, презрѣнна ошъ небесъ!

И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста подземны,  
Себя отъ тяжкихъ сихъ окововъ разрѣша,  
И устремится въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!  
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:  
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,  
И будь, когда намъ рокъ жишь вкупѣ запретилъ,  
Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ  
Со свѣта, чю со тобой однимъ мнѣ могъ быть милъ.  
Раскажешь уже, родитель мой; но позно!  
Ахъ позно будешь ты надъ мертвою рыдашь,  
Чю принужденіе швое могло мнѣ грозно  
Надежду и животъ во младости опнишь!  
А ты почувствуешь, Мамай безчеловѣчный,  
Копорой опнилъ нынѣ двѣ жизни у меня,  
Почувствуешь ты казнь и страхи безконечны,  
Какъ наша предъ тебя присупитъ шѣнь сшени.  
Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечшашься,  
И лица блѣдныя и кровь вездѣ казашь.  
Изъ сшени будешь въ степь отъ сшраку укрывашься;  
Но мѣста не найдешь, гдѣбѣ муки избѣжашь:  
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,  
Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.  
Сего, о небеса, ширанну я желаю!  
И въ жершву приношу послѣдній съ кровью гласъ;  
Ужѣ мнѣ вѣчностъ входъ къ блаженству отверзашь,  
И смершь зоветъ меня къ спокойству отъ шрутовъ!  
Героевъ свѣшлый ликъ Нарсима шакъ встрѣчашь.  
А ты мой духъ къ нему еще ли не готовъ?  
Ты къ дѣлу славному на чю ослабѣвашь?  
Чю должно потерашь, шю должно презирашь.  
За чѣмъ рука моя конца не ускоряшь?  
Мнѣ легче смершь сама, какъ смерши ожидашь.

Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,  
 Когдабъ нашъ вѣкъ продлишь изволилось судьбѣ.  
 Но нынѣ нехочу и въ смерти разлучиться.  
 Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ.

*Хочетъ заколотся.*

## ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

СЕЛИМЪ.

*схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.*

Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

НАРСИМЪ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

ТАМИРА.

*ослабѣвая.*

Ужѣ межъ мертвыми я вижу твою драгую!

СЕЛИМЪ.

Въ какомъ опчаяннѣ!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимовъ съ нимъ!

СЕЛИМЪ.

*къ ослабѣвающей Тамирѣ.*

Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,

Что врагъ нашъ погубленъ. Ужѣ больше не спрашисъ.

Насъ вѣрность и любовь и счастье возвышаетъ;

Великой радостью ты съ нами ободрисъ.

ТАМИРА.

Возможноль бышь тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!

Я съ вами въ жизнь еще увидѣшься могла?

Я вижу ясно, что рука твоя надъ нами,

О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!

Но



Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшись въ варварской рука моя крови,  
Вселенныя концы ошѣ спраху свободила,  
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

## Я В Л Е Н И Е   П О С Л Ъ Д Н Е Е .

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

---

МУМЕТЪ.

Нарсимъ, ты здѣсь! себя я вижу, сынъ любезный?  
Колику радоснь ты нечаянно принесъ!  
Одинъ ты изсушишь мой пошоки слезны,  
Чшо пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!  
Мамаю не хошя Тамира бышь супругой,  
Всего лишаетъ насъ, чшо намъ онъ обѣщаль,  
И чшо ты пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

НАРСИМЪ.

Я всю ужъ, Государь, печаль швою скончалъ,  
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;  
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

МУМЕТЪ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣннѣ ужасаюсь!

НАРСИМЪ.

Коль чудно я для васъ ошѣ пагубы спасенъ!  
Спасенъ, сей градъ, тебя, Тамиру и Селима  
Избавишь ошѣ бѣды, Мамаю погубивъ.  
Поверженъ сопостатъ и разоритель Крыма,  
Чшо полкъ мой низложилъ; чшуть я ошался живъ.

Часть II.

15

МУМЕТЪ.

МУМЕТЪ.

О небо!

ЗАИСАНЪ.

Ахъ ударъ!

ТАМИРА.

О промыслъ Милосердый!

НАДИРЪ *къ Заисану.*

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣешь наша прѣ?

СЕЛИМЪ.

Сама судьба есть щиръ любви нашей швердый.

МУМЕТЪ.

О льшивыя слова коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,

И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

НАРСИМЪ.

Не слыхано еще на свѣшѣ зло подобно,

Какое предпріялъ Мамай, ширанъ и льстецъ.

Ужѣ чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.

Въ густой крови кипя, шряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще шучь.

Ужѣ поле мертвыми наполнилось широко,

Непрядва шрупами шершисъ едва шекла.

Различный видъ смершей шамъ представляло око,

Различнымъ образомъ поверженны шѣла.

Иной съ размаху мечъ занесъ на сопосшаша;

Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.

Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злаша;

Но мертвый на корысть желанную упалъ.

Иной отъ сильного удара убѣгая,

Сшремглавъ на низъ слешълъ и штонешъ подъ конемъ.

Иной пронзенъ угасъ, прошивника пронзая,

Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Россійскіе полки ошвеюду ушѣсненны,  
 Казалося, что въ плѣнѣ дудушся иль падушѣ.  
 Мамай разшерзанны прошивныхъ видя члены  
 Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надушѣ:  
 Нарсимѣ, Димитрія во узахъ предо мною,  
 Когда онѣ живѣ еще, немедлѣнно посшавѣ;  
 Но ежели онѣ мершвѣ, съ противничей главою  
 Посиѣшно возвращаеся, мнѣ радости прибавѣ.  
 Я будучи его шобою ошданѣ волѣ,  
 Не медля поскакалѣ къ Россійскому полку,  
 Димитрія искашѣ въ его стану и въ полѣ;  
 По шрупамѣ перешолѣ кровавую рѣку.  
 Со всѣхъ сторонѣ меня внезапно окружили  
 Избранны воины Мамаевыхъ полковѣ,  
 И шѣхѣ что кругѣ меня вооруженны были,  
 Дерзнули сѣчь. Я шупѣ узналѣ прокляшой ковѣ.  
 Узналѣ что не вошще его я опасался,  
 И къ защищенію себя вооружилѣ.  
 О инѣ изѣ нихѣ ко мнѣ ужѣ прямо ушремлялся,  
 И ширѣлу на меня въ свирѣпости пушилѣ.  
 Она пробивѣ мой щисѣ, увязла по срединѣ.

М У М Е Т Ъ .

Кѣ какой ужасной я послалѣ тебѣ бѣдѣ!

Н А Д И Р Ъ .

Трепещешѣ грудь моя!

С Е Л И М Ъ .

Коль близко былѣ къ кончинѣ!

Н А Р С И М Ъ .

Внезапно шумѣ восшалѣ по воиншву вездѣ.  
 Какѣ шуча бурная ударивѣ ошѣ пучины,  
 Ужасной въ воздухѣ раждаешѣ бѣгомѣ свистѣ;  
 Ревешѣ и гоншѣ мглу чрезѣ горы и долины,  
 Возноситѣ ошѣ земли до облакѣ легкой листѣ:

Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,  
 Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ ;  
 Дождавшись шаковой въ бѣдѣ своей ошрады,  
 Ославше воинство возвысило свой гласъ.  
 Во срѣшенъе своимъ Россіяне вскричали,  
 Великой воспыла въ сердцахъ унывшихъ жаръ.  
 Мамаевы полки увидѣвъ въспрешали,  
 И ужасъ къ бѣснвию принудилъ всѣхъ Ташаръ.  
 Убивцы ошъ меня для страху удалились.  
 Я къ верьху смущные возвелъ свои глаза.  
 Тогда надъ Росскими полками ошворились,  
 И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.  
 У арилъ громъ на насъ по оныхъ поборая,  
 И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ !!  
 Глазами я искалъ и не нашолъ Мамаю ;  
 Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.  
 Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся ;  
 Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ !  
 Увидѣлъ куно всѣхъ попраанныхъ, ужаснулся !!  
 Мамаю опомешиль за все я зло спѣшилъ.

#### МУМЕ ТЪ.

О щасшве льстивое ! какъ души ослѣпляешь.  
 Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ !

#### ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живошъ съ надеждой возвращаешь !!

#### СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ !  
 И очи, Государь, мои тѣмъ насладились,  
 Что опиялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.  
 Когда мы на полъ одинъ съ другимъ сразились,  
 Въоруженные нахали къ намъ въ лугъ.

Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,  
 Чшобъ множествомъ меня коварно одолѣшь :  
 Однако я спояшь прошивъ вооружился,  
 И предпріялъ, лишась любезной, умереть.  
 Тощасъ шушь усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,  
 Кошорой яростью къ Мамаю устремленъ  
 Лешѣлъ къ опмищенію колеблемаго Крыма.  
 Онъ шяжке возшеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.  
 Какъ шигръ ужъ на копьѣ хошя ослабѣваешь,  
 Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,  
 Глазами на ловца кровавыми сверкаешь,  
 И рашовище злясь въ себѣ зубами рвешь :  
 Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою ;  
 Нъ палъ, и трясуясь о землю тыломъ билъ.  
 И въ раны черна кровь ударилась рѣкою ;  
 Онъ очи злобныя на небо обрашилъ.  
 Разинулъ челюсти! но гласа не имѣя,  
 Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.  
 Нарсимовы слуги безушнаго злодѣя  
 Осшались истребить огнемъ послѣдній ядъ.

## НАДИРЪ.

Толь шяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ !

## СЕЛИМЪ.

Вшорично, Государь, я нынѣ предложу  
 О шомъ, къ чему моя шоль сильно грудь пылаетъ ,  
 И жизни для чего своей я не шажу.

## МУМЕТЪ.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,  
 Исполню, что велишь любовь и красота.  
 Я шчасшiemъ своимъ и вашимъ ушѣшаюсь !  
 Жмши въ веселіи, любезная чеша.

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,  
Чшо могъ насъ въ пагубѣ конечной ушопишь;  
Толь будешь навсегда онъ веселъ и прекрасенъ,  
Чшо въ оный промыслъ васъ судилъ соединишь.  
Взаимная любовь межъ васъ непринужденна  
Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.  
Мамаева при шомъ кичливость поражена  
Другихъ пусть усрашитъ гордиться выше мѣръ.  
Къ гоповому шеперьъ вы олшарю за мною  
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество всшуйишь.  
Клеониною я хощу оскорбленъ виною,  
Но радость нынѣшня велишь ей все простишь.

*Конецъ пятому дѣйствию.*



ДЕМОФОНТЪ  
ТРАГЕДІЯ.

*Въ пяти дѣйствіяхъ.*





## КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои, Демофонсъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, прошивною бурей занесенъ былъ къ берегамъ Фракійскимъ, и съ разбитого флота принявъ Царевною Филлидою, дочерью Ликурія Царя, послѣ кошораго смерти воспиталъ ее Полимнесоръ Князь и правитель Фракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, преведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонсомъ возымѣвъ великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь съ Мемнономъ, сочетались между собою бракомъ, и принять правленіе государства, а Полимнесора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонсъ прежде жалосію, а послѣ и любовью къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесоръ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отселѣ начинается сія Трагедія.

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДЕМОФОНТЪ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, Князь и наместникъ Царскій во Фракіи.

ФИЛЛИДА, Царевна Фракійская, дочь умершаго Ликурга Царя.

ИЛОНА, Царевна Троянская, дочь Троямова, невеста Поли-  
месторова.

МЕМНОНЪ, Правитель города Сеста.

ДРАМЕТЪ, Полководецъ Демофонтовъ.

КРЕУЗА, малка Филлидина.

ВѢСТНИКЪ.

---

*Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Фракій-  
скомъ, въ царскихъ палатахъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, ДЕМОФОНТЪ и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Онѣ вѣ сихъ уже стѣнахъ; о люшая напасшь!  
Ты знаешь, Демофонтъ, его велику власшь.  
Желаніе мое какъ можешь совершился,  
Гдѣ Полиместора мой слабой духъ страшитъся?  
На что ты ошлагалъ на что толь долго бракъ?

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ строгая судьба повелѣвала такъ!  
Но что великой страхъ?

ФИЛЛИДА.

Еще ли вопрошаешь?

Давно уже давно ты все подробно знаешь,  
Что мнѣ съ тѣхъ поръ страшна и нынѣ его гроза;  
Когда родишело сомкнула смерть глаза.  
Онѣ жизни своя послѣдній часъ кончая,  
Прости, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая,  
Живи и возрасшай щасливо подъ рукой,  
Что вѣ возрастѣ себя на проиѣ возвыситъ мой.  
Ты Князю будь какъ мнѣ до времени послушна;  
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.  
Промолвилъ, и съ тѣмъ духъ послѣдній испустилъ,  
И Полиместоръ власшь надъ царшвомъ получилъ.  
Черезъ двенацать лѣтъ коль сильно укрѣпился,  
То видѣлъ ты шенерь; но какъ ты не смутился?

И неподвижно какъ возмогъ смотрѣшь на страхѣ.  
 Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ  
 Смущенныхъ ошъ его внезапнаго приходу ?

ДЕМОФОНТЪ.

Сѣ ли успрашишь Геройскую породу ?  
 Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ ?  
 Чего желаю я, то получу одинѣ.  
 И чаешь ты, чтобъ шомъ симъ видомъ взволновался;  
 Кто Гекшора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался ?

ФИЛЛИДА.

О мужество твоемъ не сомнѣваюгъ я ;  
 Иной напасши ждешь печальна грудь моя.  
 По всѣмъ признакамъ я безсчастна примѣчаю,  
 Что къ пагубѣ своей любовью пылаю.  
 Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чтишь народъ,  
 И что власть ему осталася цѣлой годъ ;  
 Въ ошсущество его уговорася съ Мемнономъ,  
 Мы брачнымъ укрѣпиль любовь могли закономъ,  
 И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,  
 Ошсталибъ отъ него, ошвергнувъ шягость узъ.  
 На храбросиль бы твою надежду положили, ~  
 Противъ его свой духъ и руки обрашили.  
 Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ всшупилъ,  
 Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.  
 Онъ больше прежняго ужъ власшь свою умножилъ,  
 По умысламъ своимъ и бракъ мой расположилъ.  
 Но ты спокойно могъ сея напасши ждасъ !  
 Какъ можешь. предо мной себя ты оправдасъ ?

ДЕМОФОНТЪ.

Смущенія швыи, драгая, всѣ напрасны,  
 И шѣни кажущся однѣ шибъ ужасны.

Жошъ.

Хоть Полимнесторъ здѣсь; но онъ какъ швой отецъ,  
Твоимъ сомлѣнїемъ желанный дасшъ конецъ.  
Когда въ младенчествѣ онъ былъ швой покровитель;  
То будешъ ли въ швоемъ ужь возрасшѣ гонитель?  
И медлѣнность моя вредить не можешъ намъ;  
Пока я долгу отцу въ опечесшѣ опдамъ;  
То княжеско къ концу владѣнїе достигнешъ,  
И швой народъ себя и онъ на тронъ воздвигнешъ.  
Въ Афинахъ укрѣпя престолъ свой, возвращусь,  
И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

## Ф И Л Л И Д А.

Такъ можешъ цѣлой годъ пробыть и безъ Филлиды!  
Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды?  
Когда свирѣпый вихрь разбилъ швои суда,  
Когда еще шъ кра съ одеждъ швоихъ вода,  
Когда изъ челюстей несышья пучины  
На мой ты приняшъ брегъ, спасешъ отъ злой кончины;  
Ты такъ ли говорилъ? Ты такъ ли припадалъ?  
И такъ ли взоръ взволилъ, и такъ ли воздыхалъ?  
Слезами и бѣдой швоей я умилилась;  
На швой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.  
Почти безъ чувствъ тебя я въ домъ свой привела,  
Спокойство отъ трудовъ и жизнь тебѣ дала.  
И для меня Мемнонъ явилъ тебѣ прїяштво,  
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатштво,  
Которое шогдажъ тебѣ возвращено,  
И съ нимъ сокровище мое сообщено.  
Какъ можешъ, что досшалъ убійствомъ ты и кровью,  
Сравнишь съ шѣмъ, что тебѣ моею дано любовью?  
Когда она двоихъ сердца ужь сопрягла;  
Я общимъ все добромъ имѣнїе звала.

Съ сугубой хочешь въ домъ корыстью возвратишься,  
Троянскимъ и моимъ богашствомъ возгордишься ?

### Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

О какъ миѣ рѣчь сія въ печальну грудь разишѣ !  
Подумай, что теперъ отецъ мой говоритъ :  
„Меня противникъ зѣсь отъ царства оплучаетъ,  
„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ шаетъ,  
„И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ,  
„Въ ничто вмѣняетъ скорбь отеческу и спонъ. „  
Представъ, дражайшая, ты гордаго Мнесшея,  
Что хочешь хищной снятъ рукой вънецъ съ Тезея,  
И въ старости ему онъ казню грозитъ :  
Представъ себѣ, представъ Тезеевъ скорбный видъ.  
Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешь !  
Ты взоры слезные чрезъ вѣлы простираешь,  
И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ пушъ,  
И на берегъ едва держашъ ты взглянуть,  
Гдѣ злой ширанъ тебя насильно утѣсняетъ  
Тогда, какъ Грецію опрада оживляетъ.  
Съ побѣдою пришли обратно шамъ Цари,  
Восходитъ къ небу плескъ, дымяшся олшари.  
Троянскимъ златомъ всѣ блистають шамъ чертоги,  
Пріемлютъ злато въ даръ отеческіе боги.  
Отцы и матери вспрѣчаютъ шамъ сыновъ,  
И радость извѣстишь не доснаетъ имъ словъ.  
Всѣ слушають отъ нихъ Пріамову судьбину,  
И Гекторову смершь, и славы ихъ кончину.  
А ты, родитель мой, утѣхи той лишенъ !

### Ф И Л Л И Д А.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ ?

ДЕМО-

## ДЕМОФОНТЪ.

Такой мнѣ отъ боговъ уже предѣль поснавленъ,  
Что я хощу на сей брегъ отъ я хъхъ волнъ избавленъ,  
Однако чшобъ на немъ въ смущеньи ушопашь!

## ФИЛЛИДА.

Но я ли спрогосшью могла тебя смущашь;  
И кшо препяшествовалъ намъренью скончашься,  
И прежде Князя намъ на царство увѣнчашься?  
И силу бы твою услышавъ шамъ Мисстей  
Державы досягашь дерзнулъ ли бы твоей?  
Подумалъ ли бы онъ, что Ораческая сила  
И съ ней рука твоя ему бы не опмшила?

## ДЕМОФОНТЪ.

Такъ хочешь, чшобы я не видѣлъ нынѣ Аѳинъ,  
И шамъ не защишилъ отеческихъ сѣдинъ?

## ФИЛЛИДА.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслишь,  
Чшобъ стала я съ имъ веселіемъ по числишь,  
Когда бы ты ошца и скиптръ свой позабылъ?  
Мнѣ шоль же какъ тебѣ, повѣрь, ошецъ твой милъ.  
Я власшь здѣсь укрѣпя, съ шобой бы съ Поншъ пустилась,  
Ни ошрыхъ камней я бѣ ни бурь не ушрашилась.  
Какуюбъ радость твоей почувствовалъ ошецъ,  
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

## ДЕМОФОНТЪ.

Не знаешь зависи межъ Греками, не знаешь?  
И такъ ли два вѣнца совокупишь ты чаешь?  
Лишь шолько дойдешъ вѣстъ къ сосѣдямъ черезъ Поншъ,  
Что принялъ отъ тебя власшь Царску Демофоншъ;  
То силою въ боязнь приведены моею,  
Всѣ обще поспѣшатъ вѣнецъ ошдашь Мисстею.

Мнѣ прежде должно власть наслѣду укрѣпншь,  
И послѣ съ оною швою совокупншь.

ФИЛЛИДА.

Не мысли, Государь, чшобы младыя лѣша,  
И слѣпоша любви меня лишила свѣша,  
Чшобѣ мыслей я швоихѣ примѣнншь не могла,  
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!  
И рѣчь швоя себя и взгляды обличающѣ,  
И сердца швоего всю шайну открывающѣ.  
Я вижу изъ швоихѣ пошупленныхъ очей,  
Чшо больше нѣшѣ уже ко мнѣ любви швоей.

ДЕМОФОНТЪ.

Драгая, пересшань шерз шь мой душѣ смущенный!

ФИЛЛИДА.

Бѣжишь отъ глазъ моихъ? Ужѣ мысли развращены  
Не могушѣ ушерпѣть мѣихѣ правдивыхъ словѣ.  
Уже шы къ своему ошшешствію готовѣ,  
И долѣе меня не хочешѣ удостоинѣ . . . .

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоашѣ!

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Не ясноль кажешѣ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,  
Чшо я слезамѣ своимѣ даю безѣ пользы шечь!  
Ты видишь по всему, любезная Креуза,  
Чшо онѣ нарочно бѣгѣ отѣ брачнаго союза.

КРЕУЗА.

Я сердцемѣ шрепещу, смущенія боясь!  
Чшо будешѣ, какѣ швою любовь узнаешѣ Князь?



О Демофонтѣ что, Царевна, онѣ помыслишь,  
Котораго врагомѣ со Греками онѣ числишь?

Ф И Л Л И Д А.

Могла ли я такой печали ожидать?  
И что ужѣ шеперь безщасной мнѣ начашь?  
Ты рокѣ готовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ шайнѣ?  
Креуза, ахѣ поди, спѣши, старайся крайне,  
Вступи съ нимѣ обо мнѣ въ пространной разговорѣ,  
И примѣчай слова, движенія и взорѣ:  
Тебѣ покажутѣ все вопросы и отвѣты,  
Ты знаешь мыслей въ немѣ наружныя примѣты.

К Р Е У З А.

Дай, небо, чтобѣ въ твоихѣ намѣреніяхѣ всѣхѣ  
Былѣ равенѣ моему стараню успѣхѣ!

## Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т И Е.

Ф И Л Л И Д А *одна.*

Чтобѣ онѣ любилѣ меня, еще могу я вѣришь?  
И страши въ немѣ другой я не могу измѣришь?  
Не тщешноль жду того, что онѣ мнѣ обѣщаль,  
И что мнѣ клятвою спокрашно подшверждалѣ?  
Однако шакѣ моей любовью одолженный  
Гнушашься мерзскія не будетѣ ли измѣны?  
Горячая его къ родинелю любовь  
Не возмушитѣ ли въ немѣ шакой наносшью кровь?  
Но я ослѣплена причины вымышляю!  
И видя явну лещь, его же извиняю!  
Ахѣ! какѣ мнѣ нынѣ бышь? И Полимнеспорѣ самѣ  
Являешь моимѣ, ахѣ, полнымѣ слезѣ очамѣ!

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Уже мнѣ наконецъ пріятною судьбою,  
Царевна, суждено увида́ться съ тобою.  
Отъ взору твоего при лѣшѣ оплученъ,  
Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ.  
Раздоры внутренни и ви́шни успокоилъ,  
Противныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.  
Не однократно я всю кровь хотѣлъ пролить,  
Чтобъ царство для тебя недвижно утвердиль;  
Но щедры небеса судьбину опвратили  
И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

## ФИЛЛИДА.

Что защищая ты во мнѣ Ликуровъ родъ,  
На брани положишь готовъ былъ свой животъ:  
За то благодарящъ тебя народы многи,  
И чшящъ зависнѣи, и любящъ сами боги.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Симъ щасіемъ, хотя я много веселюсь;  
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,  
Увидѣвъ, что въ мое опсушствіе Филлида  
И возрастомъ своимъ и красошою видя  
До шѣхъ достигла мѣръ, когда уже любовь  
Ликурову тобой воспавишь можешъ кровь.  
Едино совершилъ мнѣ дѣло ужъ осшалось,  
Чтобъ сердце чрезъ меня досшойное сыскалось,  
Досшойное тебѣ бытъ въ вѣкъ поручено.

## ФИЛЛИДА.

Усердіе твое, извѣстно мнѣ давно:

Хотя

Хотя рука твоя симъ царствомъ, Князь, владѣла,  
Но я лишася ошца, въ шебѣ его имѣла.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Превыше нынѣ мѣрѣ шобою я почтенъ,  
Что именемъ я шоль великимъ нареченъ.  
Довольно, ешълибѣ я шого былъ удостоенъ,  
Чтобы черезъ меня народъ былъ успокоенъ,  
Которой въ радости ужѣ всечасно ждеши,  
Кого твоей вѣжной взоръ и сердце избереши,  
Чтобъ царшвовашъ съ шобой на ошческомъ престолѣ,  
О щасшливѣ, щасшливѣ шощѣ, и всѣхъ онѣ смершныхъ болѣ!

ФИЛИДА.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,  
Которой нравамъ онѣ похвальнымъ научилъ.  
Но сколько ошѣ швоей онѣ ревности желаеши,  
Моя нещасна грудь шого имѣши не чаеши.  
Я щасшлива былабѣ, когда твоя бы власшь,  
Могла мнѣ укрѣпнншь мою желанну часть.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Хощь всею я еще Фрактею владѣю;  
Но силы шаквой и власши не имѣю,  
Какая въ нѣжности и младости швоей  
Блиешаеши изъ твоихъ плѣняющихъ очей.  
Своею больше ты успеши красотою.

ФИЛИДА.

Коль мало пользоваться могу себя я шую!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ты можешъ ею все . . . .

ФИЛИДА.

Узнаешъ скоро самъ  
Но время приносиши шебѣ хвалу богамъ.

## Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ и М Е М Н О Н Ъ.

## М Е М Н О Н Ъ.

Надѣясь швоего въ великій храмъ прихода,  
 Несчетно множество сшекаешся народа.  
 Я войско по мѣшамъ разешавилъ, Гоеударь,  
 И жершву приносишь богамъ гешовъ олшарь.

## П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,  
 Когда поверженъ я послѣ шрудовъ въ мученье,  
 Когда меня любовь въ спокойны дни крушилъ,  
 И въ мирные часы въ груди сей брань чинилъ?

## М Е М Н О Н Ъ.

Въ тебѣ ли можно бытъ какимъ мученьямъ мѣсту?  
 Въ спокойномъ торжествѣ ты видишь здѣсь невѣсту,  
 Геройску видишь дочь, Геройскую сестру.  
 Пылающу къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.  
 Всего лишася она, шобой была спокойна:  
 Супружества съ шобой въ несчастнн достшойна.  
 Желаніе свое ты можешь совершилъ,  
 И съ бракомъ торжество сіе соединилъ.  
 Она послѣ себя минушгь всѣ счншала;  
 По Троѣ, по отцѣ не шолько воздыжала,  
 Какъ взору швоего, крушилася, лишася  
 Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилася!

## П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Что часъ ея жалка, Мемнонъ, я признаваю,  
 Съ любовью купно скорбь для ней прешерпваю.

Сугубо

Сугубо чувствую я бремя на плечахъ !  
И что, скажи, шеперь я видѣлъ при брегахъ ?  
Чѣмъ флаги на водахъ Борей Эракійскій вѣетъ ?  
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣетъ ?  
Скажи и не утай, что было безъ меня ?  
Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея ?

## М Е М Н О Н Ъ .

Возможноль опѣ себя мнѣ, Государь, шайшься ?  
И должностъ и любовь велишь тебѣ открьшься :  
За полгода предѣ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,  
Едѣ съ воинствомъ тебя водилъ Геройской духъ ;  
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна ,  
Что Троя рушила въ конецъ судьбина гнѣвна ;  
Внезапно солнца видѣ на всходѣ спалъ багровъ  
И шускые лучи казалъ изъ облаковъ .  
Опѣ берегу въ дали пучина почернѣла ,  
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла .  
Напала мгла какъ нощь, ударилъ громный шрескъ,  
И мрачность пресѣкалъ лишь частыхъ молній блескъ .  
Поднявъ съды верьхи, стремились волны яры ,  
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары .  
Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли ,  
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли ,  
Которы лютосятся водѣ, то въ пропастьхъ скрываетъ ,  
То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ ;  
Раздранны парусы пловцы отдавъ въ шрамъ ,  
Ужъ руки подняли къ закрышымъ небесамъ .  
Мы чаяли тогда Кнеева прихода .  
Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа .  
Объята жалостью, подвигнула бѣдой ,  
Царевна на берегъ безъ страху шла за мной .

Тутъ

Тушѣ алчный Пснѣ пожралѣ три корабля предѣ нами,  
 И въ части раздробивѣ, извергѣ на брегѣ волнами.  
 Увидѣвѣ, что съ водой такѣ бьется человекѣ,  
 Съ рабами я спѣшилѣ и на песокѣ извлекѣ.  
 Онѣ очи смутныя со страхомѣ обращая,  
 И помныя уша чрезѣ силу ошверзая,  
 Кѣ Филлидѣ, облившись слезами, говорилѣ:  
 Когда небесный гнѣвѣ меня такѣ поразилѣ,  
 То я уже взирать на небо не дерзаю;  
 Кѣ тебѣ, боиня ты, иль смершна, прибѣгаю,  
 Или, какѣ чаю, сихѣ владычица бреговѣ,  
 Покрой насѣ и превысѣ щедрошою боговѣ.  
 Царевна шаковымѣ подвигласѣ жалкимѣ слухомѣ,  
 И нѣжнымѣ, преклонясѣ, отвѣшсшвовала духомѣ:  
 Спокоенѣ будь теперѣ, и ошложи весь сшрахѣ:  
 Не варварски сердца родяшся въ сихѣ мѣсшахѣ.  
 Хотя не знаемѣ мы, какого ты народа,  
 Но бѣднымѣ помогашѣ велитѣ сама природа.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Кто сей несчастный былѣ?

МЕМНОНЪ.

Царя Тезея сынѣ.

Онѣ сердца нашея Царевны господинѣ!  
 Народѣ его, что съ нимѣ отѣ пагубы избавленѣ,  
 Спокойствомѣ ободренѣ, и флотѣ его исправленѣ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

О вѣсти странныя! о чудный судѣ боговѣ!  
 Но поидемѣ ихѣ спроситѣ; я ко всему гошовѣ.

*Конецѣ перваго дѣйствія.*

---

---

# ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

---

ДЕМОФОНТЪ, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

---

ДЕМОФОНТЪ.

Ты склонность кажешь мнѣ, всея надежды болѣ!  
И чѣмъ я заплачу швоей шоль щедрой волѣ?  
Я странствую, гонимъ отъ волнъ и отъ небесъ;  
Ты въ скорьби, Государь, ошраду мнѣ принесъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

И я шѣмъ веселюсь, что дивная судьбина  
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣшь сына,  
Которой мужествомъ ему себя сравнилъ,  
И шѣмъ подъ Троею Героямъ общникъ былъ,  
Которыхъ на нее послали гнѣвныя боги.  
Не вы, не вы, они Пріаму были спроги!

ДЕМОФОНТЪ.

Умѣренность швою чему могу сравнять?  
Величествомъ души Пріама больше зяшь!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

То все еще шеперь у Промысла во власши;  
Достигнешъ до своей и Иліона часши!  
Отъ ярости боговъ, убѣгнешъ ли она,  
Котору чувствуешь отца ея страна,  
То день посшавленный покажетъ намъ конечно!

ДЕМОФОНТЪ.

Иль рвеніе боговъ на Троеу будетъ вѣчно?

Когда

Когда ужé и въ насъ смягчился сердца;  
 То имъ ли злобишься на бѣдныхъ безъ конца?  
 Когда представляю я въ умъ своемъ Пріама,  
 Терзаюсь мыслями ошъ жалости и срама,  
 Чшо Греческой рукой Царева сѣдина,  
 О варварство! въ его крови обгрека.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теряешь славу всю свирѣпствомъ побѣдитель;  
 Но часто долженъ онъ невольно бытъ мучитель,  
 Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.  
 Тебѣ всегда за то пребудетъ похвала,  
 Чшо о несчастіи поверженныхъ жалѣешь;  
 Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолеешь.  
 Когдабъ жалѣли такъ ошшедъ всѣ Греки прочь,  
 Себѣ Пріамову могло утѣшить дочь.

## ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ знашь другихъ сердецъ движения не можно;  
 Но объявишь сіе могу тебѣ не ложно,  
 Чшо въ жизни я себя великимъ бы почелъ,  
 Когдабъ ей доказашъ сердечну жалость смѣлъ,  
 Которую объ ней - - - -

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я въ томъ не возбраняю;  
 Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,  
 Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,  
 Чшо Троя отъ боговъ, не вами сожжена.  
 И видя, чшо о томъ, кто воевалъ, крушится  
 Могла бы ошъ шоски хоть мало свободиться.

## ДЕМОФОНТЪ.

Всѣ силы положу, чшобъ Грековъ побѣдишь,  
 И Иліону въ той надеждѣ ушвердишь,



Что шѣ же укрошась, возставящѣ боги Трои.  
 О естѣлибѣ сею могѣ воздвигнугѣ я рукою!

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

М Е М Н О Н Ъ .

Я объявивѣ его къ швоей невѣсшѣ страсть;  
 Дивлюсь, что шы ему даешь ходишь къ ней власшь!

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ .

Я не даль бы; но чтожѣ? Другое нынѣ время!  
 И боги съ моего снимающѣ сѣрца бремя.  
 Покажущѣ щедрой шѣ на Иліонѣ судѣ,  
 Устроящѣ все обѣ ней и щасшѣ ей далущѣ.  
 Меня ихѣ власшь къ другой любви понуждаешѣ:  
 Мой духѣ прошивишься ихѣ воли не дерзаешѣ!

М Е М Н О Н Ъ .

Что слышу, Государь?

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ .

Отѣ Олтара отвѣшѣ!

Ты слышалѣ въ храмѣ громѣ. Мемнонѣ, и видѣлѣ свѣшѣ,  
 Когда я приступивѣ, предѣ Марсомѣ преклонилѣ,  
 И какѣ отѣ жершвы дымѣ предѣ онымѣ вескурилѣ;  
 Тогда военный богѣ щинемѣ своимѣ пошрясѣ,  
 Блеснулѣ очами вдругѣ, и испушилѣ сей гласѣ:  
 „Для Трои на себя не привлекай шы гнѣву,  
 „Вручениую шибѣ люби вѣкъ дочь Цареву.  
 Толь ясныя слова не смѣю шолковашѣ;  
 Я волю принужденѣ бессмертныхѣ исполняшѣ;

Чтобъ бышь Ликургева по власти оныхъ прона  
 Но нынѣ ошступи: приходишь Иліона.

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Увидѣвъ, Государь, на единѣ тебя,  
 Я смѣюль рѣчь зачашь, швой духъ не оскорбя.  
 Весь городъ веселясь, въ очахъ швоихъ сіяешь,  
 И можешъ бышь мой взоръ, тебѣ лишь досаждаешъ.  
 Боюсь, что я сему шоржешшвенному дню  
 И радости швоей препяшшство учиню!  
 Ты видишь предъ собой не шу ужѣ Иліону,  
 Что прежде славою ошеческаго шрону  
 Украшена, тебѣ была обручена,  
 Со свѣшлымъ празднешшвомъ въ сей градъ приведена;  
 Но съ Трою всего величества лишенну,  
 И шолько лишь къ тебѣ надеждой укрѣпленну.  
 Какъ сердце бы швое мнѣ не было дано,  
 Ошалося бы мнѣ, ошчаянье одно.  
 Я въ Троѣ, въ Гекторѣ, въ Гріамѣ умираю;  
 И шолько лишь къ тебѣ любовію дыхаю:  
 Возставъ и укрѣпи!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я долженъ самъ упасть!  
 О шрогая судьба! о горешшная часть!

ИЛІОНА.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя  
 Лишаешъ и тебя весемья и покоя!

Но

Но ежели тебѣ еще я такъ мила,  
Какъ въ шѣ часы, когда изъ Трои я пришла!  
То всю свою шоску въ сей день преодолею:  
И ты спокоенъ будь спокойностью моею.  
И Гекторъ и Троиль, Геккуба и Пріамъ  
Въ тебѣ однимъ моимъ являющся очамъ.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парисомъ иль Пріамомъ,  
То былъ бы щасливъ я ужъ въ несчастъ самомъ.

## ИЛЮНА.

Ты можешь Государь, теперь мнѣ ими бышь  
И Трою на берегу Эракийскомъ защишишь,  
Которую еще неукротимы Греки,  
Наполнивъ кровью поля при ней и рѣки,  
Коварно ушѣсняшь и здѣсь не престаюшь,  
И мѣста оныя остаткамъ не даюшь.  
Въ отсутствіе твое бурливая погода  
Разбила корабли противнаго народа.  
Тезеевъ сынъ отъ воли спасенъ остался живъ,  
Здѣсь странствуя живетъ. О въ время улучивъ,  
(Того я знать не шущу, за правду, иль пришворомъ :)  
Мнѣ часшо о любви досаднымъ разговоромъ  
Терзалъ мой скорбной духъ, несносной сопосщашъ,  
Котораго одинъ мнѣ пуше смерти взглядъ.  
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзашъ  
Другой любви искашь, чрезъ что онъ объявляешъ,  
Что онъ на всякой часъ на злосшь свою гошовъ.  
На всѣхъ онъ, Государь, сплетаетъ хищрый ковъ,  
Ошмши ты за меня; ошмши ты за Филлиду,  
За Трою, за весь родъ, за собственну обиду.

**ДЕМОФОНТЪ  
ПОЛИМНЕСТОРЪ.**

Я сеюбъ кровь его рукою пролилъ самъ,  
Когда бы было шо угодно небесамъ;  
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,  
И мечъ мой на него поднять не позволяетъ.

*на сторону:*

Хотя одной послылъ, хотя другой онъ любъ;  
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопоставъ сугубъ.  
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!  
Но мстишь ему за шо, о боги, я не смѣю!

*указывая на Иліону:*

За шѣмъ я вамъ ее на волю отдаю,  
Вы дайте помочъ ей; скрѣпите грудь мою  
Исполните вашъ отвѣтъ!

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА. *одна:*

Гдѣ мнѣ искать покровъ?

Не слышала шеперь ни одного я слова,  
Кошорыя бы признакъ онъ нѣжности мнѣ далъ!  
Что смущны ошъ меня онъ очи отвращалъ?  
Ахъ Троя, ты упавъ, любовь въ немъ разрушила!  
Я вижу, что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила  
Не пресшаеъ Троянъ остатки ушѣснятъ,  
И шомъ уже меня не хочешъ защищать,  
Къ кошорому меня во брачныя чершогы  
Поставила любовь, Прѣамъ и сами боги.  
Что нынѣ предпрятъ они велятъ ему?  
Соперникъ Демонфонтъ сугубо по чему?  
Или къ Филлидѣ онъ любовію пылаеъ?  
Но чтожъ сопернику отмстишь онъ не дерзаетъ?

И

И что меня еще вручаетъ онъ богамъ,  
 Когда покрыть отъ бѣдъ скоряе можешь самъ,  
 Когда они свой взоръ отъ Трои отврашили?  
 Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!  
 Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:  
 И ваша бышь должна ко всѣмъ равна любовь,  
 Но Грекамъ вы опцы, Троянамъ вы Тиранны:  
 Они вознесены, а мы лежимъ попранны!  
 Однако ешьли такъ васъ огорчилъ Приамъ,  
 Что кровію воздашь не могъ и Гекторъ вамъ;  
 Но въ гнѣвѣ вы своемъ жопъли видѣшь Трои  
 Заженну въ жертву вамъ прошивною рукою,  
 И войско и народъ и стѣны истребишь;  
 То что ужъ можешь васъ на ярость побудишь?  
 Представше прежнюю Приамову державу,  
 Героевъ и полки, величество и славу,  
 Едѣ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ,  
 И кости на пусыхъ рассыпаны поляхъ,  
 Младенецъ лишь одинъ съ несчастною сестрою  
 Не можешь въ бѣднѣсти сыскать себѣ покою,  
 Почти ужѣ плѣненъ живешь въ краю чужомъ!  
 Еще ли можешь бросаешь на насъ свой громъ!

## Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е .

И Л І О Н А и Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

И Л І О Н А .

Еще ли умножаешь идешь мои печали!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,

Которыя шакой поставили предѣлъ,

Чтобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.

Коль

Коль часто оскорбленъ къ тебѣ бышь взарекаюсь;  
 Толь часшо пресшунивъ за рокъ свой, возвращаюсь.  
 Суровой твоей отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;  
 Но нынѣ съ жалостью любовь открыла пушь;  
 Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаешь:  
 Что жалость о тебѣ сугубо представляешь.  
 Оставлена ошъ всѣхъ, лишенная всего,  
 Ужель послушаешь совѣту моего?  
 Подвигнуть ли тебя мой потоки слезны;  
 Когда спенанія и вздохи бесполезны,  
 Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,  
 Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?  
 Другой ужè красой, повѣрь, онѣ плѣнились,  
 Ошъ нѣжностей твоихъ во вѣки затворились.

ИЛІОНА.

Невѣрной!

ДЕМОФОНТЪ.

И кому!

*указывая на Иліону.*

ИЛІОНА.

Подобенъ въ томъ тебѣ.

Филлидаль ошъ тебя сего ждала себѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Онѣ лакомству, а я любви порабошился;  
 Онѣ царствомъ, я шобой, дражайшая, плѣнился.  
 Любви онѣ и своей невѣстѣ измѣня.  
 Тебя освободилъ и оправдалъ меня.  
 Филлидинѣ будешь духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ:  
 Что благодарность лишь, не жаръ мой къ ней пристоенъ.  
 Сугубо я свой долгъ ей изъ Аейнѣ воздамъ:  
 Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

ИЛІОНА.

И Л І О Н А.

Какъ можешь прѣбовашь, чшобъ я тебя любила?  
Судьба и страсть меня другому поручила.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Преступнику!

И Л І О Н А.

Пускай хошябъ таковъ онъ былъ,  
Или пускай бы насъ Пртамъ не обручилъ;  
Но сносно ли бы мнѣ швое желанье было?  
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное спрашило!  
Когда предспавишся въ моемъ мечпаньѣ Грекъ,  
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ,  
Пылаешъ домъ ошцевъ; сестру влекущъ изъ храма  
Рыдающу среди ругашельства и срама.  
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведушъ,  
По дѣсяхъ матери, шерзая грудь, ревушъ.  
Раздранны вижу шамъ я Гекшоровы члены,  
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящіяся сшѣны.  
Подъ каменнымъ бугромъ несчастна спонешъ мать!  
Возможно ли шебъ любви моей желашъ?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,  
Я сшѣны раззорялъ ошца своей любезной!  
Но можешъ ли швой гнѣвъ, Царевна, и въ сей часъ  
Пылашь прошивъ меня? еще ли не погасъ?  
Не мною Гекшоръ палъ, не мною Поликсена  
Въ незлобивой крови угасла обогренна.  
Ахъ ешълибъ я шебя еще до брани зналъ,  
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ восшалъ.  
Ощецъ меня послалъ со воиншвомъ подъ Трою:  
То много ли я шѣмъ виновенъ предъ шобою?

Я

Я дорого плачѹ попоки вашихъ слезѹ,  
 И больше зла шерплю, какѹ Троѹ я нанесѹ!  
 Я вѹ жершву далѹ себя грызущей нушрѹ печали,  
 И больше самѹ горю, какѹ Пергамы (\*) пылали.  
 Ты мучишь; хошь себя всему я предпочолѹ!  
 Бывалѹ ли я когда шаковѹ Троянчѹ золѹ?  
 Но ешьли не смягчишь твой духѹ мой мученья,  
 Когда ты шребуешь еще себя ошмщеня;  
 Могуль хошь тогда себя я угодишь,  
 Какѹ Грекамѹ и себя за васѹ я буду мстишь?  
 Мой духѹ кѹ шому готовѹ и жизнь моя готова;  
 Я ж у лишѹ отѹ себя, драгая, шолько слова.  
 Со мною спанешь ты, и сѹ нами Полидорѹ  
 Сѹ богатствомѹ на брегу вѹ шѹни Троянскихъ горѹ.  
 На слухѹ со всѹхъ шсторонѹ Фрагійцы соберушся,  
 И кѹ облакамѹ верѹхи Троянские прешрушся.  
 Великостѹ царствѹ вѹ одной не состоишь стѹнѹ,  
 Но вѹ полной жишельми, обильной всѹмѹ странѹ.  
 Воздвигли Трою шѹ сопренну Геркулесомѹ,  
 И нынѹ обновяшѹ пошранну Ахиллесомѹ.  
 Ощецѹ твой возвратилѹ ихѹ силою весь вредѹ  
 Которой прешериѹль нещасливой швой дѹдѹ.  
 По жребью получилѹ я вѹ Троѹ шу корону,  
 Чѹмѹ твой ощецѹ вѹнчанѹ по древнему закону.  
 На Полидоровѹ шу, на швой верѹхѹ возложу,  
 И сѹвующему народу покажу,  
 Чшо паки живѹ Прѹамѹ и обновляетѹ Трою.  
 Но какѹ возведена на шронѹ свой будешь мною,  
 То можнодѹ мнѹ себя шаккой надеждой льстишь,  
 Чшобы мнѹ у себя и шамѹ врагомѹ не слышь?  
 Я больше для себя, драгая, предпрѹемлю,  
 Ошеческу свою пренебрегая землю.

Тамѹ

---

 (\*) Старое имя города Трои.



Тамъ ждешъ меня своя порфира и вѣнецъ,  
Тамъ ждешъ меня, крушась при старости ошецъ.

ИЛІОНА.

Всѣ вымыслы швои' и рѣчи бесполезны:  
Оставь меня, не множь мой пошоки слезны!  
Кто можешъ снова намъ шѣ сшѣны соградишь,  
Которыхъ не возмогъ и Гекторъ защитишь?  
Ни царство ужъ меня ни слава не прельщаетъ,  
Которыя вѣ ничто судьбина превращаетъ.  
Вѣ любви моей не щоль велика есць цѣна,  
Чшобъ часъ швоя для ней была повреждена.

ДЕМОФОНТЪ.

Слышь братомъ Гектору всей чести имя равно,  
И вѣ шощъ же власть порокъ мнѣ сѣ Ахиллесомъ славно.  
Оставилъ Грековъ онъ сестру швою любя:  
Я шо же сдѣлаю и больше для себя.  
Ты удостой меня кошъ взглядомъ, дорогая,  
И посмотри, лице и очи примѣчая,  
Возможно ли вѣ моей груди шайшься льши?  
И можноль мнѣ спраданя снести?

## ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ИЛІОНА и ФИЛЛИДА.

ИЛІОНА.

*къ Филлидѣ*

Любезная моя Царевна, дай отраду.

ФИЛЛИДА.

*отступая назадъ*

Я вамъ лишь наносю прешяпствіемъ досаду!

Часть II.

19

ИЛІОНА

ИЛИОНА.

*удерживая Филлиду*

Осшавлену опѣ всѣхъ одна ты не оставь.

ДЕМОФОНТЪ.

Къ чему злой рокъ привель . . . .

ФИЛЛИДА.

*къ нему*

Теперь себя оправь . . . .

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;

Забудь, что вѣчной срамъ шуда пойдешъ съ тобою.

Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,

И вѣриосшь, и любовь, и совѣсть, и опца.

Но мнѣ чшобы о семъ и памяти лишиться,

Пойду безсчастливая . . . . но гдѣ мнѣ будешъ скрышься?

ИЛИОНА.

Я слѣдую шебѣ, погибну иль спасусь.

ДЕМОФОНТЪ.

Дражайшая, пожди, позволь . . . .

## ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, *одинъ.*

Какъ я мяшусь!

О! коль свирѣпныя въ моемъ бьюшъ сердце волны!

Прошивными спрасшьми и грудь и мысли полны!

Я жалосшью къ одной и нѣжностъю плѣненъ,

Другой, заслугами, и должностъю врученъ,

Смошря на первую, пронзенъ позабываюсь;

Но на другу взглянувъ, я въ совѣсти шерзаюсь.

Любовь, желанье, сшидѣ, опчаянье, боязнь

Воююшъ внутрь меня: о! коль велика казнь!

Гдѣ мужество мое? Гдѣ крѣпость неизмѣнна?  
 Лежишь отъ слабостей моихъ преодоленна!  
 О какъ ты развращенъ, несчастной Демофонтъ!  
 Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Понтъ!  
 Несчастье бы къ одной тебя не обязало,  
 И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.  
 Чшо дѣлать ужъ шецерь? И кто мнѣ дастъ совѣтъ?

## Я В Л Е Н І Е   О С Ъ М О Е .

Д Е М О Ф О Н Т Ъ   и   Д Р А М Е Т Ъ .

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драмешъ!

Д Р А М Е Т Ъ .

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?  
 Доколѣ будешь въ плѣнѣ спрашивать здѣсь ошдаваться?  
 Тогда какъ Греція того всечасно ждешъ,  
 Ужель Пріамова наслѣдства больше нѣшь?  
 И вѣтры щасію ея споспѣшествовали,  
 Когда къ симъ берегамъ швой флотъ они пригнали.  
 И случай повелѣлъ и Полимнеспоръ самъ,  
 Чшобы Пріамовъ сынъ былъ ошданъ въ руки намъ.  
 Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:  
 Чшо къ нашей нагубѣ въ немъ Гекшоръ возрастаетъ.  
 Представъ, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ,  
 Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ вадъ.  
 Коль многие онъ слезъ и крови пролилъ шюки;  
 И раны наложилъ коль Греціи глубоки!  
 Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!  
 Коль много шамъ сиротъ, коль много плачешъ вдовъ!

Всѣ Гречески Цари съ ошцемъ швоимъ согласно  
 Тобою ошврашишь желаюшъ зло ужасно,  
 Чшобъ стѣиъ Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,  
 Ихъ дѣтямъ и тебѣ пошомъ бы не ошмстилъ.  
 Но страсть швоя гасишь шѣ искры возбраниешь,  
 Ошъ коихъ съ прочими и швой градъ воспылаешь.  
 Себѣ и обществу страсть вредну истребляй;  
 Коль долго случай ешь, ошечество спасай.

## ДЕМОФОНТЪ.

Ошавило оно при ошарости Тезея,  
 И защищаешь его, не хочешь ошъ Мнестея;  
 То должно индѣ мнѣ прибѣжища искашь,  
 И вмѣсто помощи за то ему ошмщаешь.

## ДРАМЕТЪ.

Послушай, Государь, рѣчей моихъ спокойно;  
 Природѣ ли швоей начашъ сіе пристойно?  
 Какъ можешь ошъ чужихъ шого желашъ Тезей;  
 Чего напрасно ждешь ошъ крови онъ своей?  
 Тебѣ ошца спасши всего достоишь прежде,  
 И многихъ съ нимъ Царей не обмануть въ надеждѣ,  
 Которые себя за вѣрность наградышь;  
 Когдажъ преслушаешь: подумай, какъ ошмщаешь!  
 Толь много царствъ покрышь все способы имѣешь.  
 Филлида въ пущь съ шобой спѣшишь, что ты косишь?

## ДЕМОФОНТЪ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,  
 Какъ Иліоны бѣ я на свѣшѣ не видалъ!

## ДРАМЕТЪ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,  
 Послушашъ Греціи, ошца покрышь въ напасши,  
 И ози ошврашишь и заперешь свой слухъ  
 Ошъ всехъ вешаній шѣхъ что швой смущая духъ.

Пре-

Препятствующѣ скончашъ страхъ общій съ Полидоромъ.  
 Дерзай и не мялись себѣ пріятнымъ взоромъ.  
 И промыслъ для того тебѣ сей случай далъ,  
 Чтобъ сердце мужеско шеперь ты показалъ.  
 Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,  
 Коль сильну спратъ въ тебѣ поправа добродѣтель.

ДЕМОФОНТЪ.

Я знаю что везѣ похвально то, Драмешъ,  
 Когда кто слабости уму подъ власть даешъ.  
 Миѣ сохъсть и ошецъ, Филлида и всѣ Греки  
 Веляшъ, чтобы забылъ Троянку я во вѣки.  
 Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечешъ!

ДРАМЕШЪ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;  
 Но худшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!  
 Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,  
 Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотрись,  
 Гдѣ дочь Пріамова нещасну грудь пронзила . . .  
 О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!  
 Какимъ пушемъ, Драмешъ, я въ сѣшь сию вошелъ!  
 Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,  
 Представилъ во умъ поверженную Троя!  
 И видя малые остатки предъ собою,  
 Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,  
 Что нѣшъ уже ошца, ни храбрыхъ брашей нѣшъ!  
 Печальна красота нещасьемъ умножалась,  
 И въ жалкомъ видѣ миѣ прекраснѣе казалась.  
 Тамъ склонность жалости, и склонности любовь  
 Пслѣдовали внутрь, и вкралась мнѣ въ кровь;  
 Объемлешъ чувства всѣ . . .

ДРА-

## ДРАМЕТЪ.

Искореняй мысль злую,  
И перьвой щись любви порабошишь друую,  
ДЕМОФОНТЪ.

Я благодарность шамъ любовью называлъ,  
Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ,  
Со обоихъ сторонъ поняштемъ неяснымъ  
Покрышъ, иду пушемъ со мною несогласнымъ.  
Я чувствую въ себѣ ихъ силу обоихъ,  
Объимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ!

## ДРАМЕТЪ.

Какой нибудь къ шому шы приведенъ причиной;  
Но сердце оставляй Филлидѣ ужъ единой,  
И слово данное и вѣрность къ ней держи,  
ДЕМОФОНТЪ.

Но какъ я шо начну? любезной другъ, скажи,  
Прогнѣванной ужѣ предъ очи какъ предшану,  
Глубоку ошъ другой имѣя въ сердце рану?

## ДРАМЕТЪ.

Лишь шолько шы шеперь себя преодолѣй,  
Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,  
Сильнѣе прежняго ошъ слезъ твоихъ вспылаетъ.

## ДЕМОФОНТЪ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряетъ;  
Я нынѣ овладѣлъ шоль сильными страшми.  
Повѣрь миѣ, и мое сомнѣнье опними;  
Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою побѣду,  
Не дай съ похвальнаго миѣ соврашиться слѣду.  
О вѣрность искрення! шы слабость испребя,  
Дай силу миѣ склонить Филлиду и себя,

*Конецъ втораго дѣйствія.*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Царевна, совершивъ я должныхъ жертвъ обряды,  
Искаль послѣ трудовъ желанныя ошрады.  
Сраженья частыя, далекіе пуши,  
Труды, что для тебя одной я могъ снести,  
Веляшь отдашься мнѣ любезному покою.  
Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,  
Къ спокойствію себя принудишь не возмогъ,  
И ушѣша тебя послѣдовалъ въ чертогъ.  
Какіи прошивности тебя поколебали?  
Я смѣю ли податъ совѣтъ тебѣ въ печали?  
Я смѣюль угадашь; кто могъ швой духъ смушишь,  
И угадавъ, тебя отъ скорьби свободишь?

ФИЛЛИДА.

Не наводи, ахъ, Князь! на мысль мнѣ бѣльшей ночи?  
И такъ ужѣ стыдомъ мой покрылись очи;  
Осшавъ на единѣ безщасную вздыхашъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Тебя ли я могу терзаніяиъ отдашь?  
И долгъ меня къ шому и ревность понуждаешъ,  
И младость и краса швоя повелѣваешъ;  
Чтобы отъ шщетныхъ мукъ тецерь тебя спасши,  
Отъ шшрасти свободишь и въ чувство привесши.

Ахъ!!

Ахъ! что прельщаешься чужею ты страной?  
 Или опечество ужъ гнусно предъ тобою?  
 Или шакого въ немъ уже Героя нѣтъ,  
 Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступишь не предосудишь съвѣтъ,  
 Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою?  
 Я сердце знаю здѣсь лишенное вокою,  
 Въ кошоромъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,  
 И въ очи жъ въ уста жаръ внутренней стремитъ;  
 Не зная, будешь ли тобой оно щасливо,  
 Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

## ФИЛЛИДА.

Не вѣрь, ахъ! Князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,  
 По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.  
 Чужаго сердца знашь движеній не возможно!

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

## ФИЛЛИДА.

Что слышу я еще! ты эчи, Князь открой,  
 И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.  
 Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя ошрады,  
 Не умножай еще несносныя досады.  
 Меня, какъ дочь любишь принадлежишь тебѣ;  
 Иного пламени не воспаляй въ себѣ.  
 Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?  
 Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,  
 Когда Пріамъ, Парисъ, и Гекторъ ихъ погранъ,  
 И острый мечъ пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;  
 Въ крови и пепелѣ дымящая падши стѣны;

Когда



Когда они весь родъ искоренишь хотящъ:  
 Божь, что и меня съ нимъ купно поразящъ.  
 Безумно грудь свою поставишь прошивъ грому,  
 И на боговъ возстаешь.

Ф И Л Л И Д А.

О какъ ты дѣлу злому  
 Дать хочешь видѣ добра, и страшь свою закрышь!  
 Престань передо мной и мыслию грѣшишь.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Или ужъ грѣхъ любишь лице мнѣ шоль прекрасно?  
 Или, дражайшая, прудился я напрасно,  
 Когда я собственны забавы презиралъ,  
 И день и ночь о шомъ лишь шолько помышлялъ,  
 Дабы распроспражить еще швою державу,  
 И царски воспиавъ, швою умножишь славу?  
 Пріятносшми, что иной покрыши разцвѣли,  
 Кромъ меня владѣшь кто долженъ на землі?  
 Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;  
 То плодъ ихъ потеряшь мученье безотрадно!  
 Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,  
 Обычай подданныхъ, и швой, Царевна, нравъ?  
 И кто, какъ я, въ уздѣ удержишь ихъ свободу,  
 И склонносшямъ швоимъ ошдасшъ себя въ угоду?  
 Ахъ вспомни, что Ликуртъ по смерти говорилъ!

Ф И Л Л И Д А.

Хотя владѣніе тебѣ онъ поручилъ;  
 Однако сердце онъ въ моей оставилъ власши.  
 Не можешь повелѣшь Цари любовной страши.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смошрѣшь  
 На шую, что веляшь и боги мнѣ имѣшь?

Я щаспливъ былъ здѣсь, когда бы я волнами  
 Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами.  
 Я сердцемъ бы швоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;  
 И что при томъ? другой любви искать бы смѣлъ!  
 Ахъ сжался, погляди на опческіе бреги  
 Исполнены вездѣ прятности и нѣги!  
 Или они тебя не могутъ побудить,  
 Чѣобы ты пришлеца старалась позабыть?  
 И рѣки, и поля, и горы въздыхающъ,  
 И видомъ жалоснымъ тебя увѣщавающъ:  
 Филлида не лиши швоей насъ красоты!  
 Тоголь не чувшвуешь? тоголь не слышишь ты?  
 ФИЛЛИДА.

Престанъ шакими, Князь, шерзашъ меня словами;  
 И дай мнѣ умячишь тоску свою слезами.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я жалосшью швоей смущаясь, ошхожу,  
 Но ты сама себя суди одна, прошу.  
 Невѣрности ошмстишь ты полную власшь имѣя,  
 Какъ можешь предпочесть защишнику злодѣя,  
 Пришельца своему, и Демофонша мнѣ,  
 Кроваву Грецію любезной шой спранѣ,  
 Гдѣ шронъ швой, гдѣ на свѣшѣ впервые ты возрѣла?

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Нигдѣ не слыхано шоль злобшвеннаго дѣла!  
 Невѣрность кругъ меня, шая свой люшой ядѣ,  
 Являешъ ласковой и полной желчи взглядѣ.  
 Присягу прешупивъ одинъ подлогъ скрываетъ,  
 Другой не такъ меня какъ скипешра желаетъ.

Что

Что нынѣ я начну, куда я обращусь?  
 Или отъ льстиваго къ невѣрному склонюсь?  
 Филлида укрѣпись и бурямъ спань прошиву,  
 Закрой отъ нихъ глаза, оставь надежду лживу.  
 Предписаннаго жди мученіямъ конца,  
 Неблагодарнаго забудь, забудь льстеца.  
 Но позабышь его чѣмъ больше я желаю,  
 Тѣмъ больше въ мысль беру, и тверже вкореняю!  
 Никакъ любовь тебѣ, никакъ не измѣняю!  
 Но что мнѣ къ тебѣ, когда его не преклоню?  
 Такъ стану преклоняшь преступника мольбою?  
 Такъ буду, Демофоншѣ, я плакать предъ тебою?  
 Какъ слезны спанешь ты пошоки презирашь?  
 Но я, лишь обратишь, готова все начашь!

## Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

Ф И Л Л И Д А и К Р Е У З А .

К Р Е У З А .

Царевна! по твоей исполнила я волю.  
 Теперь ужь ничего не остается болѣ,  
 Какъ только чтобы твой послѣдней былъ приказъ,  
 По коему сгоритъ флотъ Греческй и твои часъ.  
 За рыши на судахъ лѣсисными горами  
 Стояшь рабы твои съ готовыми сирѣлами,  
 Чтбъ пламень оными на корабли пушишь,  
 И Демофоншѣ пушь въ Аены прекратишь.

Ф И Л Л И Д А .

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрной!

К Р Е У З А .

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,

20 \*

Царевна,

Царевна, мѣрности при мщеніи держись,  
И безошраднаго раскаянья блюдись!

## Ф И Л Л И Д А.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣнну,  
Что мстишь препяшсшвуешь за мерзскую изиѣну?  
Мой плѣнной духъ и такъ склоняется къ нему,  
Прошивиша себѣ, прошивиша уму,  
И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,  
То что ей швой совѣшъ, Креуза, помѣгаетъ?  
Что гнѣвъ мой прекратишь швой хочешь разговоръ?  
Нездобія во мнѣ не кажетъ ли мой взоръ?

## К Р Е У З А.

Ахъ, вспомни, какъ моимъ совѣшомъ ты гнушалася:  
Но нынѣ я швоей печалью оправдалася;  
Тогда было тебѣ не слушать льстивыхъ словъ.

## Ф И Л Л И Д А.

И здоровой умъ на все не можешь быть гошовъ.  
А поступишь въ любви, Креуза, ошпорожно,  
И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что не возможно:  
Тамъ кажется ни въ чемъ худыхъ не будетъ слѣдствъ,  
Ни въ чемъ не видно шамъ необходимыхъ бѣдствъ:  
Опасность кажется сама въ ней безопасна,  
И очевидная ужасность не ужасна.  
За стрѣсью я своей не видѣла умомъ,  
Что Демофоншовъ домъ на берегу чужомъ.  
И сладость, что шекла прелестными устами,  
Не жаромъ рѣдена, но хладными волнами!  
Я думала, тогда, что мнѣ онъ только льстишъ!

## К Р Е У З А.

Минуша жаръ загла, минуша потасишъ.

Любовь

Любовь съ надеждою живешь, и умираешь,  
Опбвздъ его любовь и скорбь твою скончаешь.

Ф И Л Л И Д А.

Такъ оппущу его, Креуза, не опмшивъ?  
Такъ насмѣваясь онъ, опсель уѣдешъ живъ?  
Но мнѣ ли требовашъ отъ Демофонша мести?  
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!  
Казнишь его спѣшу; но имъ еще полна:  
Хошя опчаялась, еще ему вѣрна!

К Р Е У З А.

Исполненной тебѣ прїятнаго толь яда  
Противны способы, прошиена вся опрада.  
Когда болящему сама болѣзнь любя,  
То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

Ф И Л Л И Д А.

Филлида, умирай; но возвративши славу,  
Опмщи, и презирай любовь, живость, державу.

## Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е.

ДЕМОФОНТЪ, ФИЛЛИДА, КРЕУЗА и ДРАМЕТЪ.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Исполни праведно опмщеніе на мнѣ,  
Я оправдашь себя не щусь въ своей винѣ.

Ф И Л Л И Д А.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?  
Продерзосшной предсталъ еще передо мною!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Вдыханіямъ моимъ, ахъ, небо, помоги!

Ф И Л Л И Д А.

Преступникъ, удались, опъ глазъ моихъ бѣги.

С И М О Н

ДЕМО-

## ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, позволь сказать хоша едино слово:  
 Я казни лишь прошу, и ничего другого.  
 Еще ли чаешь ты въ коварности успѣшь?  
 Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сътъ?  
 Д вольно ужъ, что ты за всѣ мои прязни,  
 Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,  
 Шесшь мѣсяцовъ ко мнѣ горячность притворялъ,  
 Кошорой въ сердце ты ошнюдъ не ощущалъ.  
 Ты клялся бурями, войною, глубиною,  
 Что можешь лишь воздашь мнѣ за прязнь собою.  
 На шоль старалась я о корабляхъ твоихъ,  
 Чтобы похишишь честь и жизнь мою чрезъ нихъ!  
 Богъ моря, богъ войны, богъ въпра, богъ любви,  
 Какъ спанушь мстишь, на месшь твоей не станешъ крови.

## ДЕМОФОНТЪ.

Когда уже въ моихъ словахъ нѣтъ столько силъ,  
 Дабы увѣришь въ шомъ, что я себя любилъ,  
 Что я не вольно впалъ въ такое пресшупленье,  
 Что люное шерплю раскаявши в мученье,  
 Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;  
 То будешъ въ шомъ мнѣ смершь свидѣтель предъ тобой.  
 Когда я не могу увѣришь въ шомъ слезами,  
 Увѣрься же шеперь кровавыми струями.

*хотѣтъ заколотся*

## ФИЛИДА.

*хватая за руку и съ него прогѣ держатъ.*

Ахъ дерзской!

## ДРАМЕТЪ.

*Для боговъ!*

ДЕМО-

## ДЕМОФОНТЪ.

*къ Филлидѣ*

Ты хочешь чшобъ я жилъ,  
 Когда ужъ я тебѣ, и самъ себѣ послылъ?

## ФИЛЛИДА.

Ты хочешь смершю меня увѣришь злою,  
 Чшо предъ шбой гнусна и жизнь швоя со мною?  
 Ты хочешь для шого со свѣша убѣжать,  
 Чшобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видашь?

## ДЕМОФОНТЪ.

Чшобъ жизни дашь конецъ безславной шоль и слезной,  
 Чшобъ шягосшну не бышь и нѣбу и любезной.

## ДРАМЕТЪ.

*Вкладываетъ Демифонту шлагу.*

Не будь, ахъ Государь, себѣ и намъ жестокъ:  
 Живи и вѣрностшю загладишь шщисъ порокъ.

## КРЕУЗА.

Вы вспомнише залогъ любовнаго соказа!

## ФИЛЛИДА.

Ахъ шо ли, шо ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,  
 Чшобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склоняшь?

## ДЕМОФОНТЪ.

За шѣмъ ли не даешь животиъ свой мнѣ скончашъ,  
 Чшобъ слышалъ я свой срамъ, кошорой горще смерши?  
 Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью смерши!

*Олать хватается за шлагу, но они недолускаютъ вынуть.*

## ФИЛЛИДА.

Свирѣпой, чаешь шы, я мало слезъ лила?  
 И мало для шебя я претерпѣла зла?

## ДЕМОФОНТЪ.

Причину золъ швоихъ искоренишь желаю:  
 Чшожъ воли ошъ шебя на шо не получаю?

Позволь

Позволь мнѣ умереть; или проси вину,  
 Съ которой жизнь свою раскаявшись клену!  
 Когдабъ я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,  
 Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,  
 Какая внутри меня была тогда бо, вба:  
 Тобѣ ты увѣрилась, ах! коль ты мнѣ любя!

ФИЛЛИДА.

Ты любишь! и бѣжашъ готовъ ошсель всечасно!  
 Любишь и прочъ бѣжашъ, какъ можешъ бышь согласно?  
 Чшо шоль несносное примѣшилъ ты во мнѣ?  
 Въ какой я, покажи, обличена винѣ?  
 Я шѣмъ ли предъ тобой, я шѣмъ ли погрѣшила,  
 Чшо не крушивъ себя, любовь свою открыла?

ДЕМОФОНТЪ.

Чѣмъ ты безвиннѣе, драгая предо мной,  
 Тѣмъ больше множишся порокъ мой предъ тобой;  
 Но ты мнѣ оппусти шоль шяжко погрѣшенье,  
 И щедрой прослыви на свѣстѣ чрезъ прощенье.

*на колена становится*

ФИЛЛИДА.

Ахъ, чшо желаешъ ты еще меня крушишь,  
 Съ надеждою во мнѣ и муку обновишь?  
 Непоспоянствомъ какъ, о какъ швоимъ шерзаюсь!  
 Прощеннымъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!  
 Иль волею въ другой обманъ себя ошдамъ?

*на сторону*

Но смерть мнѣ не просишь, просишь мнѣ вѣчной срамъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Прости!

ДРАМАТЪ.

Дражайшя сердца соединишесь,  
 И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

КРЕУЗА



## КРЕУЗА.

*къ Филлидѣ*

На жалость преклонись.

Ф И Л Л И Д А.

О какъ мой духъ смущенъ!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощенъ.

Ф И Л Л И Д А.

На что меня твои вопросы принуждаютъ?

Не ясныль слабости мой тебѣ являютъ,

Опчаянье и скорбь, и слабая гроза

Смущенныя слова и полны слезъ глаза!

*поднимаетъ*

Свирѣпой, торжествуй: ужѣ я признаваюсь,

Что щещно въ спрасши я передъ тобой скрываюсь.

Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.

Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!

Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;

Но радость всю въ тебѣ и щасье полагаю.

Въ державѣ я своей прѣмлю твой законъ,

Вручаю сердце, жизнь, ошечество и шронъ!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Хотя о шаковомъ прощенъ сомнѣваюсь,

Что въ несказанномъ я порокъ признаваюсь;

Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,

Залога склонности твоей просишь велишь.

Позволь, дражайшая, приняшь свою мнѣ руку,

И во все истреби мою сердечну муку.

*принявъ руку цѣлуетъ*

Коль долго я сея держуся на землѣ,

Толь долго, небо, мнѣ бышь щасшливу вели!

*Часть II.*

Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,  
 Ее я лобызалъ, избавясь отъ кончины.  
 Я ею первой знакъ любви получилъ.  
 Кому несчастной ахъ! кому я измѣнилъ?  
 Ты всѣ противности мои позабывая,  
 Преступнику даешь прощенье, драгая!  
 Безсмертные, когда оставлю я ее,  
 Мое испоргнише отъ свѣта бышіе.  
 Пусть Повѣтъ пожретъ меня свирѣпыми волнами,  
 Когда желанный брегъ ужъ будешь предъ глазами;  
 Пусть буду на пустомъ песку не погребенъ,  
 Отъ пшицъ и отъ звѣрей на части расхищенъ!

ДРАМЕТЪ.

Любви обновивъ союзъ неощенный,  
 Ужъ время поспѣшашъ вамъ въ путь опредѣленный.

ФИЛЛИДА.

Отъ Полимнесшора какъ можемъ ушайшь?

ДЕМОФОНТЪ.

Любовь моя, любовь все можетъ побѣдишь!

*Конецъ третьему действию.*

ДЪИ.

---

# ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

---

## ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

---

ИЛІОНА.

Какое счастье тебя ко мнѣ ведешь,  
Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я зѣсь искалъ тебя.

ИЛІОНА.

Ужель спенаній сила  
Тебя къ несчастливой на жалость преклонила?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мяшутъ,  
Что мысли разныя себѣ предѣла ждуть:  
Пресѣчь и рушишь ихъ, Царевна, поспѣшая  
Тебѣ то будетъ все пріятно, уповаю.

ИЛІОНА.

О небо, возсіай въ мою затмѣнну грудь,  
И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы  
И сладкой ядъ влагать для большей скорби въ раны  
Но искренность моя не можетъ ушайшь  
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;  
Я вѣрность обѣщаль хранишь тебѣ неложно,  
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда бы я къ тебѣ любви не имѣлъ,  
 Когдабъ сердечной жаръ и нынѣ не кипѣлъ:  
 То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,  
 И клятву преступишь мнѣ можно безпорочно,  
 Сказалъ бы, что не знавъ я твоего лица,  
 Не красоту твою, но представлялъ отца,  
 Богатство представлялъ и въ славной силѣ Трои,  
 И все что было въ ней я называлъ тобою.  
 Но я довольствуюсь достоинствомъ твоимъ,  
 Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ шаковымъ.  
 И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаетъ,  
 И гнѣвной мнѣ отвѣтъ отъ олшаря смущаетъ!  
 Ахъ, если бы и то подобной былъ подлогъ,  
 Ахъ, еслибъ я и то почестъ въ неправду могъ,  
 О! еслибъ преступишь возмогъ я безъ боязни,  
 Ни мнѣ ниже тебѣ не ожидая казни,  
 Что даль отъ олшаря мнѣ строгой Марсъ въ отвѣтъ!

## ИЛИОНА.

Къ надеждѣ ли меня или къ пагубѣ влечешь?

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,  
 Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.  
 Черезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,  
 Черезъ Грековъ же хотятъ и исцѣлить отъ ранъ;  
 Ихъ стѣны обновишь Героя посылаютъ,  
 И красоты твоей меня они лишаютъ;  
 Велятъ, которую я воспиталъ, любишь;  
 Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручишь,  
 Ихъ волѣ и шому, кто воспаленъ тобою,  
 Лежащу обѣщаль тебѣ возсавишь Трои.

ИЛИОНА.

## ИЛІОНА.

Возможноль, чшобы шѣжѣ насѣ боги сочешашъ  
Хощѣли, и шомѣ часѣ невинно разлучашъ?  
И можешъ волѣ ихѣ не медля согласишся,  
Какѣ ежели она противѣ швоей, стремишся?  
Не смѣешъ противѣ ней шы слова испустишъ?  
Ахѣ, шѣмѣ ли хочешъ шы невѣрносшѣ ушашъ?  
Вошще ко храму ложѣ прибѣжище имѣешъ;  
Сквозѣ свяшосши покровѣ коварсшва ядѣ чернѣешъ.  
Ты видомѣ лишѣ однимѣ послѣдуешъ богамѣ,  
Но дѣломѣ восшашѣ противу оныхѣ самѣ.  
Ты хочешъ скишшрѣ чужой ошншатъ, не ушрашашся;  
Но сѣ шрономѣ упадешъ, не право возвышашся.  
Пускай чшо можешъ шы вѣ продерзосши успѣшъ,  
И младосшѣ нѣжнующу ширансшвомѣ одолѣшъ,  
Какую чаешъ вѣ шомѣ себѣ имѣшъ забаву?  
Какую можешъ шѣмѣ шнискашъ на свѣшѣ славу?  
Ты ненависшю ошвсюду окруженѣ,  
И люшыми смершыми по всякѣ часѣ ушрашенѣ,  
Ошѣ шой самой спрашашся. душею возмущишся,  
Для коей преступишъ присягу не боишся.  
Но правда чистая всегда предѣ шѣмѣ скверна,  
Вѣ комѣ злосшѣ прокляшаша живешѣ вкоренена.  
Когда бы шы еще имѣлѣ любви хоть мало,  
И сердце бы ко мнѣ хоть легко пылало;  
То могѣ либѣ шы снести, чшобы кровавой Грекѣ  
Ошѣ взору швоего вѣ толкѣ меня повлекѣ;  
Дабы шамѣ вѣ шоржесшвѣ онѣ могѣ меня предшавишъ,  
И сопосшашѣ себя вѣ опечесшвѣ прославишъ;  
Дабы сѣ презрѣнемѣ народѣ увидѣлѣ шамѣ,  
Кощору поручилѣ шѣбѣ вѣ чершогѣ Пріамѣ.

Не

Не лучше ли сказать, что нынѣ Иліона  
 Не блещетъ славою отеческаго прона,  
 Что нынѣ не льститъ вънецъ и не смущаетъ страхъ,  
 Что въ Греческихъ грѣмѣль онь Гектора полкахъ?  
 Ты чаешь, что онь мертвъ? онь живъ, уже всавааетъ:  
 Земля предъ нимъ, врага, прахнувшись, отверзаетъ!  
 О Гекторъ! поспѣшай, и за сестру ошмисти,  
 И брата своего въ младенствѣ защиши!  
 Оружіемъ звучишь, огнемъ вооруженъ!  
 А ты, предасель мой, еще не устрашенъ?  
 Мечемъ ужъ надъ швоей онь головой сверкаетъ.  
 Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

#### ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, испиненъ швой гнѣвъ! я лютой швой шيرانъ!  
 Но волей ли моей союзъ любви пошранъ?  
 Споль много рѣчь швоя меня не укоряетъ,  
 Какъ совѣсть внутрь грызетъ, меня и обличаетъ!  
 Я строгой бы готовъ, прошивишься судьбѣ,  
 И въ жертву принесши себя одной тебѣ;  
 Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,  
 Я больше шѣмъ тебѣ безшасну погубляю.

#### ИЛІОНА.

О жалость звѣрская, жалѣшь и убивашъ!  
 Незлобѣ мое ты, можешь презирашь?  
 Я въ самой часѣ, когда ты лютыми усшани,  
 Священный, овецъ союзъ, положенный, межъ нами,  
 На ненависть себя, принудишь, не могу,  
 И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.  
 Но больше не хочу стараться быть любезна.  
 Уже моя къ тебѣ надежда бесполезна!

Блистаешь съ красой Филлидиной вѣнецъ,  
 Мнѣ слезы лишь однѣ оставилъ мой опецъ!  
 Безчеловѣчной, что ты очи опшращаешь?  
 Ты щепными со мной минушы всѣ счищаешь.  
 Уже ты не меня, но и себя забылъ:  
 Твои всѣ мысли съ шой, кошорой ты посшылъ.  
 Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:  
 Я больше скучными не удержу словами.  
 Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,  
 Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.  
 Я знаю, что они шого не позабыли,  
 Каковъ они союзъ межъ нами ушвердили.  
 Ты чистой жаръ ко мнѣ безшуднымъ погаси,  
 И сердце предъ олшаръ преступно понеси.

## ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я съ онымъ приступишь къ богамъ не обинуюсь,  
 Когда ошвѣшу ихъ и волѣ повинуюсь.

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИЛІОНА *одна.*

Что не можешь здешъ проклята предпріять?  
 Велишь, забывъ вражду, за Грека посягаешь!  
 Велишь мнѣ позабышь ошечешва паденье,  
 И брашей и сестры несносное мученье.  
 Какъ Гекторъ былъ поправъ, лишенъ по смерти гроба,  
 Какъ машери моей расшертанна ушроба,  
 Пронзенный какъ Пріамъ предъ олшаремъ лежалъ,  
 Въ сыновней и въ своей крови живощъ скончалъ!  
 Какъ мнѣ не представляешь шу ночь безчеловѣчну,  
 Что день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?

И

И лютыхъ хищниковъ торжествовавшихъ крикъ,  
 Которой мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ.  
 Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ  
 На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ;  
 Черезъ сродниковъ моихъ спремилися пѣла,  
 Изъ коихъ по землѣ густая кровь текла.  
 Въ такой ли опустилъ чертогъ меня родишель?  
 Такой готовишь бракъ, о лютой, мнѣ, мучишель!  
 Однако пѣмъ своихъ очей не насладишь;  
 Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.  
 Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?  
 Но мести слабая мнѣ недовольна сила.  
 Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возстенать,  
 Вошше раскаясь, безъ пользы духъ отдашь.  
 И мечь моя ничто, когда онъ не узнаешь,  
 Что муку отъ моей руки прешерпѣваетъ.  
 Ужъ время; что спю? но что хочу начать?  
 Я бышь гнушаюсь здѣсь, и прочь не щусь бѣжать.  
 Еще смущеннымъ я умомъ того не вижу,  
 Люблю ли я его или я ненавижу!  
 Съ какимъ презрѣнiемъ оставилъ онъ меня!  
 Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?  
 Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,  
 Въ отчаяннѣ еще надежда мнѣ сiяетъ.  
 Но въ чемъ надежду я еще имѣшь могу:  
 Онъ въ сердце вкоренилъ во вѣкъ уже другу!  
 Одна надежда мнѣ, надежды всей лишисься.  
 И съ брапомъ въ пѣхъ мѣста несчастливымъ укрисься.  
 Укроюсь? и своихъ не наслажду очей,  
 Какъ будетъ жизнью гнушаться онъ своей?  
 Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора  
 Сынвняго прельщенъ во вѣкъ лишисься зора,

Какъ



Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,  
Котораго ошецъ на муку имъ вручилъ?

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Ты жалобы оставь, Царевна, бесполезны;  
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?  
Троянскіе спасаешь ошатки поспѣшай,  
И брата отъ руки прошивничей скрывай.

ИЛІОНА.

Когда уже и здѣсь мы не нашли защиты;  
То кѣмъ несчастные мы можемъ быть покрыты?

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МЕМНОНЪ. *однѣ,*

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преобразуетъ рокъ!  
Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ;  
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;  
Тотъ вечеромъ послылъ, кто упрямъ былъ любезенъ.  
Давно ли Трои верхъ касался облаковъ,  
Гдѣ нынѣ срадными костями наполненъ ровъ?  
Давноль со славой дочь Пріамову встрѣчали,  
Что нынѣ отверженна терзается въ печали?  
О ты величества и бѣдности примѣръ  
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!  
О Троя, ты сердца Геройскія родила,  
И въ пепелъ своемъ упадши ихъ покрыла!

*Часть II.*

22

На

На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?  
 На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?  
 Ахъ, лучшебъ со сѣны низринушу разбиться,  
 И ей въ крови своей невинной обагриться,  
 Со брашними костями соединясь лежать,  
 И купно пепелъ свой съ опеческимъ смѣшать,  
 Какъ нынѣ приклонишь куда главу не зная,  
 Не видѣшь горести неслыханныя края!

## ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?  
 И что изъ глубины ты выпускаешь стонъ?  
 Никакъ препящивя въ намѣреньи случились;  
 И наши тайные совѣшья ужъ открылись?

МЕМНОНЪ.

Опасности ни въ чемъ не видно никакой,  
 И флотъ къ опшесствію со всѣмъ исправленъ швой;  
 Филлида на него по всякой часъ взираетъ,  
 И по спонамъ швоимъ во слѣдъ ищи желаетъ.  
 Лишь только тьмой швой суда покроешь нощь,  
 Отъ нашихъ береговъ пущись щасливо прочь.  
 Въ опсущствіе швое, въ опсущствіе Филлиды  
 Правленіе землі другіе примешь виды.  
 Дотошъ Князю я отъ ревности служилъ,  
 Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ;  
 Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,  
 И шѣвъ отъ нихъ меня и прочихъ освобождаетъ.

Ты

Ты ревность искренню къ Царевнѣ сохрани,  
И ушвердивъ престолъ въ Афинахъ не косни;  
Вспоминай всегда мое послѣдне слово:  
Здѣсь сердце подданныхъ приняшь тебя гошова.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,  
Проси, и обонхъ въ отсутствіи люби.

## Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е .

ДЕМОФОНТЪ и ФИЛЛИДА.

ФИЛЛИДА.

Ты видишь, что себя я ради предпріемлю?  
Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!  
Не Полиместора я ушрашась бѣгу,  
Но взору своего лишиться не могу.  
Хощя пучины я бурливой ушрашаюсь;  
Но и въ опасности съ тобой не опасуюсь.  
Когда ты мнѣ не льшишь, когда ты вѣренъ мнѣ,  
То вѣренъ будешь намъ и путь во глубинѣ.

ДЕМОФОНТЪ.

Хощь шягостны шруды, но наградишь ошрада,  
Когда постигнемъ мы ошеческаго града.  
Коль радостно тебя увидишь тамъ Тезей!  
Какое множество сберешся тамъ людей!  
Признаки по пущамъ побѣдъ моихъ посшавяшъ,  
И пѣсни брачныя къ шоржешвеннымъ прибавяшъ.  
Прекрасно солнце! ты зайди за глубину,  
На горизонтъ пущи скорѣ шьму ночну:

И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,  
 Пока сей брегъ отъ насъ не скроется валами;  
 Сей брегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,  
 Но неоступно внутрь сердецъ его держимъ.  
 Межъ тѣмъ съ Мемнономъ скрывать я долженъ намъ дорогу,  
 Чшобъ, ежели Княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,  
 Успѣли въ городъ намъ вѣрныя полки  
 Спасши насъ отъ его коварныя руки.  
 Пожди, дражайшая, пожди меня минушу.

## ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Оставшись, чувствую шокъ на сердцѣ люшу.  
 Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ! поди,  
 И въ ожиданіи мнѣ время проводи.  
 Что смущной въ землю взоръ, унывши, пошупляешь?  
 Ты стонешь! ахъ! о чемъ? ны слезы проливаешь!  
 Далекаго пуши, драгая, не страшись,  
 Забуди все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

КРЕУЗА.

Не путь меня, не путь далекой устрашаетъ,  
 Но близкая бѣда всѣ чувства овягчаетъ.  
 Коль много шерпишь зла отъ нѣжной простоты!  
 О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты  
 Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!  
 Намъ ошнялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

ФИЛЛИДА.

Престань смущать меня, безвременно шаясь,  
 О! какъ я изъинюсь, когда увѣдалъ Князь?

Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвратишся.

КРЕУЗА.

Ты больше на него не можешь положиться!

ФИЛЛИДА.

Ахъ сердца не прѣзнай . . . . .

КРЕУЗА.

Хоть поздно, будешь знать,  
И время не велишь нещастья умолчать.

ФИЛЛИДА.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

КРЕУЗА.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги,  
Увидѣла, спѣшишь изъ нихъ къ судамъ Драмешъ,  
Младенца на рукахъ закрышаго несешь,  
И озираешься спрашливыми глазами:  
Я видя шушь рабу обмытую слезами,  
Спросила, для чего она стоишь смущна?  
Ошвѣстивовала мнѣ: Царевна предана!  
И князь не убоясь ни Бога ни закону,  
Въ супружество даетъ другому Иліону,  
И придетъ, говоряшь, поспѣшно Демофонтъ,  
Везчашну шайно взяшь и увесиши чрезъ Понтъ!

ФИЛЛИДА.

Ахъ! люпой мой злодѣй, какъ могъ ты пришвориться?  
И какъ помяла я на лживомъ утвердись?  
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ, спѣши,  
И въ зломъ ошчаяньи нещастной послужи;

Вели

Вели пустишься въ Понть споящимъ подъ горами,  
И воздухъ огустишь горящими стрѣлами,  
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли.  
Не медли.

## ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Есть ли кто лукавѣй на землѣ!  
Меня оставивъ здѣсь въ прѣшной шоль надеждѣ,  
И больше нѣжности мнѣ показавъ какъ прежде,  
Въ послѣдни изъ моихъ пошелъ прельщенныхъ глазъ!  
О любая судьба! о коль свирѣпой часъ!  
Я швоего спюю прихода ожидая,  
Когда въ пушь за шобой послѣдуетъ другая!  
Но ты продерзской самъ почувствуешь шоску:  
Огней въ срединѣ водъ я пушь швой пресѣку:  
Когдажъ не возмогу, то кровь моя струями  
Тебя изобличишь, кия во слѣдѣ съ волнами.

*Конецъ четвертому дѣйствию.*

---

# ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

---

## ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и КРЕУЗА.

---

МЕМНОНЪ.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,  
Изъ глазъ опъемлешъ ночь и землю и моря.  
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,  
И предсавлялъ въ умѣ полки вооруженны,  
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,  
Присудствовала мной у здѣшнихъ береговъ,  
Чтобы Тракіяне тебя здѣсь ощущали,  
Хотя бь опшествие швое опсюду знали.  
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще!

ФИЛЛИДА.

Намѣренья мои погибли всѣ вошще.  
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ, полнымъ яду!  
Теперь мнѣ кто подастъ опчаянной опраду?

МЕМНОНЪ.

Какая нынѣ скорбь врачшъ швой снова духъ?

ФИЛЛИДА.

Такою наглосшью не оскорбленъ швой слухъ?

МЕМНОНЪ.

Какою?

Фил-

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходишь,  
И въ пагубу меня конечную приводишь!

МЕМНОНЪ.

Не представляй себѣ нещасія сего . . . .  
Но къ намъ Драметъ спѣшишь; увѣрься отъ него.

## ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

ДРАМЕТЪ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,  
И только ждутъ они тебя одной со брегу.  
Способной Аквилонъ, покрышой горизонтъ,  
Къ отшествію съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

ФИЛЛИДА.

Троянкѣ буду я послѣдовашъ рабою?  
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?  
Оставя свой престолъ, я буду шамъ взирать,  
Какъ будешь онъ себя на царство съ ней вѣнчать?

МЕМНОНЪ.

Я вижу, мнѣніе тебя терзаетъ ложно.

ДРАМЕТЪ.

Пріамова дочь здѣсь.

ФИЛЛИДА.

Какъ бышь шому возможно?

Ког.



Когда ты брата взялъ уже на корабли,  
Сестра ли отъ него осмалась на землі?

## Д Р А М Е Т Ъ.

Уже теперь тайшь не дозволяешьъ время.  
Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя  
Противно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:  
Осшашки онаго еще наводятъ страхъ!  
За тѣмъ я шчился здѣсь младаго Полидора  
Отъ Иліонина во вѣкъ отшоргнушь взора;  
И нынѣ я могу уже Грекамъ показашъ,  
Что Троя больше ихъ не можетъ устрашашъ.  
Троянскія возсташъ не могутъ больше спѣны:  
Не можешъ впредь Парисъ похишишь въ нихъ Елены!

## Ф И Л Л И Д А.

Ахъ, коль ужасна вѣсть! какъ бѣдство отвратишь?

## М Е М Н О Н Ъ.

Ахъ небо, какъ могло сіе ты попустишь?  
Нещасная сестра какую скорбь шерпѣла!

## Д Р А М Е Т Ъ.

И кровь во мнѣ самомъ отъ жалосши кипѣла,  
Какъ въ Иліонинѣ я посмѣлъ вступишь чершогъ;  
Но воли прешупитъ ошечества не могъ.  
Она едва въ слезахъ промолвила, рыдая:  
Когда насъ истребитъ судьбина хоченъ злая,  
Когда насъ предаешъ, кто долженъ защищашъ;  
Осталось отъ самихъ враговъ отрады ждашь.  
Отъ рукъ неправедныхъ покройше бѣдныхъ, Греки!  
Хотя свирѣпы вы, однако человекъки.

Ошѣ васѣ я избѣжавѣ, вселилась межъ звѣрей,  
 Чшо носяшѣ на себѣ лишь видѣ одинѣ людей.  
 Промолвила, и миѣ сама вручила браша.

МЕМНОНЪ.

О скверная алчба могущества и злата!

ФИЛЛИДА.

Но гдѣ мой Демофонтѣ?

ДРАМЕТЪ.

Чшобѣ ты могла пришиши  
 Безбѣдно на суда, ошѣ брегу по пуши  
 Онѣ спавитѣ стражей самѣ: за шѣмѣ чшо вѣшрѣ способной  
 Прибавилѣ много силѣ вѣ часѣ кѣ плаванью удобной.

ФИЛЛИДА.

Креуза отвратишѣ нещастье поспѣши!  
 И руки злобныя ошѣ гнѣва удержи!

КРЕУЗА.

Раскаянїе швое едваль ужѣ не позна.  
 О небо, проводи безѣ казни время грозно!

## ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ,

ФИЛЛИДА.

*увидѣвъ Иліону.*

Коль неразумно злюсь, любезной, на себя!

ИЛІОНА.

Царевна, ошѣ меня чшо хочешѣ скрыть себя?

Не

Не скучнымъ досаждашь къ тебѣ иду я споромъ  
 И не завистливымъ о щастьѣ разговоромъ;  
 Но слезы горькія передъ тобой пролишь,  
 И бѣднымъ помощи въ гоненіи просишь.  
 Невинной Полидоръ на пагубу ошъ мѹки,  
 И изъ тиранскихъ взятъ въ противнически рѹки,  
 Одинъ вашъ будетъ путь, но разной шамъ конецъ.  
 Его свирѣпа смерть, себя шамъ ждетъ вънецъ!  
 Ты вѣдая меня и мыслями въ шомъ невинну,  
 Чшобъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,  
 Драгая, не дѣй ко мнѣ на сердце зла;  
 Но помня, каковѹ любовь межъ насъ была,  
 Ты будь поверженнымъ защита и подпора,  
 Предшашельствомъ спаси ошъ смерти Полидора.  
 Досигни щастливо тебѣ желанныхъ странъ,  
 Чшобъ мучился, лишась надежды, нѣтъ тиранъ.

## Ф И Л Л И Д А.

Я чувствовать могу болѣзнь швою сердечну,  
 Коль шягосшно неши злость шоль безчеловѣчну!  
 Но шомъ, кшо долженъ самъ спасенія искашь,  
 Какъ можешъ оное другому обѣщашъ?

## М Е М Н О Н Ъ.

*оборотясь на сторону.*

Чшо ночи шемношу надъ моремъ прогоняешъ?

## Ф И Л Л И Д А.

Ахъ, люша злость моѹ надежду пресѣкаешъ!

## Д Р А М Е Т Ъ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

## Ф И Л Л И Д А.

Гдѣ помощи искашь?

Спѣши со мной, Драмешъ, спасаешь и умираешь.

## ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Несчастье наши всѣ созвѣсы разрушаетъ,  
 И предпріятой пушъ Филлидѣ запираетъ.  
 Горитъ несчастнаго, ахъ! Демофонта флотъ,  
 И помощи лишенъ среди глубо ихъ водъ!  
 О! сжалъшесь вы хошя, морскія, сжалъшесь, вѣлны,  
 Восстанше на пожаръ, восстанъше гнѣва полны.  
 Дождевны облаки, о небо, расшвори,  
 И вихри пламенны пошпономъ усмири!  
 Но крикъ при берегахъ и большій страхъ ошъ преску  
 И умнженіе сіянія и блеску  
 Погибелю намъ опчаяннымъ грозятъ.

ИЛІОНА.

Теперь прошивникамъ за Трою боги мстятъ.  
 Когда они Троянъ державу разрушили,  
 Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили.  
 Они ихъ оппустивъ ошъ нашихъ береговъ,  
 Хошатъ всѣхъ погубить среди крушыхъ валовъ.  
 О ты объ нихъ, Мемнонъ, печалась, воздыхаешь;  
 Ты Трою разоряшь шираннамъ помогаешь.

МЕМНОНЪ.

Когда бы вѣдала намъ ренья мои,  
 Ошавила бы ты рошаня свои.  
 Кто можетъ ближе вѣхъ къ Пріамову быть шрону  
 Какъ шотъ, кому онъ самъ въ чершого далъ Иліону?

И кшо Ликурговъ зѣсь наслѣдникъ долженъ бышь,  
 Какъ шотъ, кого могла Филлида полюбить?  
 Я обое къ концу привесшь желалъ, Царевна!  
 Но вижу, рушитъ все въ конецъ судьбина гнѣвна.  
 Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣеть Князь  
 Какъ можешь даль отбѣтъ Филлида возвращась?  
 Флотъ нынѣ Греческой ему ужь не ужасенъ:  
 Въ желани своемъ онъ будешь безопасенъ.  
 Незбѣжимая тебѣ тръ зитъ бѣда.  
 И мнѣ, безсмертныя, достойна ша ли мзда?  
 Кшо нынѣ насъ спасешь?

И Л И О Н А.

Тотъ бѣдство презираешь,  
 Кто больше ужь себѣ спасенія не чаешь.  
 Ни молнія меня, - ниже Зевесовъ гнѣвъ,  
 Не можешь устрашить: ударь не укосишь!

## Я В Л Е Н И Е П Я Т О Е.

И Л И О Н А, П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ и М Е М Н О Н Ъ.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Афинской флотъ горитъ!

*къ Иліонѣ.*

Ты здѣсь! и гдѣ Филлида?

И Л И О Н А.

Гнушаясь своего несноснаго ей вида,  
 Ни пламени ни водъ бѣжитъ не устрашась,  
 Я здѣсь, и чтобъ тебя шоской мерзашъ, спаслась.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Нечаянная мнѣ и строга переменна,  
 Которою скорбитъ душа моя смущенна!

М Е М Н О Н Ъ.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ!

## ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и  
ВѢСТНИКЪ.

---

МЕМНОНЪ.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даетъ  
Чѣмъ пламень намъ грозитъ, свирѣпствуя надъ Понтомъ?

ВѢСТНИКЪ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофонтомъ!  
Лишились жизни!

МЕМНОНЪ.

Ахъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Несносной мнѣ ударъ!

ИЛІОНА.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жаръ?

ВѢСТНИКЪ.

Толь много бѣдствѣ скажешь лишь шолько начинаю,  
Ошкуду мнѣ начашь, я въ ужасъ не знаю!  
Когда покрыла ночь со флосомъ глубину,  
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.  
Пославивъ Демофонтъ суда ко берегу спроемъ,  
Чтобы любезную привестъ на нихъ съ покоемъ,

На

На вешрѣчу къ пристани лишь ѣхашъ поспѣшалъ,  
Куда ее привести Драмеша онъ послалъ:  
Внезапно изъ за горъ тамъ весла зашумѣли,  
И стрѣлы огненны до облаковъ взлешѣли.  
Упали съ высоты на н съ какъ сильной градъ.  
Ужé на корабляхъ снаряды все горятъ!  
Пылаютъ парусы, валяшея райны въ море,  
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь шолько слышно: горе!

## И Л І О Н А.

О коль великой страхъ!

## М Е М Н О Н Ъ.

О люшая гроза!

## П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза!

## В Ъ С Т Н И К Ъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закружились.  
Противны двѣ на насъ стихии согласились.  
И каждой тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,  
И влажношю жаръ и пламень умножалъ.  
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,  
Иныхъ несыная пучина поглотила.  
И какъ я съ корабля спарался въ ботъ сойши,  
Я Демофонша вдругъ увидѣлъ на пуши.  
Пронзенъ, окровавленъ едва ужé дышаетъ:  
Стрѣла еще въ груди зажженная пылаетъ.  
Я въ страхъ возшенавъ, другихъ на помощь звалъ;  
Ошъ двухъ смершей исторъ, и къ берегу съ нимъ присталъ;  
Но въ сердцѣ шрешя шрешущемъ осшалась:  
Любезная душа ошъ швла разлучалась.

Еще

Еще онъ ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,  
 И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.  
 На берегъ пламенемъ шумящимъ освещенный,  
 Филлида къ намъ спѣшитъ, Драметъ съ ней устращенный.  
 Уводѣла его безгласна предъ с бой,  
 Старалась во слезахъ помясть его рукой,  
 И рѣчью возбудить хотѣла безслезн й  
 Промолви, Демофоншѣ, промолви, мой любезной.  
 Онъ мрачные еще глаза свой открылъ,  
 И на нее взглянувъ в послѣдни зашворилъ.  
 Промолвилъ силится еще между стenanьемъ,  
 Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ!

## ИЛІОНА.

Нещасливой любви нещасливой конецъ!

## МЕМНОНЪ.

Какъ будешь возрыдашь оставленной ошецъ!

## ВѢСТНИКЪ.

Филлида съ горестнымъ стenanьемъ возгласила:  
 На шоль, чтобы убить, себя я полюбила?  
 И такъ ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?  
 Не ты невѣренъ я измѣнница твоя.  
 Ахъ пусть бы ты ушолъ, ты могъ бы возвратишься.  
 И я ещебъ могла хощя надеждой льститься.  
 Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ,  
 И шолько смерть одна съ тобой совокупитъ.  
 Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,  
 И путь себѣ за нимъ со свѣсна отворила.  
 Креуза рвенъ власы; опчаянной Драметъ  
 Вошше надъ хладными шѣлами слезы льешъ.

ИЛІОНА:



Мнѣ поздно смерть ея надежду возвращаетъ!

М Е М Н О Н Ъ.

Ахъ въ ней теперь Ликургъ вшорично умираетъ!

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Теперь мнѣ отнята надежда до конца!  
 Презрѣла ты меня, послушала льстеца!  
 И съ нимъ въ кошчяньи, о дерска! умираешь,  
 Однако шѣмъ моихъ желаній не скончаешь.  
 Я столько на землѣ тебѣ прошивенъ былъ,  
 Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ не милъ.  
 И чтобы мною ты очей не раздражила,  
 Прекрасны очи ты во вѣки зашворила.  
 Ты отъ меня бѣжишь за Демофономъ въ слѣдъ,  
 И чаешь, что ужъ тамъ меня швой взоръ минешь?  
 Гнушаешься еще ты послѣ смерти мною?  
 Или не смѣю спашь я тамъ передъ тобою?  
 Я слѣдовать тебѣ не устращусь во адъ,  
 И спану тамъ казать тебѣ прошивной взглядъ.  
 Я буду тамъ спенать, спрястивъ въ несносной казни,  
 И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.  
 Ты тамъ, чтобы отъ меня могла себя укрышь,  
 Не можешь ужъ себя въ другой разъ умершвить.  
 Что долго смерти ждешь?

*Хочетъ заколотся.*

И Л И О Н А.

*схвативъ за руку.*

Пожди еще минушу:

Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ муку люшу.

*къ вѣстнику.*

Младенецъ, что Драмешъ похишилъ на суда,  
Спасенъ ли?

ВѢСТНИКЪ.

Погубилъ огонь или вода.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Безсчастной Полидоръ!

ИЛИОНА.

Дейфилъ неповинной!

Ты лютошши моей, тираннѣ, былъ самъ причиною.  
Раченіемъ моимъ закрылъ мой Полидоръ  
Ошъ злобы швоея Фракійскихъ далъ горъ.  
За наглосши швой, за зло непосшоянство,  
За гордой мнѣ ошказъ, за мерское тиранство,  
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ ошмешшь,  
И сына швоего противникамъ вручишь.  
Но мещъ сія легка явилась предъ богами,  
Дейфила сожгли они между валами.  
Мнѣ должно бы его на части расшерзашъ,  
И расшерзавъ ошцу на пищу сына дашъ:  
Дабы къ шому швоя несышая ушроба  
Рожденному шобой служила вмѣсто гроба.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, что еще въ мой глаза блисшашъ свѣшъ?  
Филлиды больше здѣсь и Дейфила нѣшъ!  
Я нынѣ скипешрѣ, власть и славу презираю,  
И шолько громнаго удара лишь желяю.  
Еще я не могу боговъ къ шому склонишь,  
Прошеніемъ на казнъ и злобой побудишь?  
Но смерши что ищу на казнъ себѣ напрасно?  
Я чувшвую въ себѣ мученіе ужасно!

Филлида,

Филлида, Демофонтъ и ты, ахъ, Деифиль!  
Въ срединѣ сердца мнѣ геенну воспалилъ.  
Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?  
То мерзостью моею гнушается природа!  
Свѣшила идущъ всѣ обратно на восшокъ,  
Законы естества преобращаетъ рокъ.  
Всѣ боги на меня, что Трою защищали,  
За дочь Пріамову прошивъ меня возстали.  
Непшунѣ стремишь на брегъ морскую глубину:  
Пожрать меня бѣжатъ чудовища по дну:  
И вѣчные Плутонѣ заклы ошверзаетъ,  
Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ.  
Зияетъ челюстями несышой Флегетонѣ:  
Тиранновъ слышу тамъ безчеловѣчныхъ сшонъ.  
Но что еще? между ревушихъ вѣтровъ споронъ  
Является Зевесъ пламенновиднымъ взоромъ.  
Межъ мрачныхъ и грозой ошягощенныхъ тучъ,  
Изъ рукъ его гремитъ быстроекущій лучъ.  
Суровая змѣя мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,  
И внутрь и внѣ болѣзнь и страхъ меня шерзаетъ,  
Развершая земля, кровавы небеса,  
Кипящія моря, горящія лѣса  
На пагубу мою себя пригошворяютъ.  
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?  
Когда меня шерпѣшь не можешь естество:  
Скончай меня, скончай, о сильно Божество.

*Конецъ трагедіи.*



*Письмо о пользѣ стекла Генералу - Поруткицу Ивану Ивановичу Шувалову 1752 году.*

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,  
Которые стекло чшущъ ниже менераловъ  
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:  
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.  
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;  
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,  
Пою передъ тобой въ возторгѣ похвалу  
Не камнямъ дорожимъ, ни злашу, но стеклу.  
И какъ я оное хваля воспоминаю,  
Не ломкость лживаго я щастья представляю.  
Не должно шльноссти примѣромъ шое бышь,  
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,  
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлишель;  
Стекло имъ рождено, огонь его родитель.

Съ натурой нѣкогда онъ произвешъ хошя  
Достойное себя и оныя дитя  
Во мрачной глубинѣ, подъ шягостью земною,  
Гдѣ вѣчно онъ живешъ и борешся съ водою,  
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби зашворилъ,  
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.  
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,  
И шягошу земли превыше облакъ вскинулъ.  
Внезапно черный дымъ навелъ густую шѣнь;  
И въ ночь ужасную перемѣнился день.  
Не басношворнаго здѣсь ради Геркулеса  
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;  
Но Ешна правдѣ сей свидѣшель вѣчный намъ,  
Которая дала пушь чуднымъ симъ родамъ.

Изъ

Изъ ней разженная рѣка стекла въ пучину,  
 И свѣшъ опчаясь, мнилъ, что зришь свою судьбину!  
 Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:  
 Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.  
 Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,  
 И солнцу ясному рождение открыли.  
 Но чтожь ошъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?  
 Любезное дитя, прекрасное стекло.  
 Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!  
 Подобное тому сыскашь искусствомъ щились.  
 И было въ дѣлѣ хемъ удачно мастерство:  
 Превысило своимъ раченьемъ естество.  
 Тѣмъ стало житіе на свѣшъ намъ маешливо;  
 Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,  
 И видимъ въ немъ примѣръ безхитросныхъ сердецъ,  
 Кого лъзя видѣшь сквозь шотъ подлинно не льстецъ.  
 Стекло въ напитокѣхъ намъ не можеть скрыть примѣсу;  
 И чиста совѣсть рвешъ пришворсшвъ гнилу завѣсу.  
 Но сколько ли уже, стекло, твоихъ похвалъ,  
 Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще шалъ?  
 Никакъ! се твоихъ достоинствъ лишь начало;  
 Кошоры мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостями нашъ краткій въ мѣрѣ вѣкъ;  
 Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человекъ!  
 Онъ ищетъ помощи хощя спасись ошъ муки,  
 И жизнь свою продлишь, врачамъ дается въ руки.  
 Не рѣдко намъ они оспраду могутъ дать,  
 Умѣвъ приличныя лѣкарства предписашъ;  
 Лѣкарства, что въ стеклѣ храняшъ и соснавляюшъ,  
 Въ стеклѣ одномъ онъ безвредны пребываюшъ.  
 Мы должны здравія и жизни часть стеклу:  
 Какую надлежишь ему принесть хвалу?

Хопъ

Хошь вмѣсто онаго замысловаши Хины  
 Сосуды сославляшь нашли изъ чистшой глины;  
 Огромность шажкую плода лишенныхъ горъ  
 Художествомъ своимъ преобравивъ въ фарфоръ,  
 Красой его къ себѣ народы привлекають.  
 Что плавая, морей свирѣпость презирають.  
 Однако былъ бы онъ почти простшой горшокъ,  
 Когда бы блескъ спекла дашь помощи не могъ.  
 Оно входъ жидкихъ шѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,  
 Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.  
 Имѣетъ отъ спекла часть крѣпости фарфоръ:  
 Но шое, что на немъ увеселяетъ взоръ,  
 Сады, гульбы, пиры, и все что есть прекрасно,  
 Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,  
 И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,  
 Коль пользы отъ спекла приобрѣло велики,  
 Доказываютъ то Финифши, Мозаики,  
 Которы въ вѣкъ хранятъ Геройскихъ бодрость лицъ,  
 Пріятность нѣжную, и красоту дѣвицъ;  
 Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зряща,  
 И вѣхой древности грызенья не бояща.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,  
 Снисняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;  
 Великой не шерпя и снрогой перемѣны,  
 Скрываетъ человекъ себя въ толстыя стѣны.  
 Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣшу въ нихъ сидѣть;  
 Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.  
 Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ,  
 И лютошь холода чрезъ шое отвращаетъ.  
 Отверенному вдругъ в запертому бышь,  
 Не шо ли мы зовемъ, что чудеса шворишь?

Помощь

Пошомъ какъ человекъ зимой сталъ безопасенъ;  
Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ  
И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ,  
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.  
И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы;  
Зимою за стекломъ цвѣшны храняшся живы;  
Даютъ пріятной духъ, увеселяютъ взоръ,  
И вамъ, красавицы, храняшъ себя въ уборъ.  
Позволь, любитель музъ, я рѣчь свою склоняю,  
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю.  
И музы съ оными единого сродства;  
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.  
Щасливой младосшью швой цвѣшущи годы  
И склонной похвала и ласковой природы  
Мой стихъ ошъ оныхъ къ симъ пренесшъ не возбраняшъ  
Прекрасной полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!  
Дабы прельстившъ лицемъ любовныхъ суевъровъ,  
Какое множесшво вы знаете манеровъ;  
И коль искусны вы уборъ перемѣняшъ,  
Чшобъ въ каждой день себѣ пріятность нову дашъ.  
Но былобъ ваше все старанье безъ успѣху,  
Наряды ваши бы достойны были смѣху,  
Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.  
Вы вдвое пригожи, стекло употребля.  
Когда блесшяшъ на васъ горяще алмазы,  
Двойной кипишъ въ насъ жаръ сугубыя заразы!  
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны,  
Когда кругъ нихъ стекломъ цвѣшки наведены:  
Вы кажешесь намъ въ нихъ пріятною весною,  
Въ цвѣсахъ наряженной усыпанныхъ росюю.

Во свѣшлыхъ зданіяхъ убранства шаковы.  
Но въ чемъ красуешесь, о сельски Нимфы, вы?

При-

Природа въ васъ любовь подобную вложила,  
 Желанья нѣжны въ васъ подобна движешъ сила;  
 Вы также украшаете желаете себя.  
 За шѣмъ прохладные поля свои любя,  
 Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ, лилии,  
 Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.  
 Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна:  
 Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,  
 Когда лишася цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ,  
 Или снѣгами вокругъ глубокими бѣлѣютъ,  
 Безъ оныхъ чшобы вамъ въ нарядахъ помогло,  
 Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?  
 Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,  
 Какъ блестящій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.  
 Или еще на васъ въ немъ больше красота,  
 Когда любезная въ васъ свѣщитъ простота?

× Такъ въ бисеръ стекло подобяся жемчугу,  
 Любимо по всему земному ходитъ кругу.  
 Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,  
 Имъ красится Арабъ на дожныхъ берегахъ.  
 Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, проспаки,  
 Что тамъ драгой металлъ изъ серебряной рѣки  
 Даютъ Европскому купечеству охотно,  
 И бисеру берутъ количество несчотно;  
 Но шѣмъ, я думаю, они разумнѣй насъ:  
 Что гоняють своихъ бѣдамъ причину глазъ;  
 Имъ оны времена не будутъ въ вѣкъ забвенны,  
 Какъ пали ихъ ошцы для злаша побѣнны.  
 О коль ужасно зло! На шо ли человекъ  
 Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?  
 На шо ли разрушивъ естественны предѣлы,  
 На ушломъ деревѣ общелъ кругомъ свѣтъ дѣлый?



За тѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,  
Чшобъ шамъ себя явишь свирѣпаго врага?  
По шягосшномъ шрудѣ снесенномъ на пучинѣ,  
Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,  
Едва на швердый пущь отъ бурь избышь успѣлъ,  
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.  
Ужé горяшъ царей шамъ древнiя жилища;  
Вѣнцы врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!  
И кости предковъ ихъ изъ золошыхъ гробовъ  
Чрезъ стѣны падають къ смердящимъ шрупамъ въ ровѣ!  
Съ перстнями руки прочь и головы съ убраншвомъ  
Сѣкушъ несышые и злашомъ и шيرانшвомъ.  
Иныхъ свирѣпшвузъ въ средину гоняшъ горъ,  
Драгой мешаллъ изрышь изъ преглубокихъ норъ,  
Смяшенiе и страхъ, оковы, гладъ и раны,  
Чшо наложили имъ въ работъ ихъ ширанны,  
Препяшшвовали имъ подземну хлябъ крѣпишь,  
Чшобъ шягосша надъ ней могла недвижна бышь.  
Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны  
Безсчастные: или по истиннѣ блаженны,  
Чшо вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,  
Работы шяжкiя, ругашельства и мукъ!

Ошавивъ Касшилланъ невинность такъ пошранну,  
Съ богатшствомъ въ ошечешво спѣшишь по Оксану,  
Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купишь.  
Но злашомъ волнъ морскихъ не можно упѣлишь.  
Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,  
Навелъ ихъ живошу и варваршву кончину,  
Погрязли въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,  
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.  
То бури, то враги шоль часто ихъ шерзали,  
Чшо рѣдко до бреговъ желанныхъ досшигали.

О коль великой вредъ! отъ зла раждалось зло!  
 Виндой соликихъ бѣдъ бывало ли стекло?  
 Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:  
 Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.

По долговременномъ теченьи нашихъ дней  
 Тупѣешь зрѣніе ослабленныхъ очей.  
 Померкшее того не представляешь чувство,  
 Что кажешь въ тонкосняхъ натура и искусство.  
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;  
 Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!  
 Тогда прошивенъ день, веселіе досада!  
 Одна лишь намъ стекло въ сей бѣдности опрада.  
 Оно способствіемъ искусныя руки  
 Подаетъ намъ зрѣніе умѣешь чрезъ очки!  
 Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?  
 Что честь досшойную воздашь ему коснемъ?

Взявъ въ древности народы изумлены,  
 Что грѣшъ, попишъ, льетъ и свѣтитъ огонь возженный,  
 Иные божеску ему давали честь;  
 Иные знашь хотя, кто съ неба могъ принести,  
 Предсказали въ своемъ мечтаньи Прометея,  
 Что многи на земли художества умѣя,  
 Различныя казалъ искусствомъ чудеса:  
 За то Минервою былъ взятъ на небеса.  
 Похишилъ съ солнца огонь и смершнымъ отдалъ въ руки.  
 Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки.  
 Продерзскаго къ горѣ великой приковалъ,  
 И сильному орлу на разшерзанье далъ.  
 Онъ сердце завсегда коварное шерзаетъ,  
 На коемъ снова плоть на муку вырастаетъ.  
 Тамъ слышенъ страшный стонъ, шамъ тяжка цѣпь звучитъ,  
 И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумитъ.

О коль несносна жизнь! позорище ужасно!  
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.  
Пишшы украшашъ хотя свои сшихи,  
Описывали казнь за мнимые грѣхи.  
Мы пламень солнечный стекломъ здѣсь получаемъ;  
И Промешею шѣмъ безбѣдно подражаемъ.  
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,  
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ шабакъ;  
И шолько лишъ о томъ мы думаемъ, жалѣя,  
Не сверглась въ пагубу наука Промешей?  
Не злясь ли на него невѣждѣ свирѣпыхъ полкъ,  
На знашны вымыслы сложилъ неправой толкъ?  
Не наблюдалъ ли звѣздѣ тогда сквозь телескопы,  
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?  
Не огонь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,  
И пагубу себѣ ошъ варваровъ нанесъ,  
Что предали на казнь обнесши чародѣемъ?  
Коль много шаковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,  
Что зависть скрывъ себя подъ свяшосши покровъ,  
И труба ревность съ ней неправду строя ковъ,  
Отъ самой древности воюющъ многокрашно,  
Чѣмъ много знания погибло невозвратно;  
Коль шочно зналибъ мы небесныя страны,  
Движеніе планетъ, печеніе луны,  
Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ  
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,  
Дерзнувшимъ землю всю ошъ шверди потрясти,  
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;  
Дерзнувшимъ научашъ, что всѣ домашни боги  
Терпяшъ великой трудъ всегдашнїя дороги;  
Вершишя вокругъ Нептунъ, Дїана и Плутонъ:  
И сшраждушъ шуже казнь, какъ дерзкой Иксионъ;

И неподвижная землѣ Богиня Веста  
 Къ упокоенію сыскашь не можешь мѣста.  
 Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтения боговъ  
 Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣковъ.  
 Боясь паденія неправой оной вѣры,  
 Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры.  
 Дабы она, открывъ величество небесъ,  
 И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,  
 Не показала всѣмъ, что непосижна сила:  
 Единого Творца весь міръ сей сотворила.  
 Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,  
 Не стоятъ шучныхъ жерствъ, ниже подъ жершву дровъ!  
 Что агнцовъ и воловъ жрецы бдятъ напрасно;  
 Сие одно, сие казалось бышь опасно.  
 Ошшоу землю всѣ считали посредъ.  
 Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ шрудъ,  
 Запушанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,  
 Презришель зависти и варварству соперникъ:  
 Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,  
 Сугубое земли движеніе открылъ.  
 Однимъ кругъ центра пушь всеневный совершаетъ,  
 Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,  
 Онъ циклы истинной Системой размерзалъ,  
 И правду шочностью явленій доказалъ.  
 Пошомъ Гугеній, Кеплеры и Невтоны,  
 Преломденныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,  
 Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,  
 Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ шомъ нѣтъ.  
 Клеаншовъ не боясь мы пишемъ всѣ согласно,  
 Что истиннѣ они прошивяшся напрасно.  
 Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,  
 Изъ мысли ходимъ въ мысль; изъ свѣта въ свѣтъ иной.

Вездѣ божественну премудрость почишаемъ,  
Въ благоговѣнїи весь духъ свой погружаемъ.  
Чудимся быспринѣ, чудимся шишинѣ,  
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.  
Въ ужасной скорости, и купно бышь въ покоѣ,  
Кшо чудо сотворишь кромѣ Его шакое?  
Насъ больше шакovy идеи веселяшъ,  
Какъ Божїй нѣкогда описывая градъ  
Вечернїй Августинъ (\*) душою веселился.  
О коль великимъ онъ возшоргомъ бы плѣнился,  
Когдабъ разумну шварь шоль шѣсно не включалъ,  
Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,  
Безъ Мешемашики вселенной бы не яѣрилъ!  
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:  
Доказываетъ шо подземной Кашоликъ,  
Кады злашой его въ кошелахъ новыхъ ликъ.  
Ужѣ Колумбу въ слѣдѣ, ужѣ за Магелланомъ  
Кругъ свѣша ходимъ мы великимъ Океаномъ,  
И видимъ множество божественныхъ шамъ дѣлаъ,  
Земель и ошрововъ, людей, градовъ и сель,  
Незнаемыхъ предъ шѣмъ и шранныхъ шамъ живошныхъ,  
Звѣрей и пшицъ и рыбъ, плодовъ и шравъ несчощныхъ.  
Возмите сей примѣръ, Клеаншы, ясно внявъ,  
Коль много Августинъ въ семъ мнѣнїи неправъ;  
Онъ слово Божїе упошреблялъ (\*\*) напрасно,  
Въ Системѣ свѣша вы шожъ дѣлаете власно.  
Во зришельныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,  
Колико даль. Творецъ проешранство небесаъ.

Толъ

---

(\*) О градѣ Божїи, книга 16, гл. 91.

(\*\*) Тамъ же..

Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,  
 Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.  
 Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,  
 Земля съ ходящею кругъ ней Луной печетъ.  
 Которую хотя весьма пространну знаемъ,  
 Но къ свѣту примѣнивъ, какъ почку представляемъ.  
 Коль созданныхъ вещей пространно естество!  
 О коль велико ихъ создавше Божество!  
 О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,  
 Чшо на землю послалъ возлюбленнаго Сына!  
 Не погнушался Онъ на малой шаръ сойти.  
 Чшобы погибшаго спрадантемъ спасти.  
 Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,  
 Тѣмъ больше благости и милости чудимся!  
 Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,  
 Прогнавъ глубокую невѣденія тьму!  
 Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,  
 Поспавлены Творцемъ; другіе не'возможны.  
 Въ благословенной нашъ и просвѣщенной вѣкъ  
 Чего не могъ дойти по онымъ человекъ?

Хотя оспрымъ взоромъ насъ природа одарила,  
 Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.  
 Кромѣ, что въ далекомъ не кажешъ намъ вещей.  
 И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей;  
 Коль многихъ тварей онъ еще не достигаешъ,  
 Которыхъ малой ростъ предъ нами сокрываешъ!  
 Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,  
 Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!  
 Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,  
 И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!  
 Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій кишъ,  
 Насъ малый черъ часней сложеніемъ дивитъ.

Великъ

Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!  
 Великъ въ спроенїи червей, скудели шѣсной!  
 Стекломъ познали мы толики чудеса,  
 Чѣмъ Онъ наполнилъ Поншѣ, и воздухъ и лѣса.  
 Прибавивъ росшѣ вещей оно коль намъ потребно,  
 Являетъ шравѣ разборѣ, и знанїе врачбно;  
 Коль много микроскопѣ намъ шайностей открылъ,  
 Невидимыхъ частицѣ и тонкихъ въ шѣлѣ жилѣ!

Но что еще? Уже въ спеклѣ намъ барометры,  
 Хошяшѣ предвозвѣщашѣ, коль скоро будущѣ въшры;  
 Коль скоро дождѣ густой на нивахѣ зашумишѣ,  
 Иль облаки прогнавѣ ихѣ солнце оеушишѣ.  
 Надежда наша въ томѣ обманами не льсшишѣ,  
 Спекло поможешѣ намъ, и дѣло совершишѣ.  
 Открылись шочно имѣ движенїа свѣшилѣ:  
 Чрезѣ шожѣ о кроешѣ въ погодахѣ разношѣ силѣ,  
 Коль могущѣ шасшливы селяне бышѣ ошполѣ!  
 Когда не будешѣ зной, ни дождѣ опасенѣ въ полѣ!  
 Какой способности жлашѣ должно кораблямѣ,  
 Узнавѣ, когда шумѣшѣ или молчашѣ волнамѣ,  
 И плавашѣ по морю безбѣдно и спокойно!  
 Велико дѣло въ семѣ и горѣ злашихѣ достойно!

Далече до конца спеклу достойныхѣ хвалѣ,  
 На кои цѣлый годѣ едва бы миѣ досшалѣ.  
 За шѣмѣ уже слова похвальны оставляю,  
 И что обѣ немѣ писалѣ, шо дѣломѣ начинаю:  
 Однако при концѣ не можно преминушѣ,  
 Чшобѣ новыхѣ миѣ его чудесѣ не помянушѣ.

Что можешѣ смершнымѣ бышѣ ужаснѣе удара,  
 Сѣ кошорымѣ молнїа изѣ облакѣ блещешѣ яра?

Услышавѣ

Услышавъ въ темношѣ внезапной шрескѣ и шумѣ,  
 И видя быспрой блескѣ, мяшешся слабый умѣ;  
 Ошѣ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣбѣ укрышься;  
 Причины онаго изслѣдовать страшишся;  
 Дабы изшолковать, что молнїя и громѣ,  
 Такїя мысли всѣ счишаетъ онѣ грѣхомѣ.  
 На бичѣ, онѣ говоритъ, я посмотрѣшь не смѣю,  
 Когда грозитъ Ошецѣ намѣ яростью своею.  
 Но какѣ Онѣ насѣ казнитъ, поднявѣ въ пучинѣ валѣ,  
 То грѣхѣ ли шо сказашъ, что вѣшромѣ Онѣ нагналѣ?  
 Когда въ Египшѣ хлѣбѣ довольный не родился,  
 То грѣхѣ ли шо сказашъ, что Нилѣ шамѣ не разлился?  
 Подобно надлежитъ о громѣ разсуждашь.  
 Но блескѣ и звукѣ его не давѣ главы поднѣшь,  
 Держалѣ ученыхѣ смыслѣ въ смущенїи шолїкомѣ,  
 Что въ заблужденїи шеряли пушѣ великомѣ,  
 И истинныхѣ причинѣ достигнуть не могли,  
 Поколѣ дѣйствѣ въ стеклѣ подобныхѣ не нашли.  
 Вершясь шеклянный шарѣ, даетъ удары сѣ блескомѣ,  
 Сѣ громовымѣ сходшвенный сверканїемѣ и шрескомѣ  
 Дивился сходшву умѣ: но видя малость силѣ,  
 До лѣта прошлаго сомнишеленѣ въ шомѣ былѣ,  
 Довольствую однѣ чрезѣ любопытство очи,  
 Искалѣ въ шомѣ перемѣнѣ прїятныхѣ дни и ночи;  
 И больше въ шомѣ одномѣ раченїя имѣлѣ,  
 Чшобѣ силою шекла болѣзни одолѣлѣ;  
 И видѣлѣ часшо въ шомѣ успѣхи вожделѣнны.  
 О коль со древнимѣ дни наши несравненны!  
 Внезапно чудный слухѣ по всѣмѣ шранамѣ шечешѣ,  
 Чшо онѣ тр мовыхѣ стрѣлѣ опасности ужѣ иѣшѣ,  
 Чшо шаже сила шучѣ тремѣщихѣ мракѣ наводитѣ,  
 Кешора ошѣ шекла движентемѣ изходитѣ,



Что зная правила избисканны стекломъ,  
 Мы можемъ отвратить отъ хранимъ нашихъ громъ.  
 Единство оныхъ силъ доказано спократно:  
 Мы льша нынѣ ждемъ пріятнаго обрашно.  
 Тогда о истиннѣ стекло увѣришь насъ,  
 Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?  
 Европа нынѣ въ шо всю мысль свою вперила,  
 И махины уже присшойны учредила.  
 Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу.  
 На время ко стеклу весь шрудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,  
 Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.  
 ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала  
 Гласишь премудрости и щедрости дѣла  
 Злашья времена! О кроткіе законы!  
 Народу своему прощаешь миліоны;  
 И пользу общую ошечества прозя,  
 Ученію велишь разшириться въ моря,  
 Умноживъ бодрость въ немъ щедрошою своею!  
 А ты, о Меценатъ, предшашельствомъ предъ Нею,  
 Какой наукамъ путь спарашся ошкрышь,  
 Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣшель вѣрной бышь.  
 Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,  
 Что шщашся посшигашь ученія полезны.  
 Мой посильные и малые шруды  
 Коль часто передъ Нею возпоминаешь ты!  
 Услышанному бышь Ея крошчайшимъ слухомъ,  
 Есть новымъ въ быши живошворишься духомъ!  
 Кшо кажешь старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,  
 Тотъ будешь всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.

Кто склонношь въ щасїи и доброту являетъ,  
Тотъ щасїе себѣ недвижно ушверждаетъ.  
Всякъ чувствуетъ въ Тебѣ и хвалитъ обою,  
И небо чашныхъ покажетъ сбышїе.

---

# СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ;

*Говоренное Ноября 26 дня 1749 года.*

**Е**спьли бы въ сей пресвѣшлый праздникъ, Слушашели! въ кошорой подь благословенною державою всемилосшивѣйша Государыни нашея покоящїеся многочисленныя народы торжествуюшь, и веселяшя о преславномъ ЕЯ на Всероссійскій престолъ возшесствїи, возможно было намъ радостїю восхищеннымъ возвестись до высоты шолікой, съ кошорой бы могли мы обозрѣшь обширность пространнаго Ея Владычествя, и слышать ошъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающїяся восклицанїя и воздухъ наполняющїя именованїемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородїемъ благословенныхъ, при моряхъ ошъ военной бури и шума свобольныхъ, на рѣкахъ изобилїемъ прошекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностїю украшенныхъ, на горахъ верьхи

свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обшатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпиемъ, разные племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилоспивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олшарю Господню чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаешь молишвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей, и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигають до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминають пруды ПЕТРОВЫ совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшей Его ДЩЕРИ; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ жнищахъ, ликуя скачуть земледѣльцы, и проснымъ нѣ усерднымъ пѣніемъ Покровишельницу свою величаютъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминають, и сутубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разѣжжая степные обшатели, хищрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускають, и показують, коль дни готовы успремишь ихъ на враговъ своея Повелишельницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до того высокаго возвышенія достигнуть, и шолкимъ зрѣніемъ насладишься; однако духомъ возносимся,

симся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами; кошорыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присушствіемъ Всепресвѣтлѣйша Государыни нашей осіяному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обзрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и рассѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находишь. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ крошкое правосудіе, примѣръ судящимъ и опраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на опдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ опсушствіи видимъ, и равно какъ въ присушствіи благоговѣнно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердіемъ зрѣніемъ яснѣе оный видишь, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣса закрышь не могушь божественнаго Ея зрака начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайша уста повелѣвающія насъ восставишь, и очи челоуѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрзя рука подписующая благополучіе наше. Ободришь начинающія науки, не щадя своихъ иждивеній; ушвердишь ихъ благосостояніе, предписавъ полезныя законы; оградишь своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворишь имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предшашелю изъ

СВОИХЪ

своихъ ближайшихъ, есть только великое благодареніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую Благодаршельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносимъ должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтымъ Ея на Ошеческій престолъ возшесшвиемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливимъ веселіемъ общее празднество соединяется? Не можешь неописанная радость наша въ шѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливаешься. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при столь значномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодареніе, величайшей на свѣшѣ Государынѣ, благодареніе и похвалу приносимъ начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскашь краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе разпроспранись разумъ, гдѣ быспрѣе успремиться искренняя ревность можешь, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ столь великія Монархини? Когда языкъ мой щедрошами Ея ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой великодушемъ

кодушѣемъ Ея укрѣпленный громче возвыситься можешь, какъ проповѣдая и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканемъ многословнаго мыслей распространения увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ предложениемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышенъ будешь сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашей, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышение отъ усстремленія къ Ней искрення ревности примешь. Ибо приносятся благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ создаемыя и украшаемыя храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносятся благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносятся благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенные пресупленія внутреннихъ и продержоси внѣшнихъ неприятелей, и крошкое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносятся благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство ушверждающія. Приносятся благодареніе Государынѣ челоѡколюбивой: свидѣтельствуютъ мащернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ крошосъ. Приносятся благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуютъ безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ.

ныхъ кровію еще необагранный. Приносится благодареніе Государынѣ прецедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабженіе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещасіемъ раззоренныхъ. Въ приятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! всѣ преславы, всѣ прелюбезны. Изъ всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрасти процвѣтаетъ. Изъ всѣхъ достоинствъ Монархини наша показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, возсавленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ ошечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго МИХАИЛА, для сшенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныхъ Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго раззоренныя храмы, собирающаго распоченныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго АЛЕКСѢЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе

поддан-



подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь испреблеяемъ ереси, проспирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я ПЕТРА именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію проевѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ проспирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю, и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою опечества до небесъ возносящаго; начерпалъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ, непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрыя совѣты дающую, вѣнчаему попомъ его рукою, и пресѣченныя смертію предпріяшья дѣла многотрудившатася Россійскаго Геркулеса на рамена свои приемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея посвящается на нихъ единыхъ истощить всю свою силу, не исчисляя подробну, но токмо значнѣйшія предшавая. Тою ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнато, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной,

денной, ни успѣ щедроту источающихъ, ни очей возрѣ-  
нїемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ челоуѣколюбивая Го-  
сударыня взоръ Свой обращаетъ. Всякъ видишь, всякъ  
въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великій ПЕТРЪ  
обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россїю;  
такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и  
ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простиралъ Свою  
руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить  
полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ воз-  
носилъ главу, въѣжая въ побѣжденные грады и попирая  
поверженное непрїательское оружіе; шоль бодро шество-  
валъ, осматривая свои начинающїяся стѣны, строящїеся  
корабли, исправляющїеся суды, и среди моря со дна во-  
стающїя пристани и крѣпости: не представляю внѣш-  
нихъ Монархини нашей достоинствъ, но внутреннїя ду-  
шевные токмо изобразить пошущу Ея дарованїа, кото-  
рыхъ лику предходишь любезное Богу, любезное чело-  
уѣкомъ благочестїе, крѣпкое утвержденїе государствъ,  
красота вѣнцевъ Царскихъ, непосыдная надежда во брани,  
неразрывное соединенїе челоуѣческаго общества. Коль  
великія неспроенїа, брани и челоуѣкоубїйства въ наро-  
дахъ единой крови и единого языка отъ раздѣленїа вѣры  
происходящъ; шоль напрошивъ шого крѣпко взаимнымъ  
любви союзомъ сопрягаешъ ихъ единство вѣры, которая  
хотя много ученїемъ, однако больше примѣрами укрѣ-  
пляешся. Благополучна Россїа, что единымъ языкомъ  
едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею  
Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ  
утвержденїю въ православїи видишь. Видишь повсюду  
какъ

какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіянїе свое умножающія церкви: съ удивленїемъ зриаешь, что толь многихъ государствъ Повелишельница, кошорой земля, море и воздухъ къ удовольствїю служатъ, часно швердоснїю вѣры укрѣпляема, строгимъ пощенїемъ и суровымъ шѣло свое изнуряешь: кошорой не токмо великолѣпныя колесницы и избранныя кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенїю тошовой, вперенна усердїемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуешь. Коль горячимъ усердїемъ воспаляюща сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердїя Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣнїемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаешь противъ сопосташовъ Россійскіе войны, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходишь! Коль великою радостїю восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часно Ея богоугоднымъ присутствїемъ! Украшенная святымъ Ея усердїемъ аки невѣста въ день брачный торжествующая Россійская церковь, блистая порфиною и златомъ, и паче радостїю сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣшлomu жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпїе вѣщаетъ: такъ украшаешь меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею доброшою славы; возносишь рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ея надъ всѣми обладательми земными; посѣщаешь меня посѣщенїемъ усерднымъ:

посѣти Ея благодатию швоею неопшшупно ; утверждаешъ  
сшолпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколеби-  
мо ; споспѣшешшувешъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрца ; спо-  
спѣшешшувуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ  
сопосшашовъ, и благословеніемъ швоимъ и силою швоею  
свыше осѣни Ея воинство. Сему священному церккви свя-  
шья гласу согласуешся всѣхъ подданныхъ желаніе ; по  
сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ побор-  
никъ славы Господь во всѣхъ предпрятіяхъ и дѣлахъ  
Августѣйшя Единодержицы нашаеш предводишель и  
защитникъ, и высокою десницею своею управляешъ Ея  
мужество, которому ни внутри Россіи вкоренившіешся,  
ни ошвиѣ наступающіеш неприятели не могли спашъ про-  
шиву. Сіи побѣждены въ едино лѣто, а оные въ едину  
ночь низвержены. Окруженный крѣпкою спражею вѣнецъ  
ошеческій, и Скипетръ еильною рукою держимый и вели-  
кою властію обяшую Россію взять въ свое повели-  
шельство, ешъ дѣло и мужескому сердцу спрашное, и  
великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводи-  
мая Героиня наша, съ мадымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ  
ошечества презираешъ всѣ препятстваш, безъ проли-  
шя крови шоржешшувешъ, и къ общей нашей радо-  
спи приешлешъ свое наслѣдштво. Чудное и прекрасное  
видѣніе въ умѣ мшемъ изображашся, когда себѣ пред-  
спавляю, чшо-предходишь со крестомъ Дѣвица, по-  
слѣдующъ вооруженные воины. Она ошеческимъ духомъ  
и вѣрою къ Бѣгу воспаляешся, они ревностію къ Ней  
пылающъ ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіанъ, они  
изволеніе Тоя совершитъ поспѣшашущъ ; Она прибли-  
жашся

жаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту спастъ прошиву за Оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? омертвѣли спрегутіе, видя пришедшіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ шрепещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, воссиялъ пресполь вступленіемъ, и веселящимся Россіанамъ казалось, что и ешѣны Петровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балшійскіе бреги; приспупающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопоспашны оцenenѣли, и зависплавый взоръ свой вспяшь обращая больше о бѣгспвѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ Великій въ мужественной Своей ДЩЕРИ живущій, представлялись имъ ошцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа ведомаго въ плѣнъ на ошдѣленные половиною свѣша степи; мечшались имъ горящіе ихъ грады и веси, приготовленные Россійскія галеры ходишь по суху, какъ по морю. Россійскія галеры и выѣжжающіе прошивъ нихъ изъ волнь морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріатели при ешѣнахъ Вильманспрандскихъ, однако сражение было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопрошивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролишемъ крови. Но когда Опеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкошорымъ бурнымъ дыханіемъ возмешаемы непріатели, съ шрепешомъ въ бѣгспво обрапились; и при защищеніяхъ своихъ,

при

при крѣпкихъ спѣнахъ , при непроходныхъ засѣкахъ при рѣкахъ быстрыми водами стремящихся , не токмо противиться не дерзнули , но и оглянувшись на нихъ едва смѣли , видя , что ни топкия болота , ни мшистыя озера , ни стремнины крушыя не могутъ препятствовать праведному Елисаветину гнѣву , и ревности молниеносныхъ Ея воиновъ . Наконецъ такъ успешены отовсюду , такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы , что если бы не толь великодушную Побѣдительницу имѣли , то никто бы изъ нихъ спасень не былъ , и о конечной бы ихъ погибели въ опечесствѣ ихъ возвѣстивъ было не кому , кромѣ звучныя славы Ея Величества . Ся побѣда шѣмъ паче прочихъ была предивна , что казалось , якобы и Марсъ , подражая крошкочу Государыни нашея нраву , ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови ; и вся Европа разсуждала , что Россія не войну съ неприятельми имѣла , но токмо продерскихъ вѣроломцовъ за неистовство наказала . За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно . Сего не токмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи , но еще во время преславнаго Ея на Опеческій престоль вступленія великій примѣръ надъ внутренними сопоспашами Ею показанъ . Прибѣгла къ Ней смущенная Россія и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала : пріими меня въ матернія Твои объятія , пріими наследную Твою державу , и врожденнымъ Тебѣ бодрымъ Опеческимъ духомъ презирай все препятства . Надѣйся на Бога : онъ праведному Твоему предпріятію предводишель будешь . Надѣйся на Себя :

Себя: Ты единая истинная наследница; Ты Дщерь моего Просвѣщеннаго. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ Твоему защищенію, и чрезъ главы и шрупы Твоихъ непріятелей отворю путь къ престолу. Но великодушная Государыня паче изволила наследной Своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролишемъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдствія Отечеству, нежели себѣ Величества желая, склонилась къ правленію, или вѣще къ сохраненію государства. Возшедъ на высоту шолкїя власпи, ошлучившимъ Ея отъ законнаго наследства, согрубившимъ неисповою гордостію и безсовѣстнымъ утѣсненіемъ огорчившимъ кое мщеніе наносишь? По закону Божію, по государственнымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа, на люшую смерть и на расперзаніе осужденныхъ, токмо ошдаленіемъ отъ пресвѣтлаго лица Своего наказуешь; Недостойныхъ жизни токмо самовольная жизни лишаешь, и великое восшествія Своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ Своимъ великодушіемъ. Которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россіи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція Ея оружіемъ, но больше побѣждена великодушіемъ; спрашився Ея непобѣдимая силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо пріобрѣвши шоль великія преимущесшва непобѣдимая Государыня, съ побѣжденными въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, пресступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣешь, и всю свою волю надъ нимъ исполнишь можешь, однако

однако отдаешь все обратно, и уже поверженного и прошивишься не могущаго возставляешь, шомъ не больше ли прощаешь, нежели примиряешься? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини наша добродѣтель, большой примѣръ великодушія показываетъ Россійская Героиня. Ибо не шокмо, опустивъ врагамъ своимъ дерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаешь, но и оружіе свое простираешь къ ихъ защитѣ; отвращаешь съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаешь. Сіе разсуждая, и взирая на цвѣтущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе пространнаго нашего Отечества, и на умѣренность, которою Государыня наша шолікое множество поклоняющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслишь вамъ, сосѣды наши, чшобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилось? Имѣющая шолікое пространство полей плодосныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаешь? Простирающая Скипетръ Свой на протекающія въ Ея послушаніи изобильныя и великій Ниль превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстишься? Господствующая въ земли медъ и млеко шочащей, на камни ли неплодныя съ желаніемъ взирашь будешь? Что храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ шоповъ къ покрышію водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя пріугошвления уснѣвають; сіе все не войну ошь Россіи наносимую предвозвѣщаетъ, но показываетъ премудрость прозорливья наша Героини. Искусный мореплаватель не шокмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время крошчай-



кропчайшія шишины бодрствуешь, укрѣпляешь орудія, готовишь парусы, наблюдаешь звѣзды, примѣчаешь перемѣны воздуха, смотришь на восстающія тучи, исчисляешь разстояніе отъ береговъ, мѣришь глубину моря и отъ пошасенныхъ водою камней блюдеши. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА, хотя радуясь зриаешь на Своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печешся: ограждаешь ихъ распростертымъ по земли и по морю оружіемъ, и шѣхъ, которые мечемъ не могутъ, мыслями воющихъ пронидательнымъ окомъ назираешь; открываетъ пошасенныя тихими спруями лески непріятельскія коварства; разсуждаешь о прошедшемъ, разсмаприваешь настоящее, и будущее превидишь. Того ради, естли кто изъ завистниковъ благополучя нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на нѣвъ подвигнуть, то познаешь о всемъ премудрой Ея промысль, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслишь, что иссякло море, прекрашили шеченіе рѣки, и горы опустившись въ равныя поля превворились; помыслишь что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости возлюбленное отечество, и безмяшежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ Премудрыя швоея Повелительницы наслаждайся. Коль безопасно швое благополучіе! Коль несравненно съ прошчими швое блаженство! Другіе на

дымящіяся развалины раззоренныхъ ошъ непріятеля гра-  
довъ своихъ со слезами взирають; но ты на восхо-  
дящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный  
взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объямы  
шрепещуть, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ  
другъ за другомъ гражданъ и единокровную кровь по-  
спогнамъ проливающихъ; но ты единокровныхъ сыновъ  
единныя общія, всѣхъ Машери согласнымъ подданствомъ  
украшаешь. Иные ошъ пресѣченія купечества, ошъ  
разрушенія художествъ, ошъ погранія земледѣльства,  
наготу и алчбу прешерпѣвають; но въ тебѣ купечеству  
пути открыты, отворены пристани, наполнены богат-  
ствомъ торжища, возрастають науки и художства, и  
жишницы швой преизобилуютъ. Иные хоща ошъ воен-  
наго шума и страха свободились, однако видяшъ плачев-  
ныя слѣды своихъ сопосшашовъ, и суровой оныхъ видѣ  
ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ  
безперерывной тишинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ  
привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ. Сіе швое  
дражайшее и святое спокойство ошъ единого премудраго  
попеченія Прозорливья швоея Государыни происходитъ.  
Ея провидѣніе и промысль довольствуетъ тебя изоби-  
лїемъ, увеселяетъ общимъ согласїемъ, обогащаетъ купе-  
чествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ  
возлюбленнымъ миромъ, и громкою швоею славою вселен-  
ную наполняетъ. Сіе совершенное наше удовольствїе, об-  
щее увеселенїе, обильное обогащенїе, прїятное украше-  
нїе, сію всемирную нашу славу умножаетъ несравненная  
Монархїя божественнымъ Своимъ челоуколюбїемъ,  
когда

Когда возвышенная до такой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзойти не можешь, крайнимъ къ подданнымъ Своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходишь. Что пріятнѣе человеческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можеть, какъ Государыню, Повелительницу величайшей части свѣта, отъ всѣхъ племенъ и владыкъ земныхъ почиаемую, ласковымъ взоромъ, крошккою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостоивающую видѣшь? Но мы такимъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается Человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничижительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ Величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при вратахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужась и шрещь, но крошечное человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость, и надежный стражъ Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входяще въ него не озираются безпрестанно, спѣнь самихъ ужасая, никѣ шрещущія стѣны сомнительно простирають; но предваряющему ихъ вѣселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные Ея чертоги свѣтлымъ лицемъ шествуютъ. Нѣшь нужды испышашь сокровенныя ихъ мысли: являешся на каждаго очахъ красота общаго удовольствія, и на расширенныхъ челахъ радостныхъ сердець знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца

взирающичь на шоль снисходительное Величество! И кое прохладеніе впекаетъ въ кровь оцѣнѣвающихъ повинныхъ; когда о милосердіи своея Государыни помышляють, къ котораго изображенію человѣческое слово едва довольно быть можешь! Ни что есть шоль похвально, какъ крошечность, ни единой добродѣтели благоушробія нѣтъ любезнѣе, ни чѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощениемъ повинныхъ и освобожденіемъ оныхъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалился, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе шѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и освобожденіе союзнѣе другъ друга лобзаютъ, какъ предъ высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА престоломъ? Пускай другіе лишая жизни, обгаря мечь свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашишь злыхъ и пороки истребишь тщашся; но премилосердая Монархія наша больше благоушробіемъ и щедрою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными; но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строго и не рѣдко безчеловѣчною казню хошяшь искоренишь злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Еслии кто имѣя великій садъ, шолько объ одномъ истребленіи шерна печется, забывъ плодоносныя дрѣва и прекрасныя цвѣшны напаять пошребною влагою, шотъ не въ долгомъ времени увидишь дрѣва свои сухи и безплодны и цвѣшны увянувшіе ошъ зноя; напрошивъ шого, кто дрѣва

ПЛОДО-

плодоносныя и процвѣтающія травы въ прістѣнное время орошаешь, презирая плевны и шокмо прохожденіемъ попирая, шопъ насладишься изобиліемъ дровъ плодоносныхъ и красою цвѣтовъ возвеселишься, которые усилившись иссушаютъ тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекрашишься шѣхъ ращеніе и корень исплѣешь. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели ищешно, и больше приводишь въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляешь; напрошивъ шого награжденіе добродѣтели и снабденіе заслугъ при крошкѣ наказанія пороковъ, едино сильно, едино къ исправленію нравовъ челоѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и поправныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы ишвощь, или обратившись, ревностнымъ подражаніемъ шого же достойными себя учинишь стараться будутъ. Таковымъ благоразумнымъ милосердіемъ щедрая Государыня въ широко распространяющейся Россіи расплодитъ добродѣтель и пороки искоренишь ищися! Наказуешь Машерски, Монаршески снабдѣваешь, исправляешь безъ строгости, съ избыткомъ награждаешь, воскрешаешь избавленіемъ преступившихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ - ободряешь. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское государство чувствуешь, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаешь, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣешь, языкъ пришупишься и слово оскудѣешь, нежели  
подробну

подробну Ея благодѣянїя исчислишь; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сіе собранїе, великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣніемъ, такъ удовольствовано и такъ снабдено, что крайнѣйшею благодарностію усердствуя, ни вящаго себѣ благополучїя представивъ, ниже къ засвидѣтельствванію своего удовольствїя и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можешь. Сіе благодѣяніе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и ПЕТРОВОЙ ДЩЕРИ достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащаго здѣсь юношества, но до всякаго чина и званїя, до всего Россійскаго государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедротами, иные въ откровенїи естественныхъ шайнъ, и въ изслѣдованїи пречудныхъ дѣлъ Премудраго Создателя въ спокойствїѣ услаждаемся; иные преподавая наставленїе учащимся, съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащїеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченїя о своихъ потребностяхъ, только о наученїи стараемся можемъ; но общее благополучїе предлагается. Нѣшь ни единого мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россїи, гдѣ бы плоды своихъ не могли принести науки; нѣшь ни одного человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можешь, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокой славы Его престолъ вѣрашь мысленно, и проповѣдываешь Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ Астрономїя прославленное рукъ Его зданїе: весь видимый мїръ сей, и чудныхъ

чудныхъ дѣлъ Его многообразную хитрость Физика показуешь, подавая обильную и богатую матерію къ познанию и прославленію Творца отъ швари. Что полезнѣе есть челоѳческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нуанѣ, какъ знашь положеніе мѣстъ, шеніе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуешь Географія, которая вся вселенная обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вѣще къ мужественному противъ враговъ дѣйствию и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводятъ на память Исторія и Стихотворство, которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляешь: обидими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей вѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представишь можно, какъ такое средство, которое управляешь разумъ, показуешь не прелестный путь произволенію, укрощаешь челоѳческія страсти и естественные и гражданскіе законы утверждаешь? Сіе исполняешь Философія. Что есть челоѳку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сіи Медициною сохраняются и продолжаютъ. Что въ челоѳческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ машинъ, и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ

къ

къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образами, однако согласною пользою служашъ. Но всѣ сіи чрезъ особое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтушъ, и принесуть обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милосшю и напоенное щедротою достойныя шолікаго Родителя ДЩЕРИ, прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распростретъ по всей вселенной. Отверста богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрѣтающъ, и въ новомъ великолѣпїи на нечаянной высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства пославленныхъ себя всему свѣту покажущъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего течения совершаетъ, и въ которой каждое свѣшило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразныя виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ

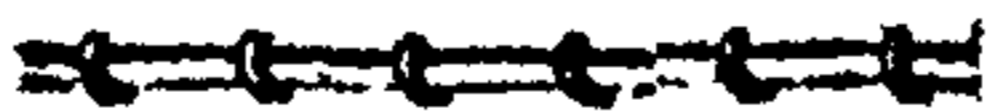


льдовъ пропекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божіими чудесами, подѣ ЕЛИСАВЕТИНОЮ державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливосшію Монархини нашея успокоенной и нецѣдимой Ея силою огражденной? О коль великое благодѣаніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространился! О коль вождѣбно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедря Государыни питаемы, въ радостныхъ шрудахъ упражняетесь! Представте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА, довольсвуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилѣжно: Я видѣшь Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава ошечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству ПЕТРОВА великая слава. Проспирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слѣва. Въ пространной Моей державѣ нецѣненные сокровища, которыя природа обильно произноситъ, лежатъ пощаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ; прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сіе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ шеченіи вашемъ. И вы, въ которыхъ

входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедрому въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Пешрова, попеченія Екашеринина и Елисаветина великодушія щещно не оставляйте. Не все среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чшобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предшоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣплаго Ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечесствѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда чшо прекрасное сіе музъ жилище къ несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище премѣнило, на которое мы едва безъ сшенанія м слезъ взирашь можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ ушѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилоствивѣйшія Государыни нашей уповаемъ, вѣдая, чшо нѣтъ шакой напасти, нѣтъ шакого щасія, которое бы великодушіемъ Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненнаго **МОНАРХИИ** нашей! толикою добродѣтелью украшенъ прешоль. **Всероссійскій!** Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; шоль благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышатъ и приношенія пріимать соизволяетъ; шоль мужественныхъ и великодушныхъ, — когда враговъ ихъ повергнушь и по-

срамишь

срамить хочеть ; шоль премудрыхъ , когда блаженство ихъ умножишь предприемлеть ; шоль человеколюбивыхъ , шоль милосердыхъ и шоль щедрыхъ , когда ихъ ушѣшишь , умножишь и ущедришь преклоняешся. Красуйся великими сими Вышняго дарами, ВСЕМИЛОСТИВѢИШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! и божественными Твоими благодѣянїями увеселяйся. Куда Твое пресвѣтлое око ни обратишь , вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ , вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушїемъ , и шолько милосердїемъ Твоимъ живущихъ , вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и Тобою возвышенныхъ видишь. Вся сѣверная страна хотя во всякое время , однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ , по прошествїи плодоноснаго лѣта и при окончанїи благословенной осени , ошъ земли плодами , ошъ моря богатствомъ , ошъсюду Твоимъ щасїемъ изобилующая , многочисленными торжествующихъ гласы превозносишь Твое преславное на ошеческїй престоль возшесшвіе, и оныя восклицанїя , кошорыя тогда ошъ внезапной радости и ошъ истинной любви происходили , нынѣ многократно повшоряешь. Наше неописанное удовольствїе и крайняя благодарность хотя никоимъ краснорѣчїемъ изображены бышь не могушь ; однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ симъ засвидѣтельствовать шщимся по мѣрѣ силъ нашихъ , вѣдая , что Богъ и Божию власшь на земли имѣющїе не столько на хипроспешенныя риторическїя сложенїя , сколько на чистое усердїе взирають.



---

# С Л О В О П О Х В А Л Ь Н О Е

Б Л А Ж Е Н Н Ы Я П А М Я Т И  
Г О С У Д А Р Ю И М П Е Р А Т О Р У  
П Е Т Р У В Е Л И К О М У ,

*Говоренное Апрелья 26 дня 1755. году.*

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство Всемилосливѣйшія Самодержицы нашей празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему опеческву Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи опеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ возшествіе поврвеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣнныя радости исполнено пріятіе Опеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хошя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы доспигають; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашей увѣрихся о томъ должно, видя что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по шеченію натуре бывающія переменны и явленія, но ясныя признаки Божія провидѣнія послужашъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Пешрова подъ Полшавою побѣда съ рожденіемъ сея Великія Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ Побѣдителя приходящая въ миръ встрѣшила ЕЛИСАВЕТА. Не перстомъ ли здѣсь указующій является  
Про-

Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣщаннаго вамъ предзнаменованіями благоденства. ПЕТРЪ торжесшвовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; ЕЛИСАВЕТА для подобныхъ родилась шріумфовъ. ПЕТРЪ возвративъ законному Государю корону, въ опеческій градъ шесшвовалъ; ЕЛИСАВЕТА въ общешво человѣческое всшунила, для возвращенія себѣ пошомъ Опеческой короны. ПЕТРЪ сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; ЕЛИСАВЕТА увидѣла свѣтъ, дабы пролишь на насъ сіяніе опрады, избавивъ отъ мрака печалей. ПЕТРЪ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужесшвомъ побѣжденных; ЕЛИСАВЕТА отъ ушробы разрѣшилась; дабы послѣ плѣншъ сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, крешосшю, шедрошою. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, Слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ Родительницы избавленіе опечесшва; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжешвенное вшесшвіе; съ пеленами побѣдшельныя лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостныя плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда ЕЛИСАВЕТЪ предвозвѣщенны Опеческія добродѣтели, предвозвѣщено Опеческое царштво?

Въ доступленіи онаго сколь много Всемогушій Промыслъ споспѣшешвовалъ Ея геройшву, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его  
силою

силою и духомъ подвижись Героиня наша, Всероссійскому государству, доисподолжной Его славы, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердцу нашихъ удовольствію, и общему блаженству значной часши свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; но коль несравненно больше спасеніе дѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ, поработилъ тебя нѣкогда чужому языку; и на пораженное глубокими язвами твое шло наложилъ тяжкія вериги! Пошомъ спенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободицелей ошь порабощенія и помяненія, которые соединивъ твои раздробленные члены; возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паде- ния избавила Россійскій народъ предводичая Богомъ на Отческій престолъ Великая ЕЛИСАВЕТА; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бывающъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападений. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи ошь поражения варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обогрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, нежели

Жели Агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная ЕЛИСАВЕТА вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ помленій испребила въ крашкое время; и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Оттряси свои сомнѣніи и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляешь намъ, Слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо ошъ утѣсенія, но и ошъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на престоль Ошеческій; Она оставлена, не помогають; Она оптринуша, не возвращають; Она пренебрегаема, не опшцають. О коль великъ стыдъ и посмѣяне! Но несравненная Героиня возшествіемъ Своимъ ошннала поношеніе ошъ сыновъ Россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доспавало, но сносило ЕЯ великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но Она не хотѣла пролишія крови; не нашему малодушію оное приписывашь должно, но Божескому промыслу, кошорой благоволила показати шемъ свою власшь, Ея мужество, и нашу радость усугубишь. Таковыя благодарія устроила намъ Вышній вступленіемъ на Ошеческій престоль Великія ЕЛИСАВЕТЫ!

Чтожь

Чтожь нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ прежде-реченныхъ. Вѣнчалъ Господь Ея чудное рождение, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, восшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренне враги побѣждены безъ пролитія крови; такъ и внѣшніе съ маалымъ урономъ преодолены были.

Облачается Монархія наша въ порфиру; помазуется на Царство, вѣнчается, приемлетъ Скипетръ и Державу. Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостатны и блѣднѣютъ; уклоняются, дають хребетъ Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ усѣбываетъ ихъ сильная рука вѣнчанная ЕЛИСАВЕТЫ; отъ единого Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и возжелѣнному сбытію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго Своего Родителя даешь Государямъ короны, успокоиваешь мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаешь Россійское наслѣдство; истрекаешь злато и серебро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ шягосни; земля не обаграется Россійскою кровію ни внутри ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы приращаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государствъ, повсюду возлюбленная шишина и Монархія нашей подобное время господствуетъ.



И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ, и украшенное преславными дѣлами Ошеческое царство возвысила; то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная Наслѣдница. Слѣдовашельно похваляя ПЕТРА, похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понинѣ умолчали. Ибо о семъ Герое должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ Ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчїи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако на конецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчїи, нежели въ благодарности показать недосшатоки; лучше съ произносимыми ошъ усердной простоты разговорами, соединить искренноспїю украшенное слово, нежели молчать между толикими праздншвенными восклицанїями; наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевождедѣнный залогъ Своея къ намъ Божественныя милости, копорую въ продолженїи Пшрова племени почишаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣнїе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или

паче, истощитъ на похвалу нашего Героя. Сіе предпринимая, откуда начну мое слово? Ошъ шѣлесныхъ ли Его дарованій? ошъ крѣпости ли силъ? Но оныя явсшвуютъ въ преодоленіи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчешныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препяшсшвій. Ошъ Геройскаго ли виду и возраста, съ величешвенною красошою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памлши его изображение живо представллютъ, удостовѣряютъ разныя государства и города, которые славою Его движимы, во срѣшеніе спекались, и дѣламъ Его сошвѣшсшвующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Ошъ бодрости ли духа при му началу? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго не возможно было произвести дѣлъ шоль многихъ и великихъ. Того ради непосредешвенно пристунаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе приняшь начало, нежели конца достигнушь; и что великій сей Мужъ ни ошъ кого лучше похваленъ бышь не можешъ, кромѣ шого, кто подробно и вѣрно шруды Его исчислишь; ештли бы шолько исчислишь возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткостъ опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія шокмо дѣла Его упоминаемъ; пошомъ преодоленныя въ нихъ сильныя препяшсшвія; на конецъ его добродѣтели, въ шаковыхъ предпріяшяхъ споспѣшсшвовавшія.

Къ великимъ Своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмошрѣлъ за необходимо нужное дѣло, шобы всякаго рода знаніе разпроспранитъ въ опечесшвъ; и  
людей

Людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножишь; о чемъ Его опеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанешь. Ибо неоднократно облетая, на подобіе Орла быстропарящаго, Европейскія государства, опчасши повелѣніемъ, опчасши важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ, оставишь на время опечесство, и искусствомъ увѣришься, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству опъ любовышнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда опворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, по выѣзжающе для приобрѣшенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествыхъ сыны Россійскіе, по приходяще съ разными искусствами, съ книгами, съ инструменшами иностранные, безпресшаннымъ шемли движеніемъ. Тогда математическому и физическому учению, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфиною, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престоѣ посажденному, благоговѣнное почитаніе, въ освященной Петровой Особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи Просвѣщенія предки наши не токмо лишались; но о многихъ и поняшя не имѣли. Коль многа нужныя вещи,

которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь государства производятся, и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабждаютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военного дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ недрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монешнаго шисненія, но и нужнѣйшаго желѣза, къ приутопленію оружія, съ чѣмъ бы сшашъ противъ непріятеля. Изчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь ошечества обильно разросшираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемныя внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаешь мужественное Россійское воинство противъ непріятеля оружіе, приутопованное изъ горъ Россійскихъ, Россійскими руками.

О семъ для защищенія ошечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предприятий, о семъ нужномъ учрежденіи порядочно войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способвъ, всѣхъ пушей изысканіе, шому всему когда надивишься довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великій Государь Царь АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЬ, между многими пре-  
славными

славными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствующъ счастливые его походы въ Польшѣ и пріобрѣшенныя обратно къ Россіи Провинціи. Но все Ею о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнью пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многочислѣ, нежели въ искусствѣ показавъ могло свою силу, которая сколько потомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ бесполезныхъ военныхъ предпріятій; а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣлочныхъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслишь, чтобы двенадцати лѣтъ Ошрокъ, оплученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя Своя Родительницы отъ злобы защищаемый, между непрестанными сраками, между коньями, между мечами на Ею родственниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріатели, почувствовали и вострепещали; и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслишь, что бы отъ дѣтской, какъ казалось: игры столь важное, столь великое могло возрасти дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе разсуждали, что сіе одна Ему только была забава, и по тому сіи новонабранные люди Польш-ными

ными назывались. Нѣкоторые имѣя большую прозорливость, и примѣшивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворошливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла ужѣ тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовашь всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядамъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе Геометріи, Механики и Химіи пребудешся, и паче всего имѣшь во всемъ искусныхъ начальниковъ; казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знашней недостатковъ и лишеніе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по томъ послѣдовало? Паче общезароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свѣше препинашельныхъ происковъ и язвительнаго ропшанія самой зависти, загремѣли внезапно новыя полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхахъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая вѣкогда Сенашъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія отъ него Консульскаго дошюинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески ПЕТРУ Великому бышь долженствововали, для Его бесприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли

ощцы

отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатшвъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власни надъ Римомъ истребующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста прекрасны мѣста благополучны, которыя столь чуднымъ зрѣнїемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непрїательству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящаго корысти, но ради будущаго славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однѣмъ столомъ, шую же прїемлющаго пищу; видя лице Его пылью и пошомъ покрываемое, видя, что отъ нихъ ни чѣмъ не разнишя, крѣмъ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилѣжнѣе, вѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, начиная починамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ни чѣмъ такъ величества, славы и высошты своего достоинства приращишь не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною Шведскою и по томъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружїа, и поѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо

ливо; но прошивныхъ преимущество и Россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему униженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя Россійское войско было по большей части двудѣшное, прошивъ спараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрой перемешчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельство нашего стана; и хотя Карлъ вторыйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться; однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой, и докончашъ побѣду; такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбгвардія и не мало прочаго войска за шѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, коихъ Онъ призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради Гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною распустивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискusstва войскъ Россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки прошивныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто, и по томъ многы одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашею Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства  
надъ



зналъ вами услышите; не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо сноряшь долгое время противъ сильнаго Россійскаго народа, стояшь прошивъ ПЕТРА Великаго, прошивъ Мужа, посланнаго ошь Бога на удивленіе вселенныя, и на конецъ бышь ошь Него побѣжденнымъ, ешь славнѣе, нежели побѣдишь слабые полки подь худымъ предводительствомъ. Почитайше по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла; и по согласію всего свѣта утверждайше, что едва бы кто возмогъ устоять предь лицомъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ опечесствѣ нашемъ прошивъ Его воздвигнушь ПЕТРЪ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенныя полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль торяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣшенное ошь премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россійское воинство сраженіями числиль пріобыкло; не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольно свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подь Лѣснымъ и подь Полтавою. Гдѣ болѣе удивиль Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе ошкрылось, коль сильныя имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроящнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно пріобыкшее изъ областей непрятельскихъ, дерзостію къ бою приведенное, подь предводительствомъ славныхъ начальниковъ въ воин-

скомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но онъ не дая сопрошивнымъ ошдохновенія, быспрымъ печеніемъ посшигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводителъ съ малыми оспашками едва плѣненія избылъ; чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти. Которыми хопя онъ сильно возмутился; однако мужественнымъ и спремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся прошивъ России; еще не могъ увѣришься, чтобы малолашное войско Петрово могло устоять прошивъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самага предводителъснвомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго России измѣнника, не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомерными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награждение трудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенною побѣдою надъ симъ презришелемъ Его раченій; которой прошиву своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣшелемъ невѣрояшныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгшвомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечшающейся въ мысляхъ спройной храбрости Россійской.

Толь знашными побѣдами прославивъ съ Собою Великій Монархъ во всемъ свѣшѣ Свое воинство, наконецъ доказалъ, что Онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался! Ибо не токмо узаконилъ, чтобы оно

оное никогда не распускашь, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ не малому упадку могущества и славы опечесства, происходило; но и содержашь всегда въ исправной готовноши. О истинное Опеческое попеченіе! Многократно напоминаль Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ поданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы шоль великимъ трудомъ и съ шоль чуднымъ успѣхомъ предпріятное обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословиль Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должныя ему шишулы *Императора, Великаго, Отца Отечества*, приносились, не преминуль подтвердитъ публично Правительствующему Сенату, что надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменоваль ясно, что Ему сіи высокіе шишулы не были пріятны, безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пуши силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, проспремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушашели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, ПЕТРОМЪ показанныя, и свѣшъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не опшвсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поспавляетъ. На всѣхъ видимъ

распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя приспави едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ спонуть волны подъ стягосью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверхности воды изображаясь, красотою своею усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плавателей, удаленныхъ странъ избытки выгружаютъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новыя Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между оражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить воспокъ съ западомъ. Откуда шолікая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по шоль многимъ морямъ, въ краіное время распространилась? откуда матеріи? откуда искусство? откуда махины и орудія вужныя въ шоль шрудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, выршвая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превсокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разнообразныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, лешающихъ черезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, ешлы бы такое невѣроятное; и выше силъ человеческихъ бытъ являющееся дѣло, въ опладенной древности приключилось и не было бы въ швердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ.

Въ

Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не лъзя опредѣлишь, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ ПЕТРЪ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ не утомимъ, въ обоихъ превосходень. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пуши, не шокмо прошолъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣшь упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовашь; подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта; ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упряднишься. Съ того самаго времени, когда онаго, вещью малаго ботикиа, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣшеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основашь флотъ, и на морской глубинѣ показашь Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума Своего силы во всѣ важнаго сего предпріянія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ шоль трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно; ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнущь? Что Великій Государь предпріемлешь? Чудилось прежде безчисленное народа множество, спешщееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присудствіи всего Царскаго дома, при знашнихъ чинахъ Россійскаго

госу-

государства, и при знашномъ собраніи дворянства, шѣ радующихся, шѣ поврежденія здравію Его боящихся, шру- дился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ масшеръ; копая рвы, и взвозя землю на раскатахъ, какъ рядовой солдашъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая при- мѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣша, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, по томъ на большой ширинѣ озеръ Ро- сшовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣ- лаго моря увѣрять о несказанной пользѣ мореплаванія, оплучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы между простыми работниками въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не по- гнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіе- ся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ шоль скоро не шокмо простой плотнической работѣ научился, не шокмо ни единой часши къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, кошорой бы Своими ру- ками не умѣлъ здѣлать; но и въ морской архитектурѣ шоликое приобрѣлъ искусство, что Голландія не могла ужѣ удовольствовашъ Его глубокаго поняшія. По томъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣ- дали, что не простой шѣ былъ Россіянинъ; но Самъ шоль великаго государства Обладатель къ шягостнымъ шрудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ноше- нія скипетра и державы руки. Но шолько ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для ука- занія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи до-  
стигъ

стигъ совершенной теоріи, и практики къ сооруженію Флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь щасливые береги, посвященные Петровыми спотами и пономъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда шажкіе къ составленію корабля приугошованные члены не рѣдко тихо ошъ работающихъ движимые, наложеніемъ рукъ Его къ скорому шеченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣрояшною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались спекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошешвию на воду приближались! Когда неуспшій ихъ Основатель и Строитель многократно шо наверху оныхъ, шо подъ ними обращающъ, шо кругомъ обходя, примѣчалъ швердосшь каждой часши, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей шочность, и усмотренные недосшатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неушомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неуспшнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ пошоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показала!

Коль радостны были великому Государю шоликіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ  
госу-

государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣшь можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовавалъ спотрудившихся съ Собою; но и безчужденному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества спекшихся зрителей; колеблется воздухъ и спонешъ отъ народного восклицанія, отъ шума веселья, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ машинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣщеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Вещному богику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія; и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исплинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Пешровой.

Превосходенъ на землѣ, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великій нашъ Защитникъ!

Отъ краткаго сего и части нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленія, уже чувствую упомленіе, Слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ дабы къ совершенію печенія слова моего силы и опредѣленнаго времени доспало, упошреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство шоль великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію



спроенію новыхъ городовъ, крѣносшей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ шоль частымъ и дальнымъ походамъ, къ спроенію публичныхъ и частныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно, и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго раззоренія. И по врожденному Своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ; но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердятся. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа, и каждого человека жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочеть, преселился и странствовать по своему произволению не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищешою; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, ошъ которыхъ не токмо села, но и города разорялись. Превратилъ, премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилѣжаніе, раззорителей въ защитниковъ; когда исчислилъ подданныхъ множество утвердилъ каждого на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать;

чрезъ что умножилось, и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельсвахъ оспались вредными грабителями, принудилъ горючими бысть къ смерти за опечесство.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчаю: упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: ошворилъ рукою Его новыя пріиспани на Варажскомъ морѣ при городахъ храбростію Его покоренныхъ и собсвеннымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Свокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ приращая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явспвуетъ изъ самаго начала сихъ учреждений. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Чтожъ? ужъ ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда осшается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присудственныхъ съ узаконеніями, регламен-

гламеншами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ, для оказанія заслугъ и милости; на конецъ полишика, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ умахъ вашихъ представше. Мнѣ только остается предложить едино крашкое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Пешровыхъ предпріяшій приключилось кому оплучиться изъ Россійскаго отечества въ опдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло; буде такая земля есть на свѣтѣ; по томъ бы возвращаясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшениями, новое строеніе крѣпосшей, новой флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и шеченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чшобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ, что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ шоль крашкое время общими силами человѣческаго рода; или шворческою Всевышняго рукою; или на конецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти шѣнь едину Пешровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣшь можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препяшствіяхъ бывшихъ на пуши исполинскаго Его шеченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ прошивныхъ, изъ прошивныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть

сего прошивнѣе, когда Россію обновляющему ПЕТРУ и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутри оторченія, оповсюду опасности грозили, и нагубныя слѣдства приу-готовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну ошягощали, кошорая еще прежде начала своего начала бышь вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣнь Европейскія государства, познашь ихъ преимущества: дабы возвращась, употребить ихъ въ пользу Своихъ подданныхъ. Только лишь прешель владѣнія Своего предѣлы, вездѣ ошущилъ великя и тайно пославенныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣшу извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Миѣ кажешся, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали спруи Двинскія, и будущему своему Повелителю, между туспымъ льдомъ, къ спасенію ошъ успроенныхъ коварствъ, снесю ошкрыли, и преодоленныя Имъ опасности Балшійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣсшили. Избывъ ошъ опасности, поспѣшаль въ радостномъ пуши Своемъ, довольствуюя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволею пресѣкаетъ Свое преславное теченіе. Какую имѣль самъ съ собою распрю? Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, кошорое къ Нему, къ единому своему упованію, просшерши руки восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня шерзають внутри измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю: но прежде укроти свирѣпыхъ: Ты распался

со Своимъ домою, со Своими кровными, для приращенія моея славы; съ усердіемъ почишаю; но успокой опасное неспроеніе: оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и проснымъ видомъ скрываешь лучи Своего Величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проникаясь, возвратился для утолненія страшнаго бури! Такія прошивности воспящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отъсюду окруженъ былъ неприятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многие восточные народы, Оттоманская Порта; извнутри стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависти, предательства на дражайшую жизнь Его приутоплялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвыситъ. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предприятияхъ извѣстна; первое Его веселіе бывъ домъ Господень; не слушавель шокмо предстояль божественной службѣ, но самъ чиновначальникъ. Умножилъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ Своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государственнаго мѣста съ просными пѣвцами на ряду стояль передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но одинъ нынѣ довлѣеть. Выѣжжая въ срѣшеніе

шѣлу

стѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струй Невскія. Чудное видѣніе! Гребушь Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляешъ, и къ простыхъ людей шруду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираешъ, вѣры ради Ею укрѣпляясь, избыль многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Ними, какъ нѣкогда Ерихонскую Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростию. Какая важность въ разсужденіяхъ; непришворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ; въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Черезъ сіи Пешровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хищные умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего Отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена опнятая непріятельми корона. Изъ всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивилъ вселенную,

СИМЪ

симъ устращивъ прошивныхъ. Въ самомъ Своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безспраше. Когда всѣ смотрѣли новаго дѣла, мешанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія; младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами Своея Родительницы, прошеніемъ Братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Спранствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много красть морскія волны возвышая гордые верьхи свои непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флосомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ яримъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху мешалдомъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представитъ можешь лешащаго по полямъ Полшавскимъ въ успроенномъ къ бою Своемъ войскѣ ПЕТРА, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ Свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И шны знойная Персія ни быспрыми рѣками, ни попучими болошами, ни стремнинами горъ превсокихъ, ни ядовишыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятитъ нашесшвію нашего Героя, не могла удержатъ торжественнаго въѣзда въ наполненные пошанымъ оружіемъ и лукавствомъ города.

Больше

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ, для крашкосши не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присушствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодуше великимъ Героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческа, нежели храбрыя послушки. Въ побѣдахъ имѣешь участіе храбрость воиновъ; споможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность, и больше всего присвоетъ себѣ счастье, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителю все принадлежишь единому. Славнѣйшую получаешь побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣюшь въ ней ни войны, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастье ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляешся; но великодушныхъ любишь сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Онълагалъ гнѣвъ Свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живого лишенъ не былъ, какъ только прошивъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полшавою пленные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія препоясаны были подяшыми противъ насъ мечами своими; ожидая посаженія въ темницы, посажены были за столомъ Побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряжено есть правосудіе. Первое званіе поставленныхъ отъ Бога на земли  
 обла-



обладатель естъ управляти мѣръ въ преподобіи и правдѣ; награждать заслуги, наказывать пресупленія. Хоша военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препяшствовали Великому Государю установишь во всемъ непремѣнныя и ясныя законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряють многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленныя дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончашъ и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому Родителю Дщери, въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хоша ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хоша не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ шѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препяшствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знашныхъ особъ за тяжкія пресупленія, объявилъ Свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу Своему и пушечною пальбою. Не ошягощаетъ Его казнь стрѣлцкая. Представше себѣ, и помыслише, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что Своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролила неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачуть вдовы, рыдаютъ сироты, воють насилуванныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и

острое оружіе было къ сердцу моему приспавлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое пушешесшвіе пресѣкли, вооружаясь явно прошивъ отечесшва. За все сіе ежели не опмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію; ужѣ вижу напередъ площади наполнены шруповъ, расхищаемые дома разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечесшво повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сии пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ възвещеть. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать Его милосшиваго и крошкаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дѣлованіями, возвышенъ величесшвомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просшо обращался, не имѣя великаго и Монаршеское присущесшвіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просшо всшрѣтись, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому пошебуешся. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и опдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умалала веселія, и просшоша не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и всшрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за шоломъ Его было! Спрашиваешъ, слушаешъ, опвѣчаешъ, разсуждаешъ какъ съ друзьями; и

сколько

сколько время сполна малымъ числомъ пищи сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межь шоль многими государственными попеченіями жилъ какъ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя жижины художниковъ вмѣщаль Свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ Своимъ посѣщеніемъ! Коль часшо съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ шому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За ошдохновеніе почиталъ Себѣ трудовъ Своихъ перемѣну. Не шокмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присудствіи дѣла вершили. Различныя художества не шокмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи награждителя. Чшожь Его путешествія, или лучше быспропарящія лешанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуешь Балшійское море; едва путь Его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумящъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Скъвана, Тамиза, Рень, и прочія скажите, сколько краше вы удостоились изображанъ видѣ Великаго ПЕТРА въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчи-

слишь! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смопримъ, по какимъ путямъ Онъ шесшвовалъ, подь которымъ древомъ имѣлъ ошдохновение, изъ котораго источникъ ушоялъ жажду, гдѣ съ проспыми людьми какъ простой работникъ шрудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начершалъ корабли, прісшани, крѣпости, и гдѣ между шѣмъ какъ пріяшель обращался съ подданными Своими. Какъ небесныя свѣшила теченіемъ, какъ море приливомъ и ошливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и шрудами для насъ былъ въ непрешанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ шрудными ружсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при шпроеніи городовъ, прісшаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ ошенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балшійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу, въ пошѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ<sup>1</sup>, но многіе; и не крашкая жизнь, но лѣшь тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладашелей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многія государствя; но свое ошечество безъ прирѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріяшеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто штріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего ошечества.

Иной

Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто чшобъ воздвигнуть, не могъ удержатъ шягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать спрашился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако челоуѣческаго достоянiя и наслѣдства не имѣлъ Разума. Другихъ не упошреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и шопъ недоспашочень. Чшо въ двѣспи пшшь-десять лѣшь отъ первой Пунической войны до Августа Непошы, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: шо ПЕТРЪ здѣлалъ въ крашкое время своея жизни. Комушь я Героя нашего уподоблю? Чашто размышлялъ я; каковъ Тотъ, кошорой всесильнѣ ть маню-венiемъ управляешь небо, землю и море; дхнешъ духъ Его, и пошекушь воды; прикоснешся горамъ и воздымяшся. Но мыслямъ челоуѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества посшигнушь не могушь! Обыкновенно представляюшь Его въ челоуѣческомъ видѣ. И шакъ ежели челоуѣка Богу подобнаго, по нашему поняшю, найши надобно; кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣшаю.

За великiя къ отечеству заслуги, названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему шипуль. Скажише, какъ Его назовемъ за шо, чшо Онъ родилъ Дщерь всемилоспивѣйшую Государыню нашу, Кошорая на Отеческой прешполѣ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣянiями Своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, копорыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣанія, награди долгоденствіемъ и Попомствомъ.

А ты великая душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внуку Наслѣдникъ; Правнуку по желанію нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

*Конецъ второй части.*



# СОДЕРЖАНІЕ

в второй части.

---

	страницъ
ПЕТРЪ Великій, Героническая поема - - -	9
Трагедія Тамира и Селимъ - - -	53
Трагедія Демифонтъ - - -	123
Письмо о пользѣ стекла - - -	188
Слово похвальное Государынѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВ- НѢ - - -	203
Слово похвальное Государю ПЕТРУ Великому - -	228

